

В НОМЕРЕ

Секретное оружие украинца

Впервые за всю постсоветскую историю перед Украиной ребром поставлен вопрос о выборе: либо с Западом, либо с Россией. О том, что выбор должен быть однозначным, заявили и европейские лидеры. Так что «не делать ничего», то есть не совершать выбора, не удастся.

СТР. 3

Рассказывать истории, глядя на огонь

Умберто Эко: «Я убежден: главным персонажем в жизни для ребёнка должен быть родитель, который рассказывает ему сказки. Остальное – вещи вспомогательные».

СТР. 9

Иероглиф Пушкина

Пока наши «прогрессисты» продолжают обсуждать, как нам относиться к русской классике и как заставить её читать школьников, в Китае просто издаются собрания сочинений Пушкина, Тургенева, Толстого, Достоевского, Шолохова. Каждого – тиражом 10 000 экземпляров!

СТР. 5

Тайники русской души и немцы

В преддверии открывающейся в апреле в залах Мраморного дворца Русского музея выставки «Тайники русской души. Взгляд из Германии» наш обозреватель Алиса Даншох в эссе «Ещё раз про Любовь» размышляет об этом прекрасном чувстве, истории одной немецкой семьи и, конечно же, об искусстве.

СТР. 11

Свершилось!
С 3 апреля 2013 года заходите на новый сайт «ЛГ» по старому адресу www.lgz.ru

ПРОЩЁННЫЙ МАРТ

60 лет назад по указу об амнистии на свободу вышли 1 миллион 183 тысячи человек

Сталина), тогдашний руководитель НКВД СССР Л.П. Берия подготовил проект правительственного указа. На следующий же день Президиум Верховного Совета СССР единогласно утвердил указ «Об амнистии».

И вскоре больше миллиона человек, томившихся «за колючкой», вдохнули воздух свободы. Из них – 98,4 процента мужчин и 1,6 процента женщин. Если учесть, что всего заключённых было 2 миллиона 526 тысяч 402 человека, то размах амнистии был беспрецедентным. Освобождённые вернулись в свои семьи, к своей работе. Но, как свидетельствуют документы того времени, – не все.

Да, амнистия – это акт милосердия государства. Это, говоря языком юристов, реализация принципов гуманизма и экономии уголовной репрессии. Но, как утверждают специалисты, около пяти процентов амнистированных вновь оказываются на скамье подсудимых. Поэтому нынешнее отношение общества к амнистиям, мягко говоря, настрожённое. Бытует мнение: такой, открывающий ворота тюрьмам, гуманизм к преступникам за счёт их жертв неуместен. Особенно в моменты, когда страна находится в состоянии преступного бума.

Известно, одна из главных проблем – трудовое и бытовое устройство амнистированных, пополняющих собой толпы бездомных, ночующих в подъездах жилых домов, на привокзальных площадях и в подземных переходах... Склонных к преступному рецидиву в силу обстоятельств... И порой совершающих очередное мелкое преступление только для того, чтобы вернуться в душное тепло тюремной камеры, на казённое трёхразовое питание... На наш взгляд, именно эти первоочередные вопросы нужно обсудить, прежде чем громко призывать к немедленной гуманизации уголовного законодательства и к очередной массовой амнистии.

Окончание на 12-й стр.

Преступник должен сидеть в тюрьме – незыблемая, казалось бы, истина. Но тем не менее время от времени государство амнистирует заключённых, открывая им тюремные ворота. В надежде, что пережитое в неволе породило в них тягу к законопослушной

жизни. Такой (небывалой по своим масштабам!) была амнистия 1953 года, в результате которой на свободу вышли 1 миллион 183 тысячи человек.

Шестьдесят лет назад, 26 марта 1953 года (всего лишь через два десятка дней после смерти

ПО СЛЕДАМ

Что им в нас не нравится

За 183 года существования «ЛГ» у неё было немало литературных и политических оппонентов. Но, пожалуй, никогда за почти два столетия критика не велась на таком низком, сером уровне, как сегодня. Вот и критик Анна Голубкова опубликовала на сайте <http://www.colta.ru/docs/17612> статью с заголовком, украсившим бы газету «Безбожник» образца 30-х годов прошлого века. Специалист по В.В. Розанову, как следует из её обстоятельных презентаций в Интернете, м-м (м-ль?) Голубкова едва ли могла не отрефлексировать изобретённое в креативных муках название. По первому прочтению кажется, что в статье используется метод Герострата. Куда там! Автор то и дело срывается на звукоподражание крыловской Моське, одновременно деятельно участвуя в раскрутке относительно нового ресурса. Ещё бы! Кому же не захочется узнать, кто именно сегодня главный враг прогресса и молодёжи с пудовой гирей на цепке? Ни одного имени в тексте не приведено. Даже главный редактор «Литературки», на которую «наставлен сумрак ночи», ни разу не упоминается. Что кроется в этом безликом «чёрном квадрате»? Не избегание ли судебного иска путём изъясного умолчания?

Поначалу в хронике автора на фейсбуке появилось буквально несколько глумливых комментариев. Наверное, поэтому Голубковой пришлось пускаться в разъяснения: «Заметку эту породила типа рецензия на «Всё о Лизе» Марии Галиной. Хотелось, конечно, ответить на неё злобно и с выкрутасами, но я не написала и половины статьи, как стало... всю редакцию «Литгазеты» страшно жалко». Фельетон о полной беспомощности виршей М. Галиной, выдаваемой за абалденное новаторство, действительно недавно прошёл в «ЛГ» (№ 10–11). А вот без «выкрутасов» знатку истории Охотного Ряда обойтись явно не удалось.

Когда статья, посвящённая идеологической ветхости и эстетической замшелости крупнейшего и старейшего издания, была воспроизведена

более популярными пользователями, количество комментариев в Сети зашкалило. По признанию одного из наших оппонентов, хоть и по другому поводу, он «25 лет «Литгазетку» в руках не держал». Это понятно. Ведь до сих пор подобные «культурологи» пребывали в уверенности, что их милогабаритной кухонькой и ограничивается культурное пространство. Очень надеемся, что такое колебание основ не слишком отразится на подорванном разнообразными стимуляторами здоровье нашего хилого «авангарда».

Нас приятно удивило, что лишь считанные единицы в Сети поддержали пафос А. Голубковой. Абсолютное большинство оказалось на стороне «ЛГ». Вот лишь несколько примеров (блогеры, как известно, в выражениях не стесняются, но это их выражения).

Алексей Ивантер: «Я, конечно, понимаю, что поэзии за пределами Зверевского центра нету... но не грустно ли не иметь массового читателя? Вот эти ноты озлобления, откровенно мерзостные интонации, хорошо известный жанр доноса и детского поноса... неуклюжее падение литературного уровня поэтических публикаций, мельчание имён андеграунда – всё говорит о вырождении тусовки».

Вениамин Ленский: «Разве «Литературная газета» должна стать тем, чем, к примеру, является журнал «Воздух», – рупором русскоязычной педерастии, западной дистрофии? По моему, газета не должна терять лица традиционного... В сущности, эту обвинительную статью следует воспринимать не иначе как вылазку из противоположного лагеря, цель которой – просканировать сильные и слабые области «Литгазеты», а затем задуматься над возможной реализацией стратегии нападения. Статья, видимо, заказная».

Несколько расхолил участников диалога комментарий такого авторитета, как Виктор Топоров: «Зря вы так. В смысле, оно того не стоит. Кольта – стенгазета, и ничего более».

Топорова поддержал Александр Хабаров, на-

звал сайт «Боевым листком расформированной интеллигентской роты».

Но журналисты – люди азартные. И главную роль в нашем окончательном решении сыграла не хлипкая во всех отношениях статья А. Голубковой, а провокативное, возможно, на такую реакцию и рассчитанное высказывание постоянного ругателя «ЛГ» на просторах ФБ Александра Самарцева: «Литгазетку» это хрен бы напечатала. Не для того власть бралась».

Тема «власти», которую якобы «берёт» или за которую успешно борется наше издание, и нескрываемый страх перед этим обстоятельством пронизывают статью на Кольте. Можно было бы в принципе ограничиться констатацией дрейфа автора от Розанова к Галиной, сделать короткие выводы о путях постмодернизма и хотя бы из сострадания промолчать (Голубкова же нашла в себе силы нас «пожалеть»!) Но завела эту тему другой критик, Е. Вежляя, публикацией в «Русском журнале» (<http://www.russ.ru>) «Серые атакуют, или Рассуждение о состоянии литературной печати». Надо ли добавлять, что «ЛГ» зачислена в разряд «серых»? Если страх Голубковой хотя бы присыпан порошком «большого стиля», то Вежляя, до потери голоса пиарящая ту же Кольту, никак не камуфлирует обуревающих её фобий: «...у них (у нас!) – «ЛГ» явно появилось системное место; «...с госфинансированием она (литературная пресса – «ЛГ») вполне может стать и мейнстримной...». Правда, у Е. Вежляя, как и у А. Голубковой с её милостью к М. Галиной, есть сугубо личные причины обратить взгляд василиска на нас, убогих и серых: мы задали нахобучку роману вежляновского мужа В. Губайловского (№ 34, 2012). Это несколько снижает градус ажитации, но не устраняет её причину.

В общем, так! Не прибегая к хрену, мы целиком публикуем кольтовскую статью. И сделали бы то же самое, передай автор текст к нам в редакцию.

Продолжение темы на с. 4

КНИГА НЕДЕЛИ

● Василий Белов. Когда воскреснет Россия? / Сост. Т.И. Маршковой. – М.: Алгоритм, 2013. – (Серия: Политические тайны XXI века). – 450 с. – 2000 экз.

Теперь уже вряд ли кто-то осмелится спорить с тем, что Белов – классик. Это признают даже те, кому ненавистно его коренное почвенничество. А в каждом собрании сочинений русского классика есть хотя бы один том публицистики. «Публицистике Василия Белова присуще удивительное свойство: с течением времени она не теряет свою силу, а наоборот, становится ещё более значимой для национального самосознания», – пишет вологодский критик Виктор Бараков. Да, Василий Иванович всегда остро откликался на события, происходящие в стране, осмысливал «зигзаги русской судьбы». Именно в публицистическом жанре писатель имеет возможность говорить от первого лица. В нём, как и в художественном творчестве, для русского писателя главное – речение о гармоничной жизни человека на родной земле. И Белов говорил – хлёстко, бесстрашно. Собственно, с середины 80-х годов, почувствовав первые признаки крушения страны, он и писал в основном публицистику. О судьбе русской деревни, о разделённости русского народа, о потере национальной и духовной самобытности. Он всегда сомневался в своём ремесле: «Вот я до сих пор публицистикой занимаюсь. Напрямую свои мысли излагаю читателю. А надо ли это писателю, до сих пор не знаю». Но при этом Белов никогда не терял веры в силу народного духа, верил и в возрождение нашего государства, в то, что народ наконец проснётся, но не для смуты, а ради её преодоления: «Народная жизнь обладает, по-видимому, и свойством регенерации, свойством восполнения, как восполняются или даже возрождаются почти что из ничего некоторые растения и организмы...»

ЗНАЙ НАШИХ!

Своевременные мысли

Александр Неверов держит ответственное слово

На территории многофункционального пространства «Восемь колонн» на Воздвиженке объявлены лауреаты Горьковской премии. В начале мероприятия выступила супруга президента РФ Людмила Путина, которая сказала, что ей очень приятно быть причастной к традиции вручения Горьковской премии. Награду вручили в пяти номинациях.

Супруга президента РФ Людмила Путина – на церемонии вручения премии

Юрий Петкевич удостоен награды в прозаической номинации «Фома Гордеев» за книгу «С птицей на голове». Лауреатом в поэтической номинации «Не браните вы музу мою» стал Анатолий Богатыч за книгу «Под уздечной звездой». Актёр, кинорежиссёр и поэт Николай Бурляев стал лауреатом премии в номинации «По Руси» за книгу мемуаров и бесед «Жизнь в трёх томах». За просветительскую научно-литературную деятельность, освоение русской и мировой философской мысли в номинации «Мои университеты» был награждён Борис Тарасов. В категории «Несвоевременные мысли» отметили многолетнего сотрудника «ЛГ» критика Александра Неверова за книгу статей, очерков и эссе «Штрихи к пейзажу». От души поздравляем всех лауреатов, и особенно – нашего дорогого друга и коллегу!

ОЧЕВИДЕЦ

В тумане и гнев

Думу, похоже, всерьёз охватила непреходящая нервность. Поспешность, с которой принимаются законы, по меньшей мере настораживает. А когда нет времени обсуждать, кратчайший путь к решению проблемы — что-то запретить. В этом причина нарастающей «запретности» принимаемых законов.

Закон о недопустимости вождения машины в нетрезвом состоянии. По вине пьяных водителей за год гибнут десятки тысяч людей. Нужен такой закон? Сверхнеобходим, но... Упразднение в нём статьи о допустимости в крови минимальных норм алкоголя (что является не фактом нетрезвости, а последствием выпитого лекарства или стакана кефира натошак) превращает закон в абсурд. А зашкаливающие цифры штрафов распахивают перед сотрудниками ГАИ двери в коррупционный рай. Чем больше штраф и жёстче наказание, тем больше взятка.

Или другой пример — скандал вокруг публикации в «Московском комсомольце» о политической проституции. «Праведный» гнев обрушился не на саму политическую проституцию, которая стала едва ли не нормой для многих отечественных политиков, а на газетчиков, заботящихся (может, не всегда корректно) хотя бы о частичном выдворении депутатского мира. И понеслось — мерзавцы, негодяи, заткнитесь! Тоже очень далеко от корректности. Истерика!..

Мы редко задумываемся, почему появился термин «четвёртая власть», который, кстати, родился не в России. Потому что к трём остальным давно уже и повсюду абсолютного доверия нет, и нужна некая независимая власть, не повязанная выборами, назначениями, способная дать оценку действиям других ветвей.

Пресса — власть свободного слова. Она не может никого в одночасье назначить или снять. Казнить или миловать. Она может только рассказать, за что снимают и как назначают. Или на что-то указать в надежде, что её услышат, задумаются, примут меры. Бесспорно, четвёртая власть не идеальна. Мы это знаем из истории советских и постсоветских времён. И тем не менее без присутствия свободы слова в нашей жизни все иные свободы окажутся под вопросом, потому как молчание или умолчание лишают человека способности думать. Ведут к бесконтрольности.

Закон о свободе слова, принятый в 90-х годах российским парламентом, было бы справедливо назвать культовым и определяющим для развития страны. Практически он так и остался едва ли не единственным работающим законом, как и самым атакуемым со стороны власти, пытающейся любыми изысками сократить поле его влияния, а проще говоря, переписать под себя. И только благодаря позиции самих СМИ и общества (которое далеко не во всё согласно с тематикой отдельных газет, теле- и радиокомпаний) удаётся сдерживать этот непрекращающийся штурм.

Закон о свободе СМИ слишком значим, чтобы его поставить под вопрос. И неоднократные попытки внести в него изменения оканчивались неудачей. И тогда деструктивные силы в парламенте избрали иной путь: в целый ряд законов, затрагивающих другие проблемы, включаются статьи, регламентирующие действия журналистов и сводящие на нет принципы свободы слова.

Пример — закон об экстремизме. В соответствии с ним журналист, критикующий действие региональной власти, может быть обвинён в проявлении экстремизма со всеми вытекающими последствиями. Из этой же серии ещё одна новация, затрагивающая нормы свободы слова, — запрет на оглашение национальности преступника. Якобы подобные упоминания сеют межнациональную рознь.

А вот запрос на повышение зарплаты депутатам и доведение её до уровня зарплаты министра и сотрудников администрации президента с точки зрения народных избранников никакой розни не сеет. Логично. И в незнании жизни не упрекнёшь.

Однако поток безумных творений уже не остановить. Готовится закон, запрещающий СМИ вмешиваться в личную жизнь публичных политиков (знаковых фигур парламента, исполнительной власти).

Позвольте, господа публичные политики, а вы на что рассчитывали? На нескончаемое пение гимнов в вашу честь? Вошли в коридор публичности — испейте чашу до дна. И сладость её, и горечь.

Но законодатели полны праведной решимости. Нужен закон, полагают они, запрещающий давать информацию об убийствах детей, ибо упоминание подобных фактов травмирует родителей. А как же тогда бороться с этими зверскими преступлениями? Молча?

Пора разобраться с заказными материалами в СМИ, кричат депутаты. И как итог — возможное запрещение таковых без всякого разбора...

Уважаемые депутаты, вы не отягощаете себя поездками в метро и, возможно, забыли, когда в последний раз появлялись на улицах в роли пешехода. Вы видите мир через стёкла служебных машин — у кого-то с мигалками, у кого-то без них. А когда садитесь в собственную машину, у вас в правом кармане лежит не паспорт, а депутатские корочки, так, на всякий случай. Увы, реальная жизнь без тумана зачастую совсем другая.

Это, например, нарастающий беспредел в ЖКХ. Это когда ваши избиратели в очередной раз получают квитанции по оплате коммунальных услуг, которых ждут как приговора.

Загляните в аптеку, протяните рецепт, и через минуту ваши волосы встанут дыбом. Цены на лекарства немислимые. Отечественная фармакология рухнула. В городских поликлиниках не хватает врачей. О сельских вообще не говорю. Их, по сути, нет. Наблюдается помешательство на идее укрупнения родильных домов. У женщинى родовые схватки, а ближайший роддом за 40–80, а то и 100 километров!..

Вот вокруг каких житейских проблем и им подобных следует вести дискуссию в парламенте.

А вместо этого — скандально-озлобленный штурм бастиона по имени СМИ. Как происходящее следует воспринимать? Здорово и спокойно — очередное затмение разума законодательного мира России. Но к чему это может привести? Возможно — к отрезвлению. Хотя и опьянение собственной неограниченностью тоже возможно.

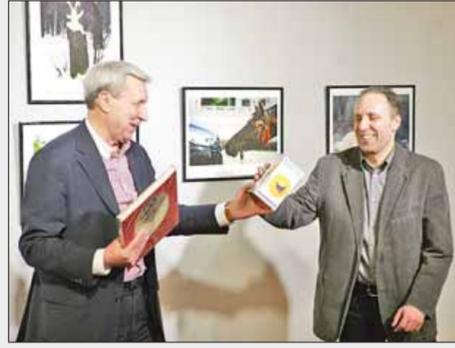
Олег ПОПЦОВ
Точка зрения авторов колонки может не совпадать с позицией редакции

МОСКОВСКИЙ ВЕСТНИК

В дни школьных каникул современные дети, предпочитающие книгу компьютерной игре, впервые вышли в свет на благотворительный «Русский детский бал-маскарад книжных героев» в Государственном Кремлёвском дворце.

Накануне Дня смеха в «Фотоцентре» на Гоголевском бульваре в рамках фотоконкурса «В фокусе улыбка!» открылись две экспозиции. Авторская выставка художника Андрея Дорофеева «СМИшные коллажи», на которой представлено более 60 работ по политической, экономической, социальной тематике, а также 50 работ профессиональных фотокорреспондентов и фотолюбителей. Призы вручались как за снимки, так и за подписи к ним. На нашем снимке «СМИшной» приз получает художник Андрей Дорофеев из рук директора «Фотоцентра» Валерия Никифорова.

Он совершенно не похож на человека, которому исполнилось 80! Энергичен, деятелен, элегантен и, как всегда, работает над новым фильмом. Народный артист России, лауреат Госпремии — кинорежиссёр — сценарист, продюсер, педагог Александр Наумович Митта был безусловно украшением вечера, который прошёл в столичном Доме кино в честь его юбилея. Звучали поздравления коллег, учеников, поклонников, любимых артистов... «Друг мой, Колька!», «Звонят, откройте дверь», «Гори, гори, моя звезда», «Точка, точка, запятая...», «Экипаж», «Сказка странствий», «Сказ про то, как царь Пётр арапа женил» — эти и другие «МИТТАМОРФОЗЫ» останутся в истории отечественного кино.

ЗЛОБА ДНЯ

Предприниматели на линии фронта

На минувшей неделе в Ростове-на-Дону прошла первая конференция Общероссийского народного фронта.

Она была посвящена обсуждению и воплощению в жизнь положений предвыборной статьи Владимира Путина «Строительству справедливости. Социальная политика для России» и проходила в два этапа. Первый день был организован в форме дискуссий на пяти площадках: «Крепкая семья. Защита детей», «Здоровье граждан, здоровый образ жизни», «Достойный труд и социальный престиж человека труда» и «Россия — страна без бедности», а также «Традиции и качество образования».

На следующий день на конференции выступил президент Владимир Путин. Прозвучали очень важные политические заявления. Глава государства предложил сделать такие конференции регулярными, а также преобразовать ОНФ в общественное движение. «Предлагаю провести учредительный съезд этого движения где-то месяца через полтора, в середине июня, 11–12 июня текущего года», — сказал Владимир Путин.

И всё-таки в центре внимания были проблемы развития нашего общества и экономики. И, в частности, тревожная ситуация с малым бизнесом, из которого в последнее время уходят люди. «Бизнес готов платить налоги и страховые взносы, но они должны быть разумными», — информировали президента. Глава общественной организации малого и среднего предпринимательства «ОПОРА России» Александр Бречалов, в частности, сказал: «Ни Минфин, ни социальный блок правительства не хотят пока даже вступать в диалог с нами. Мы обсуждали эту проблему с Минтруда, они готовы к дифференциации. Но я сомневаюсь, что в итоге мы придём к консенсусу».

Что же мешает людям, занятым в индивидуальном бизнесе? Об этом размышляет эксперт «Литературной газеты»

В России сегодня заниматься бизнесом невыгодно и непрестижно. Невыгодно потому, что есть большой риск потерять из-за рейдерства всё, даже если что-то и заработаешь. Очень сложно выйти на рентабельность, получить доступ к финансовым и другим ресурсам. А непрестижно потому, что молодёжь хочет работать в государственном секторе, бюрократическом аппарате. Прежде всего в контролирующих и правоохранительных органах.

Это, безусловно, приводит к массовому оттоку молодых, потенциально способных людей из сферы предпринимательства. В итоге государство получает сразу две проблемы.

Первая — перенос рисков на само государство. Ведь в целом класс предпринимателей в обществе выполняет полезную функцию, а именно — берёт на себя риски. Имейте при этом в виду, что в любом обществе желающих рисковать — меньшинство — 5–10 процентов. Если эта категория людей исчезает, за всё отвечает и платит только власть. Что мы сейчас и видим.

Власть задыхается от социальных выплат, завывающих расходов, несёт ответственность за неудачные инвестирования. Если раньше денег хватало, то сейчас начались проблемы с бюджетом. А поскольку в обществе предпринимательский дух угас и доверие исчезло, все требуют денег только у государства.

Вот мы и слышим: увеличить расходы на то, на это, выделить государственные средства, дать государственные гарантии. А ведь значительная часть средств могла бы прийти от предпринимателей. И вовсе не обязательно от олигархов. Речь идёт о миллионах людей, которые бы вложили в своё дело труд и талант. Кроме того, надо не забывать, что они вносят на общую ниву не только это и не только деньги, но и капитализируют свою инициативу, энергию, навыки, дарят время и идеи.

Иными словами, создают социальный капитал. В масштабе общества — это колоссальный ресурс. Но сейчас все риски и ответственность ввалило на себя почему-то само государство, при этом не давая работать всем остальным.

Второй момент, очень важный для социальной гармонии, — это обеспечение самозанятости. Чем больше людей становится самозанятыми, находят себе дело, тем легче и проще государству выполнять функции по социальной защите тех, кто действительно не способен трудиться по объективным причинам — старикам, инвалидам. Резерв самозанятости в России очень велик — это десятки миллионов граждан, учитывающих вторичную дополнительную занятость.

Мало того что это снимает нагрузку с бюджета, то есть не надо никому платить пособия по безработице, но самозанятые помогают и родственникам, тем самым косвенно снимают нагрузку на бюджет. Пенсионеры, инвалиды могут подрабатывать и так далее.

Есть ещё один плюс — в условиях массовой самозанятости государство может лег-

че провести оптимизацию расходов бюджета, сократить раздувшиеся государственные конторы, снизить себестоимость и издержки на многих предприятиях, где сейчас это сделать сложно из-за возможных социальных проблем.

Самозанятость возможна как форма организации индивидуального или малого предприятия, так и через коллективные формы — например, бесприбыльные организации, цель которых — предоставление социальных услуг населению. Или такая перспективная, но забытая ныне форма, как промысловая и потребительская кооперация.

Кстати, Сталин очень хорошо относился к этому сектору экономики. Развитие промысловых производственных артелей всячески приветствовалось в те годы. Было очень много кустарей и ремесленников, поддерживались приусадебные хозяйства, работало множество колхозных рынков. При Сталине артельщикам и кустарям предоставлялись сырьё, транспорт, складские помещения по минимальным ценам. Этот сектор был освобождён от большинства налогов и даже от госконтроля над розничными ценами, что тогда казалось вообще невероятным. И всё это происходило в те годы, когда, как нам говорят, предпринимательство не существовало. А между тем на селе активно развивалась потребительская или торгово-заготовительная кооперация.

Разгром артельного предпринимательства произвёл Хрущёв, с 1956 по 1960 год. Хорошо ещё, что до потребкооперации не добрался.

Характерно, что особое внимание артельному и кустарному делу уделялось в годы Великой Отечественной войны, то есть когда было очень тяжело.

Важно бы вспомнить этот опыт сейчас. К сожалению, правительство, наоборот, подходу к самозанятости, прежде всего к индивидуальным предпринимателям, как к дойной корове, то есть исключительно с фискальными целями. Совсем не обращает внимание на их социальные функции и вторичный положительный эффект. В результате недавно было принято явно неправильное решение о повышении социальных взносов для индивидуальных предпринимателей, что привело

к массовому закрытию множества предприятий в сфере мелкого бизнеса. Получается, что пострадало многие из тех, кто сознательно встал на налоговый учёт и хотел работать честно. А те, кто был и остаётся в тени, только радуются. Это очень плохой сигнал.

Не говорю уже о том, что теперь серьёзно подорваны доверие и связь между слоём индивидуальных предпринимателей. Ведь уже планируется новое повышение взносов, и неизвестно, чего ждать дальше. Совершенно не учитывается, что эти люди производят нужные обществу товары и услуги, кормят себя сами, свои семьи, а также дают работу другим людям со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Даже если сейчас президент отменит решение по налогам, которое, кстати, ничего не принесло и бюджету, поскольку налогооблагаемая база снизилась больше, чем повысилась ставка, всё равно негативный эффект будет налицо.

Всё это происходит потому, что малый и средний бизнес, а тем более индивидуальный предпринимательство никому в правительстве не интересны. Влияние Минфина и Федеральной налоговой службы значительно весомее всего этого сектора в целом. И если им поставлена задача увеличить поступления в бюджет, то они сразу переводят стрелки на тех, кто слабее. Вместо того чтобы пройтись по крупным корпорациям.

В идеале этот сектор должно было бы защищать Министерство экономического развития, но оно больше озабочено крупными инвестиционными проектами. Тема малого бизнеса для него — второстепенна. По-моему, следовало бы переориентировать его работу в большей степени на помощь бизнесу и дать полномочия блокировать все возможные поправки Минфина и Налоговой службы по изменению режима работы индивидуального и малого предпринимательства. Так, чтобы в будущем повторение нынешней ситуации было просто невозможным.

Вообще в ситуации приближающейся стагнации экономики России надо как раз снижать налоги и прежде всего на малый и средний бизнес. При этом должен быть введён мораторий на повышение налогов в будущем с чёткой формулировкой, целевым ориентиром — до выхода на траекторию устойчивого роста экономики. Повышать любые налоги вообще можно только в период роста экономики и наоборот. Это аксиома экономической политики и стимулирования роста.

Хотелось бы, чтобы наши министры почитали на досуге какой-нибудь учебник по экономике, прежде чем в следующий раз делать что-то в налоговой сфере.

В ПОСЛЕДНИЙ ЧАС

Бисером по ленточке

Как внезапно стало известно, советником президента по внесистемной оппозиции назначен Борис Немцов. Первой инициативой назначенца стало предложение сделать белую ленточку обязательным аксессуаром костюма профессионального оппозиционера с дополнительной надписью по периметру: «Путин с нами! Надпись предлагается вышивать бисером вручную силами оппозиции».

Продолжение на стр. 16

Андрей БУНИЧ, президент Союза предпринимателей и арендаторов России

<p>ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА</p> <p>1971 1979</p> <p>УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ АНО «Редакция «Литературной газеты»</p> <p>Главный редактор Юрий ПОЛЯКОВ</p> <p>Заместители главного редактора Алесь Кожелуб, Леонид Колпаков, Марина Кудимова, Игорь Серков</p> <p>ОТДЕЛЫ: «Политика, экономика» тел. 8-499-788-01-06 Игорь Серков, Владимир Сухомлинов «Литература и библиография», сайт «ЛГ» тел. 8-499-788-02-05 Марина Кудимова, Игорь Панин, Татьяна Шабалева «Искусство» тел. 8-499-788-02-12, Арина Абрисимова, Анна Кузнецова «ТелевЕдение» тел. 8-499-788-02-12 редактор Александр Кондрашов, Олег Пухнавцев «Общество» тел. 8-499-788-02-08 редактор Людмила Мазурова, Наталья Гамаюнова</p>	<p>«Клуб 12 стульев» тел. 8-499-788-00-53 администратор Александр Хорт</p> <p>Обсуждали Сергей Мнацаканян, Лев Пирогов, Дмитрий Каралин (Санкт-Петербург), Игорь Гамаюнов</p> <p>Спецпроекты и приложения Алесь Кожелуб, Анастасия Ермакова</p> <p>Отдел оформления тел. 8-499-788-01-13 бывш.-редактор Евгений Федоровский, художественный редактор Антон Меньшов</p> <p>Представитель в Санкт-Петербурге и Северо-Западном регионе Валерий Павлов</p> <p>Собственные корреспонденты Александр Самойленко (Калуга), Юрий Беликов (Пермь), Жан Миндубаев (Ульяновская область, Татарстан), Владимир Шемшученко (Санкт-Петербург), Владимир Королёв (Смоленск), Сергей Евстратов (Республика Молдова), Юрий Шербатов (Австралия и Камбоджа), Лия Иванни (Армения), Ирина Тосунян (США), Алексей Славин (Германия), Мария Хамакер (Центральная Европа), Никита Барашев (Италия), Светлана Селиванова (Китай), Евгений Минин (Израиль)</p>	<p>Цена договорная Отпечатано в ЗАО «Полиграфический комплекс «Экстра М», 143400, Московская область, Красногорский р-н, п/о «Красногорск-5», а/м «Балтия», 23-й км.</p> <p>Номер подписан к печати 2 апреля 2013 г. Зак. № 13-02-00052</p> <p>Редакция рассматривает все обращения читателей, оставляя за собой право не рецензировать и не возвращать письма и рукописи.</p> <p>Подписные индексы: 50067, 34189, 84874 и 99168 (для предприятий и организаций)</p> <p>Подписка и распространение: тел. 8-499-788-01-12</p> <p>Экспортная подписка — по каталогам «МК-Периодики» и «East View Publications»</p>	<p>Газета зарегистрирована в Федеральной службе по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций Свидетельство ПИ № ФС77-35721 от 20.03.2009 г.</p> <p>Адрес редакции: Д. Холмовский переулок, 10, стр. 6 Москва, 109028 тел. 8-499-788-02-52</p> <p>Автоматизатор и соединение с отделами: 8-499-788-02-10</p> <p>Электронный адрес: litgazeta@lgz.ru Факс: 8-499-788-00-52</p> <p>Перепечатка допускается по согласованию с редакцией, ссылка на «ЛГ» обязательна</p>
--	--	--	---

ПРЯМАЯ РЕЧЬ

Секретное оружие украинца

— Означает ли заявление президента, что Украина всё ещё не определилась окончательно с выбором внешнеполитического курса?

— Украина всегда старалась избежать однозначного геополитического выбора. Многовекторность — у нас в крови. Сегодня мы стоим перед необходимостью трудного выбора между ЕС и Таможенным союзом. Я убежден, что среди простых людей большинство за сближение с Россией, поскольку они чувствуют единую кровную связь с россиянами. Политическая элита при любых условиях хочет сохранить свою власть и статус. Так уж вышло исторически, что гетманы приходили к власти при поддержке Москвы, а потом быстро переключались на Польшу, где государственная власть слабее и легче было выторговать персональные привилегии для себя и своих близких.

Кроме того, в разных регионах страны разное видение будущего Украины. Символично, что в последние годы снято табу с запрещенного при Ющенко слова «федерализм».

— Вы лично за соборность Украины?

— Соборность, в российском понимании, которое мне лично ближе, — это внутреннее единение в любви и согласии. На Украине соборность понимается как внешнее, территориальное единство этнически украинских земель. Да и как может быть иначе в стране, веками лишённой своей национальной государственности? И сегодня процесс духовного объединения жителей различных прежде обособленных территорий не вполне завершён. Термин «украинцы» остаётся скорее этническим понятием, чем гражданским и политическим. Неслучайно, что в преамбуле к Конституции Украины украинский народ трактуется как граждане Украины всех национальностей.

— Но существует общая государственная политика, общенациональные интересы, не так ли?

— Конечно, как же иначе. Но дело в том, что в отличие от России на Украине веками преобладали традиции локальной самоорганизации. Государственный центр находился, как правило, за пределами украинских территорий, будь то в Российской империи, в Речи Посполитой или Австрийской империи, если говорить о западной части Украины. Украинская пословица «моя хата с краю» выражает обычаевский взгляд на государство, которое остаётся для подданных чужим.

— Вы хотите сказать, что украинцам не очень свойственно государственное мышление?

— Вполне возможно. По крайней мере в значительно меньшей мере, чем для России. Россия — централизованная страна, имеющая многовековую историю мировой державы. Гордость за мощное государство, сопричастность к великому, имперские амбиции, если хотите, имеют в России, как я думаю, свои исторические корни. Поэтому есть зримая ментальная разница между традиционной русской общиной и украинской громадой.

С позиций украинской громады русское, польское, турецкое, австрийское — это не своё! Так всегда было, во все времена, когда Украина была поделена на части, подвластные трём империям. Неудивительно, что полвека собственной государственности (за всё время от Богдана Хмельницкого до наших дней) ещё не пручили нас целостному восприятию своего государства, гражданской ответственности за его судьбу. Государство и в наше время воспринимается через региональную призму, многие считают себя прежде галичанами, харьковчанами, киевлянами, одесситами (перечень можно продолжить).

Хотя и преувеличивать влияние таких настроений не следует. Иначе говоря, на Украине, в отличие, например, от России, преобладают локальная самоидентификация и локальная самоорганизация населения и явно недостаёт консенсуса в понимании общегосударственных приоритетов. Кстати, сейчас, после распада СССР, мы переживаем самый долгий со времён зарождения казачьей волиности период независимого бытия...

— Вернёмся к вопросу геополитического выбора. Будут ли выполнены все требования Брюсселя, состоится ли подписание Соглашения об ассоциации в ноябре текущего года с ЕС?

— Я отвечаю так: надеюсь, что будут приложены все возможные усилия для осуществления обязательств, данных президентом Виктором Януковичем. Но что касается однозначного геополитического выбора, то думаю, что Украина ещё к этому не готова. Нет единства ни в обществе, ни тем более среди политиков.

Восток и юг Украины рассматривают Россию как братское государство, духовно близкое, а европейские ценности им понятны, но за душу не берут. В Европе принято строить отношения на основе права, а у нас — на моральных ценностях. Вспомните оранжевую революцию, выстроенную на моральном осуждении совершенно законной власти. Если же говорить о различиях между регионами страны, то они, безусловно, есть.

Но я вовсе не уверен, что при всём настроенном отношении к России Галиция, к примеру, стремится породниться с Польшей, символом евроинтеграции для многих украинцев. Исторически так сложилось, что Галиция 600 лет находилась под гнётом Польши. Украинский националист и польский гражданин Степан Бандера именно в Польшу был приговорён к смертной казни за терроризм. В 1934 году Бандера организовал убийство польского министра внутренних дел Перацкого, который, надо признать, хотел провести достаточно либеральные в отношении Украины реформы. Словом, за шесть веков нахождения западной части Украины под властью Польши, а потом Австрии и Австро-Венгрии всякое было.

Негативное отношение галичан к полякам сейчас явно притупилось, но нигде не исчезло. Тому есть масса примеров. Выбор между Таможенным союзом и ЕС для Галиции, как я понимаю, это субъективный идеализированный выбор между азиатским варварством и европейским прогрессом,

Недавно президент Украины Виктор Янукович заявил о необходимости выполнения всех договорённостей, достигнутых в ходе саммита Украина-Евросоюз. В то же время он подчеркнул, что Украина должна продолжать активный поиск модели сотрудничества с Таможенным союзом. Наш собеседник — политолог, кандидат исторических наук, профессор Харьковского регионального института Национальной академии государственного управления при Президенте Украины Владимир НИКИТИН.

для южных и восточных регионов Украины — между близким и чужим. А для политиков — это проблема выживания, поскольку каждый окучивает своё электоральное поле и вынужден учитывать настроения своих избирателей. И как быть, если любое решение гарантированно вызовет протест значительной части населения страны?

Скорее всего, политика ничегонеделания под видом поиска консенсуса будет продолжена, окончательное решения вопроса в обозримом будущем не будет. Кроме как в условиях полной безысходности. А если говорить серьёзно, восток

кой термин, как экономический национализм. Восток и запад Украины нуждаются друг в друге — это очевидно. Западу нужны дотации из госбюджета, который формируется на востоке с его мощной индустриальной инфраструктурой. А востоку нужен на западе страны рынок сбыта продукции. Именно крупный капитал выступает мощнейшим интегратором Украины. Он же генерирует идеи и лоббирует преобразования, направленные на сближение регионов Украины, укрепление межрегиональных связей.

При этом я не хочу сказать, что на Украине нет проблем с олигархами. Проблемы есть, и

Украины, как ни парадоксально, по своему менталитету ближе к Европе, чем Галиция. Запад Украины — дотационный, патриархальный, аграрный. Там преобладают традиционные моральные ценности и заметны ксенофобские настроения. Восток — индустриальный, относительно успешный, динамично развивающийся. Это «плавиный котёл» культур и народов, представители которых привыкли полагаться на рациональный выбор.

Вот Виктор Ющенко — типичный пример сельской Украины с патриархально-романтическим укладом жизни, где кумовство было единственной формой социальной организации. Эта патриархальность, домодерность экс-президента Украины, увы, свойственна жителям западных регионов нашей страны, несмотря на их формально-территориальную близость к Европе. Украинская Галиция присутствовала в Польше или Австро-Венгрии, но почти не участвовала в построении феномена европейской культуры, оставаясь всегда объектом, но не субъектом европейской политики. Естественно, что сами галичане вправе иметь совершенно иное мнение.

— А что объединяет регионы Украины, ведь страна позиционирует себя как унитарное государство?

— Я считаю, что на самом деле объединяет многое. Не зря всё чаще звучит на Украине, и отнюдь не в националистической среде, та-

кого очевидны. Олигархи живут по принципу: Украина — это моя песочница, и я сюда никого не пушу, ни россияни, ни европейцев. Президент Виктор Янукович это видит, реагирует на это. Он обладает большой властью в государстве, у него больше полномочий, чем имел любой из его предшественников, начиная от «старого Богдана». Но и он не всегда может справиться с противодействием, саботажем экономических и политических реформ со стороны иных олигархических кланов и обслуживающих их политиков. Кучма пестовал олигархов, Ющенко от всего самоустранился, Тимошенко пыталась помять их лично под себя. Чтобы удержать ситуацию в стране под контролем, президенту Януковичу необходимо построить олигархов в систему государственной власти, которую он олигуетворяет. Думается, о реприватизации образца 2005 года можно забыть, но давление на олигархов может стать публичным, особенно накануне президентских выборов начала 2015 года.

Но одного этого мало. Необходимы законы, которые обустроили бы ту самую локальную самоорганизацию, о которой уже шла речь. Тут дело не в местных советах. Это формальные институты власти. На каком уровне должна состояться самоорганизация? Люди сами решат. Возможно, на уровне села или города, возможно большого исторического региона. На том уровне, где люди посчитают власть своей, а не внешней и потому чуждой силой.

НАШ КОММЕНТАРИЙ

Согласен с большинством идей, высказанных В. Никитиным, однако сомневаюсь, что у Украины «есть надёжная альтернатива любой революции — не делать ничего». Её Украина теперь лишена. Действительно, 20 лет Киев проводил многовекторную политику, поддерживая максимально выгодные контакты и с Россией, и с Европой. Так было даже тогда, когда власти Украины публично открещивались от этого курса.

Но уже пару лет как постсоветское пространство вступило в новую эпоху: Москва признала бесперспективность идеи скорейшей интеграции с Западом и предложила бывшим советским республикам (правда, не всем) новый интеграционный проект. Если раньше мы имели дело с теми или иными формами «цивилизованного развода», то теперь политика подчинена логике интеграции и геополитического позиционирования нового проекта.

Россия долго не решалась на этот шаг, так как подобные процессы не только не дополняют прежний прозападный курс, но и прямо ему противостоят. Однако новая реальность уже наступила, и Украина теперь перед жёстким выбором — отгораживание от евразийской (а я бы сказал, евро-русской) интеграции в пользу продления надежд

на присоединение к западному сообществу. Либо взаимодействие с Россией в строительстве единого экономического и (возможно) политического пространства.

Второй путь означает существенное усложнение контактов с Западом. Российский проект альтернативен европейскому, и в обозримом будущем они несовместимы. Впервые за всю постсоветскую историю перед Украиной ребром поставлен вопрос о выборе: либо с Западом, либо с Россией. О том, что выбор должен быть однозначным, заявляли и европейские лидеры, и это не просто риторика.

Да, самой Украине ситуация невыгодна — удобнее было бы максимально продлить возможность маневрировать «между Востоком и Западом». Однако в ближайшее время — в 2013-м, максимум 2015 году, надо определиться, и это не шантаж Украины со стороны внешних партнёров, а объективная необходимость. Так что «не делать ничего», то есть не совершать выбора, не удаётся.

Олег НЕМЕНСКИЙ, старший научный сотрудник Российского института стратегических исследований

Нам нужно создать такую модель публичного управления, которая со временем позволит укрепить традиции суверенитета. У нас ведь этих традиций почти нет. Да и откуда им взяться? Разве тот же Мазепа, о котором много говорят сегодня на Украине, был независимым гетманом? Он оставил российского Петра I и перешёл под протекцию шведского Карла XII, поменяв, образно говоря, одного сеньора на другого...

— Сейчас тоже Украина в каком-то смысле выбирает между двумя сеньорами — Евросоюзом и Таможенным союзом. В какой мере учитывается мнение народа на фоне деклараций украинских политиков о демократизации и народолюбности?

— Украине нужны партнёры, а не зарубежные сеньоры. Если сегодня провести референдум о выборе ЕС и ТС, я уверен, что большинство украинцев проголосуют за союз с Россией, Белоруссией, но даже в этом случае реализовать решение будет невозможно. У власти просто нет на то ресурсов. Формально это есть — принят новый закон об обязательном референдуме. Его результат не нуждается в дополнительной санкции. Проблема в том, что оппоненты никогда не признают проигрыша и найдут множество зарубежных спонсоров для подкрепления собственного свободного выбора.

И всё же мнение народа на Украине учитывать необходимо, особенно при условии, что у нас всегда минимум два мнения — и они обязательно противоположны. В таких условиях государственная власть призвана сыграть решающую роль. Если будет на то политическая воля, конечно...

Наша неискоренная особенность — существование двух устойчивых электоральных зон или плит, если хотите. Украину традиционно делили по Днепру. Но ментальный рубеж проходил по бывшей границе Речи Посполитой эпохи Переяславской рады, с северо-востока на юго-запад. Галиция и Донбасс — два полюса, между ними масса вариаций. Там, где когда-то была Польша, голосуют за «оранжевых» в любой ипостаси. На землях Новороссии и Слобожанщины, которые напрямую вошли в состав Российской империи и позже стали её ведущим индустриальным регионом, поддерживают «бело-синих». Причина скрывается в различиях между патриархальной, традиционной культурой и культурой индустриальной, к сожалению, не постиндустриальной.

— Это разделение географическое, а есть ли размежевание по социальному признаку?

— В стране, где минимальная зарплата эквивалентна 130 американским долларам, то есть в разы меньше, чем в той же Польше, а подавляющее большинство — на грани выживания, вряд ли бедные могут испытывать добрые чувства к богачам. Социальное напряжение велико, но я уверен, что революционных сценариев не будет. Украине гражданская война не грозит! Пусть даже безответственные политики призывают к протестам. Мы всегда всем недовольны, особенно властью, но воевать сами не хотим, таков украинский менталитет. Пусть это сделает кто-то за нас. Украинцы — миролюбивый народ, привыкший к выживанию в любых условиях. А внутри элиты существуют свои противоречия. Промышленники востока Украины смотрят в сторону России, видят там свои интересы — возможные кооперативные связи, обширный рынок сбыта, ищут оптимальные формы сотрудничества с Таможенным союзом. Гуманитарная элита, в значительном числе вскормленная на западных грантах, ориентируется на своих спонсоров и старательно агитирует за ЕС и против Таможенного союза. В этой информационной войне они имеют преимущество, поскольку украинские СМИ (так повелось со времён Виктора Ющенко) тяготеют к сторонникам евроинтеграции. Большинство СМИ у нас принадлежит олигархам, а их геополитический выбор определяется синопичными интересами. Общественная организация «Украинский выбор» во главе с известным украинским политиком Виктором Медведчуком — вот, пожалуй, самый активный и, образно говоря, громкоглаголющий агитатор за Таможенный союз. Но у этого агитатора нет влиятельных медийных ресурсов...

— Вы известны на Украине, Владимир Валерьевич. Не только как аналитик, но и как прогнозист. Каков ваш политический прогноз относительно ближайшего будущего Украины в преддверии президентских выборов 2015 года?

— Пока других кандидатов от правящей Партии регионов кроме действующего президента нет. Хотя скамейка запасных не пуста. Замена кандидата возможна при резкой смене ситуации, а этого пока не видно. С оппозицией — сложнее. Её слишком много, чтобы договориться о едином кандидате. Его шансы на успех можно было бы оценить как весьма высокие. Но на сегодняшний день раздор и шатания в рядах врагов режима слишком велики. Оппозиция не хочет ничего менять в стране, она хочет всё возглавить. И так возглавить, чтобы не делиться с союзниками. Похоже, для её лидеров лучше оставить как есть нынешнюю ситуацию, чем менять её без своего руководящего участия. В общем, сегодня действующий президент может спать спокойно...

— А как же революционные призывы лидера оппозиции Арсения Яценюка и начавшаяся в марте сего года всеукраинская акция против президента Украины Виктора Януковича «Вставай, Украина!», на ваш взгляд, это всё пустое?

— Ответ на этот вопрос может подсказать социология. Только около трети опрошенных выражают готовность участвовать в акциях протеста. Об этом свидетельствуют результаты недавнего опроса, проведённого фондом «Демократические инициативы» и Киевским международным институтом социологии. Это авторитетные организации. Вывод напрашивается однозначный: трудный геополитический выбор Украины, каким бы он был, не приведёт к радикальному потрясению в стране. У нас есть надёжная альтернатива революции — не делать ничего.

— Этакое секретное оружие украинцев?

— По крайней мере — в ближайшее время.

Беседовал Григорий ДОЛУХАНОВ, ХАРЬКОВ, Украина

КНИЖНЫЙ РЯД

Как перезагрузить матрёшку?

Вадим Кирпичёв. Зеркало для России. О чём молчит власть. — Санкт-Петербург: Издательство «Питер», 2012. — 256 с. — 3000 экз.

Книга эта написана лихо, весело, можно сказать, со щёлчком. Авторский стиль, ироничный, раскованный, размашистый, построен на игре слов, образов, смелых сопоставлениях и обобщениях. Порой настолько смелых, что возникает ощущение некоторого перебора, потому как тема — судьба России и почему она такова — не раскрывается только словами выводами, рискованными сравнениями, которые иной раз диктует уже не авторская мысль, а избранный автором сатирический стиль.

Но, надо признать, автор и сам чувствует эту опасность. «В России сатира — это лёгкий хлеб. Для этого у нас большого ума не надо. Каюсь, я начинал данную книгу в подобном духе, надеясь молодецки-запальчиво посмеяться над вечной нашей дремучестью и незападностью. Не получилось. Материал оказался серьёзнее первоначального замысла.

В итоге не получилось у меня стандартной «щедрино-салтыковщины». Не Россия смешна, а её горе-критики. Им так никогда и не понять, над кем они смеются, разглядывая наш северный континент в западное зеркало. Не презрения, а скорее восхищения заслуживает наш человек, и самая тяжкая ноша легла именно на плечи русского человека, которому выпал горьковатый удел кавказского (азиатского) пленника».

Ну что ж, можно только порадоваться тому, что у автора не получилось стандартного осмеивания России. А что же получилось?

А получилось вполне серьёзное и трезвый поиск ответов на самые злые вопросы российской истории. В чём проявляется её цикличность? Коммунизм — явление русское или антирусское? Возможна ли демократия в России? К чему приведёт прощание с евроказками?

Размышляя о прошлом и настоящем России, автор выводит несколько ясных, запоминающихся формул.

Наибольшего успеха государство Российское, государство евразийское и многонациональное, достигает тогда, когда живёт на трёх китах, открытых ещё Иваном Грозным и доведённым до абсолюта Петром Великим и Лениным — Сталиным:

1. Имперская, крепкая вертикаль власти.
2. Техническая модернизация по западным образцам.
3. Политическое противостояние Западу своей особой цивилизацией.

Или вот ещё формула. «Демократия есть политическое отражение экономического состояния собственников. Демократия для капитализма естественна. В России государство всегда будет доминировать над капиталом. Злато всегда в услужении булата. А при малейшей свободе поднимает голову антисистемные, националистические силы, и вместо обновления элиты в первую очередь происходит развал империи... Если перед вами кто-то разглаживает о будущем невиданном расцвете демократии в России, знайте: он либо совсем не понимает, о чём говорит, либо отлично знает, зачем он это говорит».

Ну и совсем грустная для русского уха формула. «В том-то и состоит хитрый выверт России, что для спасения государства Москве надо держаться в своей политике хитрую антирусскую составляющую, ведь политическая страна выживает только в том случае, если находит управу на свои национализмы. В противном случае от империи остаётся лишь мононациональное ядро...»

Сейчас время подробно разбираться с этими формулами. Они, конечно, чрезмерно размашисты. К тому же у истории всегда находится какой-то неожиданный ход в запасе. И потом нынче историческое время чрезвычайно сжимается, уплотняется, те процессы перемены, что ранее занимали века, ныне случаются в десятилетия, если не в годы. Так что будущее непредсказуемо на все сто процентов. Сей мыслью заканчивает книгу и автор: «А может, всё не так трагично, и явится будущий гений и таки заставит нас полюбить и себя, и мир, поменяет все знаки и смыслы...» Правда, не удержавшись, спрашивает: «А нас?»

ИГОРЬ МАКАРОВ

ОНИ И МЫ

Литературные охотнорядцы

ОБЪЕКТИВКА

Голубкова Анна Анатольевна. Родилась 24 марта 1973 года в Калининске. С 1997 года живёт в Москве. Окончила исторический факультет Тверского государственного университета, филологический факультет МГУ. Кандидат филологических наук. Тема диссертации – «Критерии оценки в литературной критике В.В. Розанова». Литературный критик и литературовед. В 2004 году выпустила первую книгу рассказов. Стихи публиковались в альманахе «Акт» (2007), сборнике «БАБ/ищи и глобальное потепление» (2009), антологий «Актуальная поэзия на Пушкинской-10» (2009), на сайте «Полутона», журналах «Новая реальность» и «Новые облака». Первая книга стихов «Адище города» вышла в 2010 году.

Два романа («Постмодернистская любовь» и «Природа и вещи»), первый прозаический сборник и сборник рассказов «Мужчины провинциального города» опубликованы только в Интернете. Инициатор и идейный вдохновитель проекта «Абзац», электронного научного журнала «Полилог», участник арт-группы «БАБ/ищи».

«Литературная газета» была основана в 1830 году при активном участии Александра Сергеевича Пушкина, солдана, как известно, нашей русской поэзии. Издателем и главным редактором газеты был Антон Дельвиг, его помощником — Орест Сомов. Газета просуществовала полтора года и была закрыта из-за правительственных подозрений в оппозиционности. В дальнейшем появилось ещё несколько газет с таким же названием, перечислять которые я не буду, — при желании любой может ознакомиться с соответствующим материалом в Википедии. Интересующая нас «Литгазета» первый раз вышла 22 января 1929 года по инициативе Максима Горького. Так как ничего особенно оппозиционного в газете этой не было и быть не могло — не царский всё-таки режим, а родной советский, то она благополучно прожила до 1991 года, кое-как пережив 1990-е, 2000-е и более или менее благополучно существовала и по сей день. Причём если до 1990 года на логотипе газеты, подчёркивая претензии на двойную преемственность, были профили Пушкина и Горького, после 1990-го — только Пушкина, то с 2004 года на нём снова присутствуют оба профиля. Соответственно и направление газеты представляет собой довольно забавный конгломерат советских представлений о культурном каноне и имперских государственных амбиций с уклоном в русский национализм. То есть издание это откровенно консервативное и в таком своём виде определёнными слоями современного российского общества, безусловно, востребованное. Но при этом, что неудивительно, реальное влияние «Литературной газеты» на нашу культурную ситуацию стремительно приближается к нулю. Пожалуй, не будет преувеличением сказать, что порой альманах в 100 экземпляров становится более значимым явлением, чем эта газета с её многотысячным (по крайней мере, так они пишут на своём сайте) тиражом.

Всё это предисловие и даже вся эта заметка были бы совершенно ненужными, если бы в последнее время не обнаружилось вдруг, что такое положение вещей газету никак не устраивает. Связано это, конечно, с обострением политической ситуации и явным дрейфом власти именно в сторону консерватизма, с её попытками опереться на самые архаические пласты в сознании общества. «Наше время пришло!» — возразилась, наверное, редакция «Литературной газеты» и немедленно выпустила цикл огромных статей, затрагивающих как недавно канонизированную классику — в лице Владимира Набокова, так и современных поэтов, в частности Алексея Цветкова и Марию Галину. И хотя на логотипе газеты по-прежнему пребывает профиль Пушкина, стиль этих фельетонов нечувствительно напоминает Фаддея Венедиктовича, ну или любого

из советских критиков средней руки — достойных продолжателей его нетленного дела. Упрёки вполне традиционны: в нелюбви к Родине, в подрыве основ нашей прекрасной русской культуры, в неправильном происхождении, в неправильном месте жительства, в некрасивых личных качествах, а также в необратимых возрастных изменениях, происходящих в поэтическом организме. Вступать здесь в спор по существу было бы бессмысленно, и потому я просто хочу поговорить о продуктивности подобной позиции. Ведь эта сомнительная критическая активность не ограничивается нападками на определённую поэзию и каких-то отдельных поэтов, она свидетельствует о большем — о претензии на доминирование в сфере культуры. Каковы шансы у консервативных националистов из «Литературной газеты» стать властителями дум нового поколения или хотя бы получить основательную официальную поддержку? На мой взгляд, честно говоря, эти шансы минимальные. И подтверждает это вся двухвековая история русского консерватизма.

Главная проблема русских националистов, как ни странно, в том, что они живут в России, потому что Россия всегда — с самого начала, когда на будущие земли Московской Руси пришли славяне и мирно, по утверждению археологов, перемешались с обитавшими здесь финно-уграми, — была страной многонациональной. И выбор русского национализма в качестве основной государственной стратегии фактически означает отказ от имперских амбиций и в будущем — распад одной огромной страны на множество маленьких мононациональных государств. Этого, разумеется, не хотели русские цари, не хотела советская партийная верхушка, не хочет и нынешняя олигархическая власть. И потому национальный дискурс в этой стране всегда был (и будет) явлением маргинальным. Да, царское правительство не преследовало славянофилов и почвенников — но только потому, что их влияние на русское общество XIX века было практически незаметным. В.В. Розанов вспоминал, как изданное Н.Н. Страховым собрание сочинений Аполлона Григорьева было продано на обёрточную бумагу — оно оказалось никому не нужным. Подавляющее большинство образованного русского общества того времени, как, впрочем, и сейчас, было прогрессивно и прозападнически настроенным. Консервативные издания в отличие от пользующихся спросом либерально-оппозиционных владели жалкое существование. И тот же Розанов, в 1893 году с семейством перебрывшийся в Петербург из провинции и активно сотрудничавший с консерваторами, первые годы в столице чуть ли не голодал. Конечно, когда начались забастовки и студенческие волнения, появился и некоторый спрос на охотнорядцев с пудовыми ку-

лаками, чуть что срывающихся с места и бежавших бить студентов Московского университета (оно, собственно, и совсем недалеко бежать было). Но и тогда националистические организации выполняли, скорее, задачу цепной собаки, которую недокармливают для того, чтобы была злее и громче лаяла, и только лишь в самых крайних случаях спускают с цепи.

Примерно такую же политику мы видим и сейчас. Националистические движения играют роль пугала или страшилки, которой пугают Европу и собственную либеральную интеллигенцию, — мол, если не мы, то получите вот этих новых охотнорядцев с зигами. Но сколько реального политического пространства готова уступить им нынешняя власть? Да не сколько. Ведь это та самая власть, которая при всём её уклоне к консерватизму как раз не видит своё будущее связанным с этой страной, которая не хранит денег в российских банках, не учит детей в российских школах и университетах и для которой самое страшное из всех мыслимых несчастий — это запрет на выезд в Европу, а главная мечта — отмена визового режима с Евросоюзом. И вот этой власти, патриотичной исключительно на словах, а на деле мечтающей как можно скорее отряхнуть прах драгоценного Отечества с ног своих, и посылает благонамеренные сигналы «Литературная газета». Пожалуй, с тем же успехом они могли бы отправлять свои послания в глубины Галактики в надежде обрести любовь и понимание у дружественных инопланетян. В результате единственными адресатами подобных статей оказываются в основном литераторы, считающие себя невостребованными и недооценёнными. Именно им с психологической точки зрения выгодно отождествить себя с бедняком и угнетённым, всеми обижаемым русским народом. Мол, это не один тут сию такую гениальный и непризнанный, а весь мой народ вместе со мной сидит такой обиженный в тёмном углу на хлебе и воде. Собственно, как раз с таким литератором, читающим погромные статьи и облумывающим, не примкнуть ли к толпе улюлюкающих комментаторов, и обращена эта заметка. Конечно, каждый человек имеет право на личный выбор. Да, литература занимает в жизни современного общества маргинальное положение, и это способно довести до отчаяния человека с большими поэтическими или писательскими амбициями. Но прежде чем перейти на откровенно националистические позиции, подумайте о том, что в этих условиях вы окажетесь уже вдвойне маргиналами — и как деятели культуры, и как консервативные националисты. Ну и самое главное, как свидетельствует опыт истории, чёрная сотня так и не дала нам ни одного значимого литературного имени.

АННА ГОЛУБКОВА

<http://www.colta.ru/docs/17612>

ПРОСИЛИ – ПОЛУЧИТЕ

Декольте Кольты

Оспаривать каждую нелепость, ложный посыл или передёргивание, избыточно (и не очень профессионально) рассуждения по тексту Голубковой, — занятие совершенно бесперспективное. Если автор не перечитывает за собой, ему необходим редактор. На Кольте, его, видимо, нет, хотя среди попечителей сайта — ресторатор, профессор ВШЭ, сестра олигарха Прохорова, управляющий партнёр инвестиционного фонда Maxfield Capital, известный продюсер и ещё много наверняка не бедного народа. Вступительный взнос в Попечительский совет составляет 300 000 рублей. Несмотря на это, Кольта не гнушается просить денег на поддержку ресурса у своих посетителей. И они жертвуют — кто сколько может.

Основной читатель «ЛГ» — бюджетник: учитель (преподаватель вуза), врач, музейщик, библиотекар и т.п. Раньше таких ещё называли интеллигентней, помните? Не говоря уж о нищих замкадных писателях. Мы не можем позволить себе выбирать читателя. С другой стороны, все «противоречия» в статье хорошо просчитаны. Вопрос в том, на кого они рассчитаны?

Итак, разберёмся, как говорят военные, «по позициям». Вот Голубкова пишет: «...реальное влияние «Литературной газеты» на нашу культурную ситуацию стремительно приближается к нулю...» Адресован этот пассаж, понятно, тем, кто 25 лет «не держал в руках» ничего, кроме баллона кока-колы. Но, спрашивается, зачем тогда столь бурно реагировать на сам факт существования такого незначительного и невлиятельного издания? До недавних пор, кто наивно полагал, будто воцарился в политике и культуре на веки вечные, и не реагировали. Тем же, кто «25 лет не держал», сообщаем. Да, много лет «ЛГ» жила в ситуации глухого бойкота со стороны либеральной прессы и её литературных адептов. Это было, признаемся, нелегко. Только благодаря поддержке и вытерпели. Но поддержке отнюдь не финансовой. Речь о верности: нашей — читателю, читателя — нам. За это время на квазилитературный небосклон взметнулись и бесследно утаили псевдозвёзды разной величины. Но если принять сферу культуры за 360°, кругозор Голубковой составляет сегмент градусов в 20, при этом воспринимаемая эту ничтожную величину за целое.

Читатели слышали нас всегда. Постепенно услышала и власть. Произошло это вовсе не потому, что она нас внезапно возлюбила, а, как справедливо пишет Голубкова, потому, что «время наступило». Время осознания, что, не обратившись лицом к культуре, нельзя решить ни одного насущного вопроса. Вот и круглые столы по проблемам образования с участием президента проводятся, и премии для молодых деятелей культуры и детских писателей учреждаются, и состоянием русского языка озабочены. И много чего ещё, о чём мы писали, писали, писали, «вдруг» стало актуальным. Голубковой и её единомышленникам это явно не по душе. Да, приятными ощущения, когда дно лодки уходит из-под ног, не назывёшь. Но один при этом зовут на помощь, а другие, как Голубкова, заклинают: «Каковы шансы у консервативных националистов из «Литературной газеты» стать властителями дум нового поколения или хотя бы получить основательную официальную поддержку? На мой взгляд, честно говоря, эти шансы минимальные». Разберёмся и с шансами.

Но сначала о тиражах. Мы, конечно же, не забыли, что именно тогда, когда газетой руководили убеждённые либералы ельцинской породы, тираж «ЛГ» упал до неприлично низкой отметки (М. Галина, кстати, в тот период служила и зарабатывала имя под нашей вывеской). Мы подняли газету из руин, оставшаяся на столь ненавистной Голубковой консервативной позиции. Создатели Кольты не могут не знать, что консервативная идеология во всём мире занимает весьма почтенное место ровно посередине противоборствующих политических лагерей — правого и левого. Зачем же прибегать к абсурдному слиянию консерватизма и национализма? Но, единично соврэмщи, остановившись Голубкова уже не может. Какой национализм она нам «шлёт»? Этнический? Бытовой? Державно-государственный — когда национальные интересы решаются за счёт малых народов, судя по тому, что «с учёным видом знатока» сообщает, что Россия — многонациональное государство? Но «ЛГ» — единственное сегодня издание, щедро отдающее площадь творчеству народов России, награждающее их премиями, пишущее об их книгах. Голубкова применяет прямо таки большевистскую тактику: ради подгонки под концепцию игнорировать факты. Приведём

снова слова А. Хабарова в дискуссии на ФБ: «Убрать слова «националисты», «охотнорядцы» и прочие, заменить на слово «русские» во всех падежах — и статья обретёт совсем иной смысл... Нет никаких русских националистов, их не может быть в природе, потому что мы, русские, — государствообразующая нация. Наши предки прошли от Питера до Камчатки и от Владивостока до Берлина. Националисты могут быть у художников, ещё не развитых, малочисленных наций. Русский национализм может быть — в Латвии или в Эстонии, но не в России...» Просьба в кругу, который представляет Голубкова, принято шарашить от употребления слова «русский» в любом контексте и пугать им детей. Эта тусовка, скорее всего, совсем не прочь идейно превратить Россию в Латвию или Эстонию. Точно так же в чернотенцы в мире Голубковой зачисляются без разбора все, кто придерживается правых взглядов. В том числе и В.В. Розанов. Но зачем же критерии оценки в литературной критике такого негодяя выбирать в качестве темы диссертации? Или что угодно ВАКУ, то угодно Богу?

Что касается явления, которое огульно именуют русским национализмом, то, как говорил — словно бы про нынешнюю «ЛГ» — «правый» депутат IV Государственной думы А.И. Савенко: «Миролюбие русско-го национализма заключается в том, что он ведёт не наступательную, а лишь оборонительную борьбу за интересы государствообразующего народа. Мы только культурно обороняемся». Да, мы считаем, что у каждого народа есть национально-культурная доминанта. И у русско-го — тоже. Но она весьма далека от

обиженными и вопиют о привилегиях, которые будто бы нам предоставлены в печати. Мы будто бы пользовались всегда свободой мнения и слова, которой будто бы они были лишены. Но не только свободой, мы будто бы пользовались громадной властью, как-то образом нами захваченной...» Будто на Кольту заходил Михаил Никифорович!

Сегодня, впрямую это самоотверженным либералкам или нет, самый большой тираж среди «толстых» журналов — у «Нашего современника». Может, его заставляют читать под дулом, а выписывать — по судебному вердикту? А если на секунду допустить, что это не власть «накачивает» патриотические издания, а они объективно соответствуют общественным ожиданиям за пределами Садового кольца? В родном городе А. Голубковой — Твери, например... Народ не тот? Ну, здесь мы ничем помочь не можем — визовой поддержкой не занимаемся.

И, наконец, об охотнорядцах. Впервые, намёк поняли. Отвечаем. Постоянными и желанными авторами «ЛГ» были — и есть — К. Ваншенкин, А. Ваксберг, Е. Рейн, Ю. Мориц, А. Кушнер, А. Салущий, А. Ивантер и многие другие. Ничего себе охотнорядцы! Может быть, и в этом кроется причина отсутствия в статье А. Голубковой каких-либо имён. Во-вторых, если рассматривать стихийные выступления торговцев из мясных рядов не в привычном Голубковой «дискурсе», а панорамно, на фоне мало-помалу выправляемой истории страны, то «палачи» либерального студенчества в окровавленных фартуках предстают в несколько ином свете. Как предприниматели — тот самый «средний класс»,

за который рвут тельняшки либеральные публицисты. И защищали они также нажитую собственность от радикально настроенной молодёжи, громившей их лавки. К услугам гастарбайтеров не прибегали — управлялись своими силами. Видимо, в этом видится Голубковой устрашающий «национализм». Началось всё в 1861 г., когда по рядам пронёсся слух, что господа скубенты желяют вернуть крепостное право. Осенью 1905 г. группа вооружённых студентов-боевиков из Московского университета нагрянула в облубованный охотнорядцами трактир Рогова в Георгиевском переулке, а затем в лавки и лабазы, требуя прекратить торговлю. Целью «революционеров» было спровоцировать тотальный продуктовый дефицит в Москве. Однако, несмотря на револьверы и бомбы в руках студентов, торговцы изрядно их поколотили и загнали за университетскую ограду, которую не сломали, вероятно, из почтения к высшему образованию. Левые газеты расписали этот эпизод

«герменевтики подозрительности», «деконструкции» и других постмодернистских «выкрутасов». Приверженность историко-культурной традиции вызывает у г-д либералов нервический припадок. Что ж! Советуем обратиться к докторам.

Видимо, не без влияния недавних разоблачений липовых диссертаций поневоле задумываешься о кандидатском звании Голубковой. Неужели, готовя реферат, диссертантка не поинтересовалась, каковы были тиражи консервативных изданий в дореволюционной России? Зачем же тогда она пишет явную ложь: «...национально окрашенный консервативный дискурс в этой стране всегда был (и будет) явлением маргинальным». Понятно, что школьницей Аня Голубкова была, как и многие из нас, уверена, что единственно возможным курсом — революционно-демократический. То есть крайне левый. Эта кривобокость в нашем образовании сохраняется, увы, до сих пор, о чём никто, кроме «ЛГ», не пишет. Но, голубушка Голубкова, за последние десятилетия можно было кое-что подчитать и кое о чём поразмыслить, а вы, на словах отвергая советскую мифологию, по-прежнему находите в её плену. Как, по-вашему, могло случиться, что ультраконсервативное «Новое время», с которым долгие годы сотрудничал В.В. Розанов, после прихода А.С. Суворина за год увеличило тираж вдесятеро? К 1880-м годам газета, не изменив направления, стала самой читаемой в России, а в 1897 г. тираж достиг 50 000 экземпляров!

Или другой пример. Редактор газеты «Московские ведомости», основоположник русской политической журналистики М.Н. Катков начал как либерал и англоман. А поменяв ориентацию на правонационалистическую, его издание сделало чуть ли не самой тиражной из частных российских газет. Кстати, в тему. Вот что писал Катков в своей газете в 1881 г.: «В борьбе с нами противные партии употребляют тактику, которая особенно хорошо характеризует их. Они прикидываются

как «дику» расправу охотнорядцев над беззащитной публикой». Вечерняя молодёжь, которая, конечно, крепко получала от вечерних крепостных по сусалам, впоследствии расстреливала «по темницам» всех, кто обеспечивал продовольственную безопасность страны. От массового голода это почему-то не спасло. Может, если бы охотнорядцы обладали даром предвидения, то не пожалели бы ограду-то! И у нас вызывает естественную тревогу, что сегодня лодку снова раскачивает полуболезненное «племя младое».

Вы, тов. Голубкова, как-то уже разберитесь, что Вам ближе — частная собственность или бомбисты. Если первое, то пора побросать колты и параболлумы и молиться неустанно за всех «охранителей», вплоть до К.П. Победоносцева с «совиными крылами», который, между прочим, писал: «Способность быстро схватывать и принимать на веру общие выговоры под именем убеждений распространялась в массе и стала заразительной, особенно между людьми недостаточно или поверхностно образованными, составляющими большинство повсюду».

Бесславно сходит с русской сцены привыкший к первым ролям постмодернизм! Ничему-то он толком не научился. И остаётся у него в активе одни голубовы да бессильные проклятия: «фашизм», «национализм» и «сам дурак».

И вышла «интересующая вас» «Литгазета» не в январе, а в апреле 1929-го.

МАКСИМ МАКАРОВ

P.S. Пока готовился материал, история получила продолжение. Нелюбовь к «ЛГ» с Кольтой разделил самый оголтелый в Сети националист, использующий ник Егор Процирин. Мы всегда подозревали, что его сайт с характерным именем Sputnik&Pogrom — сугубо либеральный проект. Осведомлённые блогеры подтвердили, что создан он специально, чтобы товарищам с колтытами было удобно разглаговать о чёрной дуле русского погромщика.

Так что там у нас маргиналы?

ДИСКУССИЯ: РОДНОЕ – ЧУЖОЕ – ВСЕЛЕНСКОЕ

«Он исторгает из себя»

«ЛГ» в № 6 приводит высказывание Алексея Цветкова, начинающееся словами: «Обрекая себя на русскую духовность...» И не так уж важно, чем завершает живущий в Праге А. Цветков свой пассаж. Неприятно уколола фальшь в начале фразы. Попытался уразуметь своеобразие логики пана Цветкова, пошёл «методом от противного», заменив одно из слов антонимом: «Обрекая других на русскую духовность...» Забавно получается. Или вот вариант: «Обрекая себя на нерусскую духовность...» Такое даже комментировать не могу в силу присущей мне полторектности. А если просто: «Обрекая на духовность»? Именно неказистое сочленение деэпричастия и существительного коверкает смысл. Не смысл сказанного поэтом Цветковым – его посыл как раз адекватен синтаксису. Искажается изначальный смысл творчества и самой культуры, поскольку обрекать можно лишь на бездуховность.

Дискуссия, инициированная «Литературной газетой», позволяет каждому определиться, за чьей он стороне в этой «войне смыслов». Может быть, и впрямь пора сдать в утиль духонность? Это, право, и комфортнее, и гораздо выгоднее, чем упрямо бёрзнуть в окопах позиционных боёв за русскую литературу. Но что-то нам всё-таки мешает воткнуть штык в землю...

Многое объяснено в открывающей дискуссии статье А. Ивантера, который справедливо пишет: «На культурном поле нашем растёт всякое». Это правда. Возделанная предшественниками почва благодатна. Оглоблю воткни – и та зазеленеет. И, как выясняется, необязательно уезжать из страны, чтобы заменить поднадоевшую отечественную духовность великой чешской или, скажем, не менее прославленной словацкой духовностью. А ещё лучше – почувствовать себя вовсе от неё свободным.

Примеры экзальтированно-радостного одиночия, к сожалению, легко найдутся в России, причём не только в столице, но и у нас, на литературной периферии. Вдалеке от издательства и журналов федерального значения, в стороне от нескончаемого тусовочного праздника выставок-презентаций-премий местечковая ненависть к культуре предстает в лабораторной чистоте, без примесей.

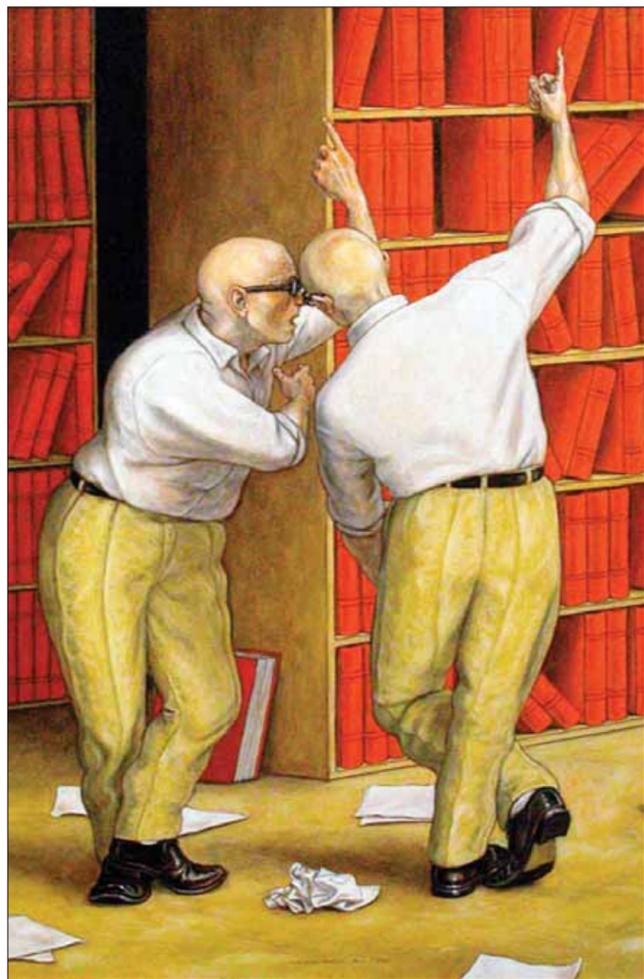
Рассмотрим под микроскопом провинциального дикаря от литературы. Вот он бредёт по родному городу, ковляя среди колдобин разбитых тротуаров, потягивает пиво из жестянки, поминутно поправляет на плече зачехлённую гитару, символизирующую его неуязвимую молодость и нерастраченный творческий потенциал, несёт в подарок знакомому книжечку своих стихов. Перевернём пинцетиком несколько страниц этого издания, рассмотрим морфологию «актуальных текстов» на примере почти анонимного, безвестного литератора, дабы не задеть самолюбия увенчанных лаврами модных писателей. К стати, соблюдая научную объективность, отметим: наш подопытный юрлостует в бездуховности бескорыстно, без какой-либо надежды быть чем-либо увенчанным, что выгодно отличает его от алчных и тщеславных особей, чей ареал обитания приближён к мегаполисам. К тому же «замкадыш» не настолько нежен и раним, как его столичные единомышленники, избалованные

вниманием прессы, считающие прогнанию по Бульварному кольцу в сопровождении специально организованного полицейского эскорта высшим проявлением воли и гражданского мужества.

Мы, провинциалы, не наделены столь деликатным душещлепанием. Мы привыкли сразу получать по мордам и от хулиганья, и от полиции, и от московского начальства, искренне не понимающего, почему мы, бестолковые, никак не заживём в достатке

тологии, но мы-то должны говорить не о диагнозе, а о творческих интенциях претендента на звание поэта! А как, скажите на милость, сохранить собственное психическое здоровье, столкнувшись с таким, мягко говоря, неожиданным образом лирического героя:

*Закрывшись на щеколду утром,
Он наслаждается собой.
Духовную или другую пищу
Он исторгает из себя.
Одну в трубу, другую в книгу...*

David Della Venezia

под сенью гражданских свобод и благ цивилизации, и от представителей либеральной оппозиции, разрезающих по просторам родной страны с лекциями о том, как нерасторпным обитателям медвежьих углов испытать наконец драйв и кайф бытия. Получим, стало быть, мы своё, потрём лапой ушибленное место и чапаем дальше по тем же разбитым тротуарам, заливая горючку тем же пивом.

Впрочем, пора уже открыть имя субъекта, столь коварно и жестоко обречённого нами на вивисекцию. Ну, не имя... Погоняя постмодернистское. Зовут его Иван Бадхи, а книга, которой он одарил современников и которую завещает потомкам, называется «Жажда», и с первых же страниц обнаруживается, что автор черпает вдохновение... из канализационных стоков. Иван Бадхи считает нужным рассказать нам о том, как мочится с балкона на крыши соседних домов, как нравится ему разглагольствовать мир «сквозь щели туалетной двери» и т.д., и т.п. Видимо, психиатры владеют терминологией для описания выявленной па-

Эта обезоруживающая откровенность исчерпывающе характеризует автора. А пока мы недоумеваем по поводу результатов анализа (так!) литературных испражнений Ивана Бадхи, тот оказывает нас ещё одним мерзким потоком – потоком площадной брани. Очередное свинство нас уже не слишком удивляет: перенесение в книгу слов, накарябанных на стене общественного туалета, видимо, считается нормой среди «актуальных поэтов» (особенно пикантно, что и «поэтессы» стараются прописать свою партию в хоре матерщинников!).

Другой бы на этом прервал эксперимент, выбросив книжку Ивана Бадхи на помойку, но мы проявляем свойственную учёным самоотверженность, тем более что исход опытов недалёк и предсказуем. Автор сборника «Жажда», дабы никто не усомнился в его преданности идеалам «современного искусства», спешит зычно провозгласить:

*Что уж тут скорбеть?
Нажраться водки, песни петь.*

Подзадорив себя этим девизом, Иван Бадхи обливает читателя третьим валом постмодернистской мути – потоком спиртосодержащих жидкостей. Как ни смешно, но создатели «современной литературы» искренне считают, что любая их пьяная выходка настолько забавна и уникальна, что о ней непременно следует проинформировать читателя.

Забвение человеческого образа, помрачение ума, добровольное сладострастное самоуничтожение, постоянное расчёсывание своих болячек, поправа всего, о чём можно было бы сказать звенящим нравственной высотой русским языком, – это и есть цель многочисленных цветковых, где бы они ни жили. И это именно то, чего сегодня многие и в России, и за рубежом её ждут не столько от русского писателя, сколько от читателя. Такую модель поведения навязывают всему народу, ловко подталкивают его на путь перманентной житейской бездуховности, подпитывая финансами псевдотворчество и упрямо высвечивая псевдосовременность прожекторами, софитами, рампой... И тут уж необходимо перевести разговор о современной литературе из эстетической плоскости в разряд этических проблем.

Действительно, существуют у нас целые министерства, возглавляемые «актуалистами», умеющими настолько артистично воровать веревные им средства, что разум отказывается вместить масштабы расхищенного.

Постмодернисты от космической отрасли, дабы скрыть украденные миллиарды, запускают игрушечную ракету, которая креативно шлёпается в воды Мирового океана. Дорожно-строительные концептуалисты возводят одноразовые шоссе, размазанные при первом же сильном дожде. Вот это перформанс! А насколько высокохудожественно пытаются наши полицейские поповши в застенки сограждан!

А разве совершение несовершеннолетних посредством ЕГЭ – это не организованное и профинансированное государством освобождение от духовности? А что может быть ближе уставшему от принуждения к культуре сознанию, чем пьяный автомобилист-убийца?

Трудно найти для современной литературы более достойную и благородную задачу, чем развенчание самодовольно-ограниченной личности, привыкшей пренебрегать обязанностями и прятаться от труда за рассуждениями о безграничности своих прав. И абсолютно нетерпимо, что иногда литератор сам обращается в такую личность.

Только прекратив капризное нытьё по поводу того, что нас «обрекают на духовность», мы получим возможность с интересом сравнить «тамбовскую» да «орловскую» беллетристику, рассуждая об особенностях творческого процесса в литературной метрополии и в её многочисленных колониях. Тогда и вспомнится: а ведь ещё Достоевский открыл, что для русского писателя за «родным» и через «родное» открывается «чужое» и «вселенское». Тогда, собственно говоря, и начнётся Современная Русская Литература.

Игорь КАРЛОВ,
старший преподаватель кафедры литературы и духовного наследия Л.Н. Толстого Тульского государственного педагогического университета

ПОВЕРХ БАРЬЕРОВ

Тихий Дон и река вечного спокойствия

Как известно, китайцы любят читать русские книги, включая произведения советского периода. До образования КНР и после, с 1946 по 1990-е годы, было опубликовано на китайском языке свыше тысячи русских и советских литературных произведений. Только по каталогам выпущенных книг одного издательства – Народного издательства художественной литературы – в 1951–1990-е годы опубликовано более 840 различных русских и советских авторов. Общий тираж огромный, не поддающийся подсчёту.

А каково положение в последние 25 лет в свете проведения реформы и политики открытости Китая? Русские друзья зачастую задают вопрос: «Каких русских писателей сейчас любят читать китайцы? Какие произведения наиболее популярны?» Мы посетили известного редактора Народного издательства художественной литературы в Китае Чжан Фушэня, возглавляющего секцию русской и советской литературы. Он родился в 1952 году в Пекине, в 1977 году окончил факультет русского языка и литературы Пекинского университета и тут же получил предложение работать в Народном издательстве художественной литературы в Пекине. В 1991–1992 годах был послан учиться в Петербургский университет на филологический факультет. В 1991 году, до распада СССР, он прошёл трёхмесячный учебный курс повышения квалификации редакторов в советском государственном литературном издательстве. Известные китайские литераторы и переводчики Цзянь Лу, Сунн Цзунью, Лэзань проявляли заботу и оказывали ему поддержку, благодаря чему он непрерывно повышал свой профессиональный уровень, добиваясь успеха в издании произведений русских и советских классиков на китайском языке. На своём посту Чжан Фушэнь проработал 35 лет, был ответственным редактором более чем 50 крупных произведений русской и советской литературы.

У редактора Чжан Фушэня мы узнали, какие русские и советские книги были изданы на китайском языке в Народном издательстве художественной литературы в Китае за последние годы. Выслушав меня, он обрадовался и сказал, что выпуск литературных произведений тиражом 10 000 экземпляров – это редкое явление во многих странах, и надо больше рассказывать о работе господина Чжан Фушэня. Его доброе пожелание выполнено мною. Усилиями таких людей Тихий Дон сливается водами с великими китайскими реками.

Цао ЧЖУНДЭ,
член центрального правления Общества российско-китайской дружбы

Имени Сирина

Премия имени Владимира Сирина (псевдоним В. Набокова) пришла к нам из-за рубежа. Она учреждена литературным альманахом мировой русскоязычной диаспоры «Под небом единым», выпускаемым Международной творческой ассоциацией «Тайванс» (Финляндия, Хельсинки) при поддержке Всемирного клуба петербуржцев (Петербург, Россия), университета г. Альмерия (Испания), Союза писателей Санкт-Петербурга, Дагестанского государственного университета (Махачкала), старейшей русскоязычной газеты Австралии «Единение», Афинского университета (Греция), Французского набоковского общества (Франция).

Набоков писал во всех литературных жанрах, и премия его имени будет присуждаться в жанрах поэзии, прозы, перевода и критики. Главная составляющая набоковского творчества – это уникальная ткань языка, утрата которого и переход на английский была для Набокова такой же трагедией, как невозможность вернуться на родину. Вклад Владимира Сирина в сохранение и развитие русской и мировой традиции неоспорим. Литературная премия имени Сирина присуждается за сохранение традиции русской словесности и развитие современной литературы.

Сегодня проблема оскудения речи стоит ещё более остро, чем во времена первой эмиграции. Премия призвана соединить берега русской культуры, выявить подлинных таланты и способствовать продолжению диалога не только с современностью, но и с прошлым, чему нас в полной мере может научить также и гениальный читатель Владимир Набоков. Победители выбираются из числа авторов, опубликовавших свои произведения в периодических изданиях литературного альманаха мировой русскоязычной диаспоры «Под небом единым», а также в других печатных и электронных изданиях альманаха в России и за рубежом. Торжественное объявление дипломантов премии имени Владимира Сирина будет проводиться ежегодно 23 апреля, в день рождения В.В. Набокова.

АЛЕКСЕЙ ФИЛИМОНОВ,
поэт и литературовед, член Французского набоковского общества;
ЕЛЕНА ЛАПИНА-БАЛК,
писатель, шеф-редактор альманаха «Под небом единым»

ЛИТ ИНФОРМБЮРО

ЛИТКОНКУРС

Торжественная церемония награждения победителей XIII регионального конкурса юных поэтов и прозаиков им. Сазонова прошла на базе Центра развития творчества детей и юношества № 2 г. Пензы. Конкурс был посвящён 350-летию г. Пензы. По результатам конкурса Гран-при была удостоена А. Бурашниковна, учащаяся СОШ № 4 г. Нижнего Ломова. Ещё шесть участников конкурса заняли первые места. Творческие работы лауреатов будут отправлены для участия в Общероссийском литературном конкурсе.

ЛИТПРОЕКТ

В Тамбове около памятника Е.А. Боратынскому дан старт общественно-культурному проекту «Роща поэтов». Этот проект создан с целью популяризации русского языка и литературы. Его основная идея – создание Рош поэтов в горо-

дах и сёлах России. Участники планируют высадить деревья в честь Пушкина, Лермонтова, Тютчева и других писателей. Символическая закладка Роши Боратынского совершена в селе Софьино Умётского района с участием учителей, школьников и любителей поэзии.

ЛИТВЕЧЕР

В Абхазской государственной филармонии им. Р. Гумба прошёл вечер поэзии.

По инициативе Союза писателей Республики Абхазия вечер поэзии проводится в Сухуме второй раз. На мероприятие приехали президент республики Александр Анкваб, члены правительства и депутаты. Стихи читали Платон Бебия, Георгий Гублиа, Гунда Саканиа, Терентий Чаниа, Гунда Квициниа, Вахтанг Абахоу, Заира Тхайцук, Анатолий Лагулаа, Артавазд Саречян и молодые абхазские поэты.

ЛИТВЫСТАВКА

В Рязанском историко-архитектурном музее-заповеднике открылась выставка, посвящённая 150-летию со-

дня начала работы над романом «Война и мир». На ней демонстрируются экспонаты из собрания музея-заповедника «Ясная Поляна». Мемориальные предметы, книги и фотографии, представленные на выставке, служат основой повествования о создании «Войны и мира», а также рассказа о молодости и начале литературной деятельности Льва Толстого.

ЛИТПРЕМИИ

Семиотомное собрание сочинений Василия Белова получило национальную премию «Лучшие книги и издательства года – 2012» в категории «Авторы и книги». Учредителями награды выступили Русский биографический институт, Российская государственная библиотека, «Литературная газета» и культурно-просветительский центр «Орден».

Семиотомник объединил большую часть творческого наследия Белова – как весьма излюбленные произведения автора, так и стихотворения, поэмы, публицистику, эссеистику, воспоминания,

рецензии и письма, многие из которых опубликованы впервые.

В ЦДЛ вручены премии «Поэт года» и «Писатель года». Первую премию получил поэт Игорь Царёв. Вторая премия досталась Олегу Горшкову, третью премию дали Светлане Ширанковой. Лучшим прозаиком признан Александр Котюсов, как говорят знатоки, сочиняющий рассказы, которые не стоит читать детям и лицам с неустойчивой психикой. То же самое можно сказать про Юрия Михайлова и Юлию Хабарову, получивших соответственно вторую и третью премии.

ЛИТУТРАТА

На 92-м году жизни скончался народный писатель Республики Башкортостан, выдающийся башкирский прозаик, поэт, драматург, участник Великой Отечественной войны, крупный общественный деятель Николай Васильевич Асанбаев (Нажиб Асанбаев). Наши соболезнования близким и народу Башкортостана.

МЕСТО ВСТРЕЧИ

Центральный Дом литераторов Малый зал
7 апреля – торжественное открытие 7-го Московского фестиваля детской литературы имени Корнея Чуковского, начало в 14.00.

Литературный салон Андрея Коровина в Театре-музее «Булгаковский Дом»
Б. Садовая, 10
9 апреля – творческий вечер Марии Марковой (Вологда) и Станислава Ливинского (Ставрополь), ведут Андрей Коровин и Александр Перверзин, начало в 20.00.

Дом русского зарубежья Нижняя Радищевская, 2
5 апреля – научно-просветительский семинар «Российский зарубежный некрополь: наследие, которое мы не должны потерять», начало в 18.00.

Литературный институт им. Горького Тверской бульвар, 25 (аудитория № 3)
7 апреля – литературно-музыкальный вечер «Пока мы вместе здесь, сейчас... Игорь Алексеев. Вспоминая поэта», начало в 15.00.

КЛАСС ПРЕМИУМ

Ошибка Нобелевского комитета

Как известно, нобелевские премии традиционно вручаются в октябре. Но в связи с реструктуризацией процентов с капитала Альфреда Нобеля, из которых составляется установленная денежная часть самой престижной премии мира, в Стокгольме состоялось внеочередное заседание Нобелевского комитета. На нём было принято решение присудить внеочередную премию по литературе. В результате тайного голосования, по сообщению пресс-центра, победила турецкая писательница Бахшиш. Но, как сообщил нам достоверный источник, Бахшиш – вовсе не турецкая писательница, а коллективный псевдоним трёх авторов российской происхождения – Д. Быкова, Б. Акунина и М. Шишкина. Ошибка тем более странная, что среди 18 членов ко-

митета шведской Академии 5 владеют русским языком, а ещё 2 являются специалистами в области русской литературы. Как они могли принять текст романа «Прогульщики», выдвинутого на премию рядом общественных организаций, в том числе Координационным советом оппозиции, за турецкий, остаётся загадкой, которую пытаются сейчас разгадать международные спецслужбы.

Именно поэтому псевдоним Бахшиш, как и факт победы трёх русскоязычных авторов в реструктурированной борьбе, пока не стали достоянием широкой общественности и прессы. Тем не менее мы горячо поздравляем лауреатов и желаем, чтобы порох в их пороховницах всегда оставался сухим. С победой тебя, наш дорогой Бахшиш!

Продолжение на стр. 16

Как это было

Для меня удивительно, почему до сих пор не написана история не-нецкой литературы. Моги бы получить увлекательный роман.

Начнём с того, что письменная литература у ненцев зародилась в отличие от некоторых других тундровых племён не в Ленинграде, не в стенах Института народов Севера, а чуть ли не в кочевьях. А толчок, как всегда, дали русские просветители.

Потрясающая в этом плане история случилась в начале 30-х годов прошлого века в Нарьян-Маре. Волею судеб оказавшийся тогда в новом отстроеном для вчерашних ненцев кочевников посёлке талантливый журналист Иван Меньшиков долго не знал, куда деть

свои нерастроченные силы. В конце концов он вместе с Георгием Суфтиным организовал при местной газете «Нарьян вындер» литобъединение и придумал журнал «Заполярье». При нём за перо взялись Семён Ноготысы, Егор Талева, Ефим Соболев, Иван Лагейский. Но самые интересные публикации принадлежали Стеше Ардеевой.

Я долго не знал, кто такая Ардеева и куда она делась после многообещающего дебюта в 1936 году в «Заполярье». Только недавно выяснилось, что Ардеева была студенткой педучилища. Меньшиков поначалу видел в ней всего лишь информанта, некий источник уникальных сведений о быте канинских оленеводов. Но затем он просто безумно влюбился. Неудиви-

тельно, что Стеша под его влиянием занялась литературой. Правда, поначалу у неё ничего не получалось, и Меньшиков всё за любимую девушку переписывал. В 1935 году у счастливой пары родилась дочь. А потом всё пошло наперекосяк. Кончилось тем, что в конце 1936 года Меньшиков вернулся в Москву, а Стеша, пережив гибель дочери, отправилась учиться в Ленинград, в Институт народов Севера, по окончании которого попросилась к ненцам Ямала — в Салехард. Её следы потерялись после 1939 года.

По-другому сложилась судьба Егора Талева. Представляя в журнале «Заполярье» свой рассказ «Встреча» и песенку «Свадьба Худи», он писал: «Моя задача будет заключаться в том, чтобы пополнить словарный запас и в совершенстве овладеть основами русского правописания. Буду изучать русскую литературу и расширять свой кругозор, с тем чтобы в дальнейшем писать рассказы не только на русском языке, но и на родном — ненецком». Но взлететь Талева не дали. Вскоре за одно неосторожно обронённое слово его арестовали. И человек всё, стинул.

Другим центром формирования не-нецкой литературы стал Салехард. Там ещё в 1932 году был создан не-нецкий литературный кружок, костяк которого потом составили Георгий и Устин Вануйто, Константин и Михаил Ненянг, Илья Окоэтто и Иван Истомин. Силами этого кружка выпускался литературно-производственный журнал «Искры Ямала». «За период 1932—1937 гг.», — подчёркивал в первом номере этого издания некто Голдисов, — литкружком написаны две пьесы на родном языке, переведены четыре стихотворения, переведена «Сказка о рыбаке и рыбке».

Примерно тогда же один из усмирителей взбунтовавшихся против насильственной коллективизации ненцев кочевников Иван Ного сочинил в Салехарде две пропагандистские пьесы: «Шаман» и «Ваули Ненянг», героем которой стал не-нецкий Пугачёв — Ваули Пиеттомин, поднявший в 1830—1840-е годы несколько бунтов против власти и превратившийся в бандита с большой дороги.

Большое значение в деле формирования первых письменных традиций имел также объявленный в 1936 году Гослитиздатом конкурс на лучшие произведения, созданные на языках народов Севера. Среди его лауреатов оказались сразу два ненца: Николай Вылка и Антон Пырерка. Вылка был отмечен за рассказ «На острове», а Пырерка — за повесть «Младший сын Вэдо». Но Вылке повезло чуть больше. Он всегда сторонился большой политики, поэтому его премированное сочинение было незамедлительно напечатано отдельной книжкой. Кроме того, издатель с ходу опубликовал ещё и повесть Вылки «Марья». А Пырерка претендовал на большие посты как в Москве, так и на Севере. Но за эти амбиции ему пришлось дорого заплатить. Он лишь чудом избежал репрессий. Поэтому его повесть в 1937 году никто издавать не стал.

Кроме того, перед войной из ненцев очень плодотворно работал студент Института народов Севера Алексей Тайбарей.

При этом стоит отметить наставническую роль выдающегося североведа Георгия Вербова. Вылка и Тайбарей были для него как младшие братья. Сколько он вложил в них своих сил! Так же как Наталья Терешенко, по сути, выпестовала и огранила талант своего мужа Антона Пырерки.

Вот так писались первые страницы не-нецкой литературы.

Вячеслав ОГРЫЗКО

От Канина до Енисея

В гостях у «ЛГ» Мария Бармитч — первая среди ненцев женщина-учёный, профессор Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. Из-под её пера вышло более тридцати учебников по не-нецкому языку и литературе.

— Можно ли говорить о том, что у ненцев уже сформировался свой литературный язык, или из-за диалектных различий ненцы, живущие в разных регионах, не всегда понимают издающиеся для них книги?

— Я бы очень осторожно употребляла некоторые термины. Вот вы спрашиваете о литературном языке. Но лично для меня литературный язык — это язык Пушкина (если мы говорим о русском народе) или язык Гейне и Гёте (если мы говорим о немцах). Применительно к моему народу, наверное, правильнее будет рассуждать о письменном языке, который начал формироваться лишь с 30-х годов прошлого века. И пока у нас писателей масштаба Тургенева или Достоевского ещё нет.

Что касается диалектных различий, то сегодня это не самая острая проблема для ненцев. По большому счёту у нас сегодня два диалекта, имеющих существенные отличия. На одном говорят жители тундры, на другом — лесные ненцы. Да, в разных регионах у тундровиков есть свои особенности. Но по большому счёту большеземельские ненцы, ненцы Ямала и ненцы Таймыра друг друга хорошо понимают и могут читать любые книги, изданные на не-нецком языке.

А вот для лесных ненцев надо издавать литературу только на их диалекте.

— Есть мнение, что лесные ненцы — это самостоятельный народ.

— Я тоже начинаю склоняться к этой точке зрения. Наверное, когда-то мы — я имею в виду ненцев Канина, Ямала, Таймыра — все были единым народом и имели общий корень. Но со временем сформировалось много различий и в языке, и в укладе жизни, да отчасти и в миропонимании.

— Как развивается сегодня не-нецкая литература? Есть ли у неё перспективы?

— На не-нецком языке практически ничего серьёзного за последнее время не создано. И перспектив в этом плане я не вижу. Последние глубокие вещи на моём родном языке были созданы тридцать с лишним лет назад. Я имею в виду эпическую поэму Леонида Лапуца «Гёр». Одно время я думала, что Прокопий Яв-

тысь нас чем-то всерьёз удивит. Но чего-то ему не хватало. Теперь остались у меня надежды разве только на трёх женщин: Лукерью Валей и маму и дочь Валентину и Ирину Ханзеровых.

Сейчас самые интересные вещи мои земляки создают, как правило, на русском языке. Если говорить о Европейском Севере, то тут я бы в первую очередь назвала написанную на фольклорной основе повесть Инги Артеевой «За голосом Великого Нума» и роман моей бывшей ученицы Елизаветы Вьючейской (Езынговой) «Снегурка». На Ямале, конечно, высокую планку задала Анна Неркаги. Но последняя её сильная вещь — антиутопия «Молчаливый» — вышла ещё в 1996 году. А где новые сочинения? На Таймыре же после смерти Любови Ненянг ненцы вообще ушли, что ли, в себя. Я там новых имён давно уже не вижу. А в литературе лесных ненцев сейчас почти всё определяет Юрий Вэлла.

— Вы не упомянули Нину Ядне с Ямала.

— Я хорошо знаю Ядне. У неё огромный потенциал. Но на что она тратит свой талант?

— Как на что? Она все силы давно уже бросила на восхваление самой себя.

— Вот вы сами и ответили.

— А над чем сейчас вы работаете?

— Я хочу собрать книжечку своих эссе о первых не-нецких писателях — Антоне Пырерке, Василии Лелкове, Алексее Пичкове. Раньше я почти все свои эссе печатала в ежегодных малотиражных, но очень нужных сборниках «Литература народов Севера». Но не так давно у нас в университете, точнее в Институте народов Севера, выросшем на базе факультета народов Севера, кафедра литературы почему-то упразднили, отдав это направление языковым кафедрам, и сборник приказал долго жить.

Ещё я надеюсь дождаться выхода составленного мною русско-не-нецкого словаря на 18 тысяч слов. И мечтаю найти издателя для словаря моей бабушки и мамы — словаря канинского говора не-нецкого языка.

Беседу вел
Вячеслав КАЛМЫКОВ

Рик Ноготысы

ГОЛОСА ИЗ ХОРА

«Возле тропы твоей тебя ожидаю...»,

или Диалог поэтов, индейского и не-нецкого

Наверное, событие такого рода не так легко было бы предугадать... Хотя бы потому, что встретиться представителям этих столь далёких друг от друга культур очень проблематично. И всё же редкая эта встреча состоялась, и уникальный поэтический диалог — тоже.

Началось с того, что Н. Скотт Момадэй, поэт, прозаик, драматург и эссеист, основоположник современной литературы индейцев США, приехал в 1974 году на полгода в Россию, в МГУ, в качестве Фулбрайтского профессора. Помнится, каждую лекцию он начинал с того, что написанное стихотворение — поэт просто не мог иначе. В свободное время индеец знакомился с Россией, которую полюбил, несмотря на мороз и незнание языка. Но уже тогда он признавался в своей самой заветной мечте — побывать в Сибири, откуда, по преданиям, переселились в Америку его далёкие предки.

И вот, едва выпал случай, Момадэй, присоединившись к группе индейских студентов, отправился в Сибирь — его пригласил в Тобольск не-нецкий художник Леонид Лар. А поскольку Момадэй и сам сделал успешную карьеру художника, такое сближение выглядело естественно. В Тобольском музее Момадэй впервые увидел предметы, связанные с культурой Медведы, и узнал о медвежьей игре хантов. Для индейского поэта из племени кайова это было важным событием — его индейское имя связано с мифом о медведе, а у вождей его рода повторяются «медвежь» имена... Словом, Момадэй, уверившись в причастности к предку-медведю, решил поведать своих сибирских «родичей».

В 1998 году известный хантыйский писатель Еремей Айпин пригласил Момадэя (они уже были знакомы) на свой юбилей. Гости побывали в г. Радужном, Нижневартовске, Ханты-Мансийске, но прежде всего — в селе Варьеган, на родине юбиляра. Оттуда же, из Варьегана, происходит и выдающийся не-нецкий поэт Юрий Вэлла.

Там они и познакомились. «Медвежья» тема прочно слепилась у Момадэя с сибирской, и, ознакомившись с эпопеей Айпина «Ханты, или Звезда Утренней Зари», индейский поэт ощутил силы для поэтического диалога.

В книге 1999 года «В доме медведя» Скотт Момадэй посвящает Ю. Вэлле стихотворение, навеянное их первой встречей. В нём пронзительно звучит жажда преодоления одиночества и потребность разделить самые заветные чувства. Юрий Вэлла пожелал откликнуться на посвящение.

В сущности, в первой паре стихотворений диалога уже содержится важнейшие темы, которые найдут своё развитие в последующем.

Стихотворение Момадэя называется «Призывание»:

*Где медвежий доктор? Где же он?
Я пришёл с севера, я возжаждал.
Я пришёл с востока, я взалкал.
Я явился с юга — изнемог.
Я явился с запада в нужде великой.
Где медвежий доктор? Где же он?
В жизнь свою я изведал зла.
В жизнь свою я изведал добра.
Я явился с рассвета — и пою.
Я явился с заката — и пляшу.
Я спустился с гор, чтобы умереть.
Я дом свой покинул, чтоб в путь пуститься.
Где медвежий доктор? Где же он?
Кто обрядит меня в дорогу?*

Москва, 1997

В противоположность драматизму и медитативной символике Момадэя Вэлла склонен к конкретике, разговорности стиха. В этом духе и выдержан его ответ:

*Вот он я, здесь!
Возле тропы твоей тебя ожидаю!
Всю мою жизнь — брата равного не имел.
Всю мою жизнь — попутчика равного не имел.
Мы б с тобой шагами померялись.
Мы б с тобой рыком поменялись.
Мы б с тобой взгляды скрестили.
Наша общая тропка пусть тесной не стает!
Вот он я, здесь!..
В круг твоих родственников войдём.*

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПОРТРЕТ

Каждая религия нужна на Земле

Не-нецкая писательница Валентина Вануйто в повести «Полёт за потерянной душой», напечатанной не так давно в этнополитическом и литературно-художественном журнале «Мир Севера», ставит извечные вопросы бытия: что такое душа; как соотносятся время и вечность; что есть грех и какое воздаяние получают грешники после смерти; кто создал мир и в чём назначение религии...

Исходная позиция писателя — утверждение шаманизма как равноправной религии. Её сакрально-земная цель: «Мы (шаманы) помогаем людям обрести веру в себя, найти свой путь и помочь их душе достичь самосовершенствования, чтобы стать божеством, а не владыкой существование на дороге Вечности». Сам сюжет, организующий повествование, — полёт душ шаманов, вышедших из физического тела во время камлания. Их цель — «искать чью-то потерянную душу», чтобы водворить затем в большого и тем самым, вместе с душой, вернуть его к земной жизни.

Впрочем, автор пытается парадоксальным образом оправдать и существование других религий: «Все верования ошибочны. Но каждая религия нужна на Земле, так же как человек, который верит во что-то».

Попробуем прочесть «Полёт за потерянной душой» В. Вануйто след за «Божественной комедией» Данте. И тут, и там герои путешествуют в загробном мире. Их цели — разные, но сущности, с которыми они сталкиваются, похожи. У Данте — человеческие пороки в аду воплощаются в чудовищных монстров, мучающих души тех, кто на земле предавался сластолюбию, обжорству, гневу, обману, предательству...

«Его глаза багровы, вздут живот, / Жир в чёрной бороде, когтисты руки; / Он мучит души, кожу с мясом рвёт, / А те под ливнем дождя, словно сушки...»

В прозе Вануйто — образ дикого, первобытного Зла, которое «собрано со всей Вселенной». «Прямо из холма появилась уродливая голова. Она была увенчана четырьмя длинными шупальцами... вырываясь из-под земли, шупальце обвилось вокруг меня, стискивая грудную клетку...». По мысли автора, человек, одержимый злым духом, процирует зло в космос, где Великое зло существует в образе неистребимого монстра: «Мы, люди, сами его создаём. А этот дух питается и растёт...» В этих словах — отправной пункт в осмыслении сущности шаманства и его космического назначения. «Нельзя дать злу гулять на нашей земле. Существует некая стена между миром Зла и миром Добра. Шаманы понимают

это и стараются не пустить зло во всей его перво-данной сущности». Механизмов для этого много. Главный — разнообразные контакты с миром духов, ангелов, божеств, даже демонов.

В мировоззрении Вануйто ощущается сближение с постулатами христианства о существовании невидимого телесным зрением мира, населённого ангельскими душами. Всякий человек, даже и не разбирающийся в тонкостях религии, знает о «стоящих за плечами»: за левым плечом — тёмный дух-искуситель, за правым — Ангел-хранитель. «Добрые духи, — далее развивает эту всеобщую для разных религий мысль шаман Нумлаха, — побуждают людей к добру, поддерживают в жизненных испытаниях и помогают переносить их со смелостью и покорностью. Злые духи ведут людей к злу. Для них наслаждение видеть их павшими и уподобившимися им». Не то же ли самое читаем мы и в Евангелии от Матфея (10.28.) «Не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить; а бойтесь более того, кто может и душу и тело погубить в геенне».

В конце своего астрального путешествия, освободив пленённую духом болезни душу, герой книги Вануйто удостоился проникновения в сферу Великого разума. Он принял его «всеми фибрами своей души», ибо это были свет и любовь.

«И вот наступает кульминация, когда мы перестаем отделять наши ощущения от ощущений всего мира. Именно в этот момент можно быть воистину счастливыми. Сердце заполняется любовью ко всему живому. Все наши ссоры кажутся ничтожными и бесполезными, лишёнными смысла. Там мы любим всех людей, животных, растения и каждую песчинку...».

Души героев книги Валентины Вануйто, выйдя в духовный космос с благородной целью, и сами прошли очищение, столкнувшись «с испытаниями, которые были созданы специально» для них, чтобы возвести их «на высшую ступень развития», достигли своего духовного «Эмпирея», после чего, обновлёнными, могли вернуться на землю, в свою телесную оболочку.

Цель подобных путешествий, которые не чужды и нам с вами, читатель, — пройдя через искушения, осознав вину перед своей божественной сущностью, восстановить первозамысл Божий о каждом из нас. Как говорит Ангел в книге Вануйто, найти «гармонию с собой».

Логично возникает вопрос: какое же место в пантеоне мировых религий можно отнести шаманизму?

При слове «шаманизм» привычно вздрагивают и мелко крестятся правверные христиане, ибо стереотипы церковной традиции относят

шаманизм к беснованию. Обоснованный, на мой взгляд, ответ о месте шаманизма в ряду других религий я нашла в комментариях Даниила Андреева к его произведению «Роза Мира», написанному почти полностью во Владимирском центре — тюрьме, где он вынужден был провести десять лет заключения с 1947 по 1957 год, будучи арестованным по 58-й статье УК как «враг народа».

Даниил Андреев относился к редчайшим людям, которым был ведом «прорыв космического сознания». Именно так он определял своё состояние в моменты творческого озарения. Произведения Даниила Андреева позволяют поставить его в число уникальных писателей-провидцев, рядом с Данте, Вергилием в его поэме «Энеида» и, как бы ни разновелик казался масштаб, — с Вануйто.

Алина ЧАДАЕВА,
автор книг о народах Севера
«К югу от северного сияния»,
«Национальная игрушка»,
«Северные притчи», а также
повестей «Страшный суд»,
«Круг» и других произведений

ПЯТИКНИЖИЕ

ПРОЗА

Михаил Шуклин. **Несравненная.** Сборник сочинений. — М.: Вече, 2013. — 416 с. — (Серия: Сибириада). — 4000 экз.

Новый историко-приключенческий роман известного новосибирского прозаика посвящён памяти знаменитой русской певицы — Анастасии Дмитриевны Вяльцевой. В августе 1906 года Вяльцева действительно гастролировала в Ново-Николаевске. Специально для её выступления в саду «Альгамбра» местные купцы выстроили эстраду. Писатель перенёс действие в торговый городок Иргит на берегу реки Быструги. Несколько лет назад Михаил Шуклин увидел в магазине «Сибирская горница» граммофон, который певица подарила бывшему городскому голове Владимиру Жернакову. И так, каждый год в конце лета на главной площади Иргита расцветает пыльная богатая ярмарка. На сей раз городок посетила знаменитая певица, любимца публики Арина Буранова — Несравненная, как единодушно называли её поклонники. С её приездом и началась в Иргите полнейшая неразбериха. Куда-то подевалась городская сумасшедшая Глаша-копательница, расстроилась свадьба падчерицы купца Естифеева, а потом и сама певица попала в очень непростую, даже опасную ситуацию...

ПОЭЗИЯ

Я — гений Игорь Северянин / Редактор/составитель: Терёхина В.Н.; Шубникова-Гусева Н.И. — СПб.: Полиграф, 2013. — 605 с. — 3000 экз.

Игорь Северянин — один из символов русского Серебряного века. В 1905–1912 годах вышли 35 его поэтических сборников. После признания стихов такими мэтрами литературы, как Фофанов, Брюсов, Сологуб, Игорь Северянин устраивает вечера, где публично читает свои произведения. Было организовано целое турне по России. В 1911 году Игорь Северянин объявил себя создателем нового поэтического направления — эгофутуризма. Он писал, балансируя между пародией и пошлостью: «Я, гений Игорь Северянин, своей победой упоён...» Сейчас мы вновь и вновь перечитываем произведения «короля поэтов» и постигаем биографию души «неведомого паяца», который для его современников оставался обворожительной и странной загадкой:

В ненастный день взойдёт, как солнце, Моя вселенская душа!

В настоящем издании многообразие его творчества представлено с максимальной достоверностью. Тексты сверены по рукописям или книгам с авторской правкой, хранящимся в архивах Москвы, Петербурга, Тарту (Эстония).

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Данилевский Р.Ю. **Фридрих Шиллер и Россия: Монография.** — Санкт-Петербург: Пушкинский Дом, 2013. — 656 с. — 300 экз.

Это первое в российском и международном литературоведении всестороннее исследование восприятия творчества великого немецкого поэта, драматурга и мыслителя Фридриха Шиллера (1759–1805), произведения которого оставили глубокий след в духовной жизни России. С интересом относились к Шиллеру литераторы пушкинского круга, увидев в нём не только чувствительного поэта, но и певца «вольности» и «свободы», который, как писал П.А. Вяземский, «гремел в пользу притеснённых». Мысли Шиллера о том, что поэт призван воспитывать и хранить «достоинство людей» и провозглашать истину, были программными в просветительской деятельности Карамзина. Первая часть книги охватывает период от первых упоминаний имени Шиллера в русской печати до его столетнего юбилея, отмечающегося в середине XIX в. Во второй части освещается история «русского» Шиллера второй половины XIX и всего XX в., а также даются подробные и систематизированные сведения об истории театральных постановок пьес Шиллера на российской сцене за два века.

ДНЕВНИКИ

Алексей Ремизов. **Дневник мыслей. 1943–1957 гг.** / Отв. ред. и автор вступ. ст. А.М. Грачёва. — СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2013. — Т.1: Май 1943 — январь 1946. — 376 с.: ил. — 1000 экз.

В мае 1943 года в оккупированном гитлеровцами Париже скончалась горячо любимая жена Алексея Ремизова, Серафима Павловна. С этого времени и до самой смерти он ведёт свой последний дневник. Явь постепенно вытесняется сновидениями, в снах приходят к нему умершая супруга, чета Мережковских, Пришвин, Замятин, Сталин и другие фигуры, занимавшие воображение Дневника Ремизова — удивительное свидетельство эпохи, в нём изложено подсознательное её осмысление: тяготы быта, непростые взаимоотношения в писательской среде русской эмиграции, страхи и колебания по поводу возможного возвращения на родину. Возвращение не состоялось, но Ремизов часто видит себя в Москве, где всё переменяется, пути назад не предвидятся, смерть Тэффи и значительность фигуры Бунина (его Ремизов не раз видит мёртвым за годы до реальной смерти). Читать такой дневник непросто. К счастью, он снабжён подробным указателем, откомментирован, ему предпослана обстоятельная вступительная статья.

ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Елена Матвеева. **Двенадцать историй из жизни Джоаккино Россини.** — М.: Изд-во «Мир детства», 2012. — 104 с. — 3000 экз.

На книге Елены Матвеевой стоит пометка «12+». Можно предположить, что такое чтение заинтересует не всех детей, но препятствием будет никак не возраст, а лишь индивидуальные склонности или их отсутствие. Эта книга — не биография, а именно двенадцать коротких историй, увлекательных, часто анекдотичных, написанных просто, внятно и с несомненной симпатией к герою. Творец обновлённой итальянской оперы, Россини играючи завоёвывал сердца, и такая книга о нём, безусловно, может способствовать тому, чтобы в детях усилился вкус к прекрасной музыке, появилась некоторая осмысленность особенностей труда композитора и историков его вдохновения. Россини, Бетховен, Никколо Паганини — эти титаны, герои книги, становятся ближе, когда получаешь о них хотя бы небольшое представление (на полноту и глубину Матвеева не претендует), а вместе с ними делается понятнее и сама эпоха.

КНИЖНЫЙ РЯД

Полк уходит в небо

Как рассказывать детям о великой войне? И что они, вообще говоря, могут понять? Мальчик Вовка спрашивает своего прадеда: «А на что похожа война? По ощущениям?» И тот находит слова, понятные для него: «На болезнь. На грипп. Как будто всё происходит не с тобой, а рядом... Всё время надо куда-то идти, каждый день, и всё время ты отчего-то просыпаешься, каждый день по пять раз просыпаясь... Короче: ты болевой с распухшей головой бредёшь по снегу через вечный понедельник. При этом понимаешь, что вторника может и не случиться». Вовка закрывает глаза и пытается представить.

Книга Эдуарда Веркина, молодого писателя из Воркуты, — не свидетельство. Это попытка представления. По личной причастности к войне Веркин гораздо ближе к мальчику, чем к его прадеду. Но «Облачный полк» недаром получил первую премию конкурса подростковой и юношеской литературы «Книгуру» — конкурса, где победитель определяется прямым читательским голосованием. Дело в том, что это искренняя книга. И первая за много лет, читать которую больно и страшно, однако не стыдно. Она берёт за душу, но не сеет модную и ложную смуту из ряда «что наши, что не наши — всё едино». «Облачный полк» — книга патриотическая в прежнем, незамаскированном смысле этого слова. А

что она страшная... так ведь война. Закройте глаза. Представьте... Город на северо-западе России. Его только что бомбили. Во многих домах разгорается пожар. На балконе одного дома стоит девочка, кричит, машет руками. Внизу несётся пожарная машина. Машина не останавливается. Пожарные не видят девочку... а может, торопятся тушить охваченные пламенем склады, потому что огонь повсюду. Всё смешалось. Родной, изученный до мелочей город в несколько минут стал незнакомым и враждебным. Девочка — сестрёнка героя книги. Сейчас он увидит её смерть. Так для мальчика Митьки началась война.

Этот мальчик, рассказчик, при несомненной личной вовлечённости всегда остаётся немного в тени, он всегда — наблюдатель, а главные действующие лица — другие.

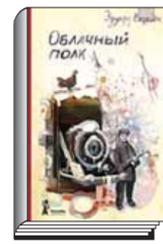
Командир партизанского отряда Глебов, озабоченный, занудливый, постоянно помнящий, что у него в отряде есть дети, среди сугубов и землянок пытающийся им рассказывать всякий ненужный бред. Это сначала Митька так думал. А потом понял: «Советская власть, в этом вся причина. Фашисты пришли, а она не закончилась. Даже окрепла. В газетах пишут, что даже мультфильмы сейчас делают. Кто-то мультфильмы делает, а Глебов вот про Сатурн. Всё правильно». Правильно — всё, что помогает не оскотиниться, не ожесточиться, не сойти с ума.

Партизан Лыков, который не умеет готовить, но когда-то состоял при продуктовом складе, — вот теперь его и отрядили в поваря. Лыков считает, что вкусная еда — это еда, которой бывает много и вовремя. И его товарищи готовы с ним согласиться.

Самый «непартизанский» участник отряда — Ковалец. Ковалец, который так любит аккуратно, на пробор, причёсаться, приходится, отполировать ногти. Мечтающий об ордене, невезучий, нервный, вечный объект насмешек. Разве такой может быть героем? Да. И такой может.

Но главный герой книги — Лёнька Саныч. Храбрый, добрый, злой, рациональный, суевёрный, скомошоший, вечно деятельный, никогда не отступающий; он жестоко, изобретательно издевается над пленным полицаем, но заботливо опекает непопытного мальчика-горожанина. Сам-то он крестьянский парень, умеет морозной ночью развести нодью и не пропасть с голоду в любую бескоммуну, звериным чутьём находит дорогу в лесу, среди болот, а зубоскалит так, что ты ему слово — он тебе десять, и каждое слово — круглое и меткое, как пуля.

Даже из Москвы прилетают его фотографировать, для газеты. Ведь страна должна знать своих героев! Только у них ничего не получится. Его, как авторитетно заверяет Саныч, сфотографировать нельзя.

Эдуард Веркин. **Облачный полк.** — М.: КомпасГид, 2012. — 296 с. — 5000 экз.

И убить нельзя. Цыганка в детстве заговорила. И в некотором смысле это правда. У Саныча — Лёньки, Лёнида, царя спартанского, до конца державшего Фермопильский проход, — своя судьба. На небо он уйдёт последним.

Они все уйдут. Читая об этом, хочется скрежетать зубами и плакать, в горле стонет комок. Давно ли мы видели такую прозу о войне? Давно... А на земле останется мальчик Митька. Вытолкнутый из воронки. Последний усилием — спасённый. Старый лед Митя. У него всё хорошо. Тёплый дом. Сын. Внук. Правнук. Он живёт за всех ушедших. Шепчет их имена. И хранит старую засвеченную фотоплёнку. А вдруг когда-нибудь, хоть лет через двадцать, техника дойдёт до того, что и засвеченную можно будет проявить... Дожить бы.

ТАТЬЯНА ШАБАЕВА

ПОМОЖЕМ!

Проект «Память»: сбор средств

Некоммерческое партнёрство по возрождению памятников природы и культуры «Культурно-просветительский, научно-реставрационный и музейный центр «Заповедное Даровое» проводит работу по сохранению усадьбы Ф.М. Достоевского. Учредители ИП «Заповедное Даровое» уверены, что лишь совместными усилиями общественности, музейных работников и деятелей культуры, власти и бизнеса можно будет решить ряд неотложных проблем Дарового.

Руководство НП «Заповедное Даровое» выступило с обращением, которое мы и публикуем.

Известно, как трепетно Ф.М. Достоевский относился к памяти своих родителей, а между тем горькая участь постигла их могилы. В 1934 г. при ликвидации Лазаревского кладбища в Москве останки матери писателя Марии Фёдоровны подверглись эксгумации «для исследования» и долгое время хранились в Музее антропологии МГУ.

Год назад они переданы для захоронения Русской православной церкви и находятся в Иоанно-Предтеченском храме г. Зарайска Московской области. Поскольку Лазаревское кладбище в Москве больше не существует, то наиболее достойный выход — упокоить останки Марии Фёдоровны на погосте при «семейном» храме Сошествия Святого Духа в селе Моногарово Зарайского района, где похоронен отец писателя Михаил Андреевич, рядом с музеем-усадьбой Достоевских «Даровое». С этим предложением согласны потомки писателя.

Дело осложняется тем, что могила отца писателя была стёрта с лица земли в те же тридцатые годы. Утраченные границы небольшого церковного погоста

были определены недавно в результате георадарного сканирования местности. В настоящее время для установления точного места захоронения М.А. Достоевского требуется проведение археологических раскопок, идентификация останков путём антропологической и генетической экспертизы.

Долг перед памятью великого писателя и его родителей заставляет нас обратиться ко всем, кто может и хочет помочь.

Наши реквизиты:
НП «Заповедное Даровое»
ИНН 5022998127
ОГРН 111500004305
Счёт № 4070381030000000142
ОАО «Промсвязьбанк»
ИНН 7744000912
ОКПО 40148343
КПП 775001001
ОГРН 1027739019142
БИК 044525555
К/счёт № 3010181040000000555
Назначение платежа: Добровольное пожертвование на проект «Память». НДС не облагается.

СУБЪЕКТИВ

Interneto ergo sum

Вероника Бучинская, Михаил Панаев, Владимир Скабичевский. **Роман о Петре и Февронии.** — М.: Кругъ, 2012. — 472 с. — 500 экз.

Рядом с «Эхо Москвы» всегда славилось жёсткой либеральной цензурой, которая, как уже давно было доказано, абсолютный рудимент цензуры советской. То есть любое явление, которое освещается на этом радио, оценивается не по объективным критериям политической целесообразности, социальной востребованности или художественной или эстетической ценности. А оценивается исключительно в амбивалентной координате «угроза — поощрение» либеральной вентиведкой корпорации. Всё же, что идёт вразрез с эстетическими представлениями или политическими пристрастиями этой очень узкой группы выходящей из 90-х, немедленно объявляется скверным, продажным, убогим, некачественным и требует проклятий. Причём характерным признаком ангажированности, неспособностью объективно оценивать те или иные художественные или политические события является перенесение в спор центра тяжести с произведения или явления на автора, переход на личности. Одним примером этому является знаменитое хамство ведущих «Эха» во время дискуссий с теми, кто звонит на радио. Другим — отношение к литературе.

Напомним, что некоторое время назад ведущая «Эха» Ларина публично ругала и швыряла на пол книги, причём когда её спросили в Твиттере: «За что вы так эту книгу, она честно ответила: «Понятия не имею. Я не читала». Так о чём была эта книга? А называлась она «Радауга друга», и в ней от имени собаки-поводыря, лабрадора и в трисот раз рассказывается о жизни и проблемах незрячих детей. Книга получила множество премий и положительных отзывов

критиков, но самое интересное, что написал её тринадцатилетний подросток Миша Самарский, который очень давно занимается проблемами незрячих детей, создал фонд, добился законодательных поправок. Так за что Ларина швыряла книгу про незрячих детей, которую она не читала (помните про Пастернака? всё возвращается), всего лишь за то, что Самарский хорошо отозвался о Медведеве, который тогда был президентом. И за это немедленно был внесён в чёрные списки «Эха».

И вот история продолжается. Помимо Лариной на «Эхе» есть штатный «литературный критик» Александров. Задача его такая же — возвышать и хвалить всё, что возвышает ценности либералов, и клеймить оставшееся. И вот отзыв о недавно вышедшей книге: «Поначалу я не хотел говорить об этой книжке. Но потом подумал, вдруг кто-нибудь обманется так же, как и я, и решит потратить своё время на это произведение. Произведение называется «Роман о Петре и Февронии», но никакое отношения к древнерусской повести не имеет. Впрочем, дело даже не в злобно-елейном и совершенно беспомощном содержании романа. Вся книга в целом — пошлый розыгрыш. На обложке значатся имена трёх авторов (что изумительно уже само по себе): Вероника Бучинская, Михаил Панаев, Владимир Скабичевский. Про Веронику Бучинскую на обороте книжки сказано, что она поэт, прозаик, драматург, автор шести книг, две из которых... переведены на английский и немецкий языки... Михаил Панаев, оказывается, «филолог, литературовед, художник, автор двух сборников рассказов». А Владимир Скабичевский — прозаик, поэт и переводчик, лауреат международной премии «в области гуманитарной литературы Fictionwatcher»... Стоит ли говорить, что всё это абсолютный вымысел... Впрочем, вполне возможно, что все эти люди и явления настолько уникальны, что Интернет о них плохо молчит...»

Отзыв замечательный и характернейший (и рекламный, безусловно). Узнали ли вы

что-нибудь из него о книге, её содержании? Нет, поскольку Александров её, конечно же, целиком не читал. Но, видимо, в том, что он успел прочесть, его что-то очень раздражило. Отсюда бессмыслица про «злобно-елейное и беспомощное» содержание романа. Содержание не может быть «злобно-елейным», таким может быть стиль. Что такое «беспомощное» содержание и в чём оно противоречит «могучему», «исполнительскому» содержанию? А «пошлый розыгрыш» напрямую отсылает нас к «пошлой роскоши» описания И.М. Воробьянинова в Старгороде. Конечно, если «розыгрыш», то непременно «пошлый», если «холодно-елейное», то непременно «прижался горячим лбом», если «поблуднел», то обязательно «как стена». Высокий, не пошлый и не банальный стиль либеральной критики.

А дальше Александров, не сказав ничего о романе, обрушивается на авторов. Которых якобы нет, потому что их нет в Интернете. Это такой усовершенствованный цифровой эпохой материализм: я в Интернете — следовательно, я существую (Interneto ergo sum).

Итак, почему же Александров запрещает всем читать эту книгу, подвергает её цензуре, ничего о ней не сказав? Открываем и понимаем, что Александров неслучайно ничего не сказал о самой книге. Потому что она — в первой части — о них. О либералах, об их «ценности», об их «великих писателях» — порнографе Сорокине, Пелевине и многих других, на возвышение которых Александров в своё время потратил массу сил. Обо всём том, что они любят.

Пробежимся по содержанию. В первой части романа речь идёт о жизненном пути писателя «Сорокина», а также его друзей «Велявина», «Дорофеева», «Грибова», «Дыбкова» и пр. (понятно, кто это), о том, как Сорокин поднимался и как наконец дошёл до вершин своего туалетного творчества. Написано очень легко, ярко, с хорошим и редким в наши дни юмором, подчёркивающим

менять отношение к людям. В итоге Пётр возвращается к любви. И, наконец, финал. Убийственный для Александра и его любимых генев, ибо в этом финале приходят настоящие писатели, а дальше...

«— Мы вас отпустим, — тихим, тяжёлым голосом сказал темноволосый, молодой, с бледным лицом, в красном мундире. — Только откройте окно.

Троица переменялась в лицах. Дыбков дробно захихикал, тряся пухлыми, обвисшими, как тесто, вылезшее из кастрюли, щеками, и начал торопливо кланяться. Сорокин быстро-быстро потёр руки, словно пытался извлечь из них огонь, и бросился вместе с Дорофеевым открывать окно...»

«Правильно, правильно, вы совершенно правы, господа, — торопливо бубнил Дорофеев и кривил рот, изображая беззаботную весёлость, — а то душно, мы здесь совсем запаршивели, хе-хе, свежего воздуха который день не вдыхали». Хихикнув, он повернулся к стоящим. «Ужоу, господа. Сию секунду. Ещё мгновение — и меня нет. Не буду мешать». И он шагнул к тёмному слитному ряду стоящих у двери.

Вондешие не двинулись. Лицо Дорофеева вытанулось.

— П-позвольте же, господа.

Повисла ужасная пауза. Дыбков и Сорокин застыли на месте. И в этот момент кто-то из стоящих чётко и внятно произнёс:

— Всё готово. Пожалуйста на выход.

Теперь понятно, почему эта новая книга встретила такой приём на «Эхе». Авторы нарушили важнейшее правило, самочинно установленное «Эхом» и прочими. О них и их кумирах, как о покойниках, «или хорошо — или ничего». Даже не просто хорошо — восторженно. Подобострастно. Недопустимо, запрещено сомневаться в том, что Быков, Сорокин и Пелевин — великие писатели, что «Эхо» — лучшая радиостанция, что «современное искусство» — самое передовое. А эти посмели. И не просто посмели, а вышли на то же поле литературы и сыграли на нём достойно. А книга — это не газета, в один день не исчезнет.

БОРИС ЯКЕМЕНКО

СЕМЬ НОТ

«...Что ни звук,
то и подарок...»

Мир отмечает юбилей Сергея Васильевича Рахманинова. В столичных концертных залах всюду он. Хотя и без юбилейных дат Рахманинов вниманием музыкантов не обижен. В ЦМШ при Московской государственной консерватории им. Чайковского её директор — народный артист России Владимир Овчинников — открыл цикл встреч с бывшими выпускниками и просто интересными исполнителями, чтобы и учащиеся, и преподаватели, и просто друзья школы могли иметь реальное представление о тенденциях современного музыкального пространства и о том, кто и что собой в этом пространстве представляет. Прекрасная затея. И осуществляет её Овчинников (кстати, сам игравший в марте много и интересно) с пристрастием. Я попал на рахманиновский вечер. Играл Филлип Копачевский и Максим Могилевский. Если про Копачевского всё известно, то о его партнере в этот вечер стоит, наверное, напомнить. Максим Могилевский заканчивал Московскую консерваторию у профессора Наумова, стажировался в Джульярдской школе у Беллы Давидович, брал уроки у Марты Аргерих. У него много побед на международных пианистических конкурсах, хорошая репутация у ведущих дирижёров и оркестров мира. В концерте для двух ролей в этот вечер звучал Рахманинов: Фантазия. Сюита для двух фортепиано, Симфонические танцы. Играл ярко, дерзко и с большим воодушевлением. Кое-какие погрешности явно от недостатка репетиций им за это простились такими же воодушевленными слушателями.

Следующий в этом цикле вечер был фантастическим — играл Пауль Бадура-Шкода. Пианисту сейчас восемьдесят шесть лет. Я слушаю его на протяжении последних пятидесяти лет в самых разных городах России и мира. Он очень активен и не считается с возрастом. Никто из зарубежных исполнителей не путешествовал так много по Советскому Союзу. Всегда с небывалым успехом. Так что выдающегося австрийского пианиста вполне можно считать и российским. Официально он уже объявлял о завершении карьеры, я был на этом концерте в Музыкальном театре им. Станиславского и Немировича-Данченко. Пианист играл с оркестром театра под управлением главного дирижёра Феликса Коробова. И в этот вечер Феликс Коробов сопровождал выступление Бадура-Шкоды с оркестром музея «Эрмитаж». Конечно же, Моцарт — звучали концерты № 20 и 22. Слушать, наблюдать за ролею г-на Пауля — редкое удовольствие. Нам в радость смотреть на него, а ему — на клавиши. В этом нетерпении от каждого прикосновения к ним есть какая-то трогательная и священная детскость. Никто, пожалуй, не знает Моцарта лучше, чем он. Он — подлинный друг Вольфганга Амадея. Почитайте его книги. И послушайте. Звучит, когда-то собранные Моцартом, звучат у Бадура-Шкоды, как капель: прозрачно, ясно, пронзительно. В заголовке моего обзора фраза Н.В. Гоголя — самая точная рецензия на то, что происходило в этот вечер в концертном зале ЦМШ.

Народного артиста СССР профессора Московской консерватории Константина Игумнова вспоминали «у Гольденвейзеров». Заслуженная артистка России профессор Гнесинки Мария Гамбарян не только рассказывала об уроках своего педагога, но и представила три поколения пианистов, произрастающих отсюда. Играл Нана Немхишвили — ученица Марии Степановны, и нынешний выпускник Гнесинки Александр Гусев, воспитанник Н. Немхишвили. Прозвучала соната № 2, Прелюдии, два Этюда-картины — всё было очень интересно. И комментарии Марии Степановны действительно воспроизводили суть давних уроков, были живописны, ироничны и наблюдательны. Но подлинное обаяние игумновской школы мы все ощутили, слушая саму Гамбарян. Она играла Мазурку для минор. Скерцо си минор. Ноктюрн си минор Шопена. Не знаю даже, с чем сравнить её манеру, стиль, но Шопен у неё — такой проникновенный, изысканный и очень простой. И не перестаёт удивляться абсолютно овладевает слушателя. Абсолютно. Никакой другой жизни нет. Она сама всякий раз обнаруживает новые и новые нюансы в уже давно знакомых ей произведениях. И не перестаёт удивляться и восхищаться неисчерпаемостью композиции. И нас, её слушателей, удивлять и восхищать. Мария Степановна — «самодежка» и всякий раз собою недовольна. Находит для этого всякие фантастические основания, переубедить её бывает очень трудно. Думаю, что это тоже игумновское наследие, может быть, самое важное, потому что позволяет потом, после слёз, терзаний, недовольств, выйти к инструменту и заставить всех присутствующих в одну секунду забыть обо всём. И только слушать, слушать, слушать... Лев Николаевич Толстой, которого особо почитают «у Гольденвейзеров», заметил однажды, что «простота есть необходимое условие прекрасного». И, конечно же, был прав.

На протяжении месяца в Москву наезжали гастролёры. Борис Березовский объявился на сцене Большого зала консерватории, как будто из пивного бара, — серенький пиджачок нараспашку и плевать на классический образ пианиста. С Академическим симфоническим оркестром Московской филармонии под управлением Томаса Зандерлинга исполнил Концерт № 2 Брамса. Как появился, так и играл.

Неинтересен был в этот приезд английский пианист Фредерик Кемпф. С оркестром Павла Когана исполнил Концерт № 2 Бетховена. Скучно, школярски, на «коротком поводе» у дирижёра. Очень удивил, так это на него непохоже.

Зато регулярно наезжающий в Москву «звезда XXI века» из Петербурга Мирослав Култышев блестяще выступил с Академическим симфоническим оркестром Московской государственной филармонии под управлением Алексея Шатского. Играл Концерт № 1 Брамса. Какой яркий, вольнолюбивый ролея, потрясающая техника, ни одного формального звука. Великолепное, праздничное, впечатляющее выступление. Пианист очень изменился. Озвучил: может быть, и правы создатели цикла, и мы действительно имеем дело со звездой XXI века.

А лучше всех в марте, на мой взгляд, был скрипач Никита Борисоглебский. Он выступил в той же программе, что и Култышев, с родным оркестром Московской филармонии под управлением А. Шатского. Исполнял Концерт для скрипки с оркестром Брамса. И как исполнился! Уже упоминаемая мною простота в захватывающем владении и прекрасным сочинением Брамса, и инструментом. На Борисоглебского надо ходить специально, но на глаза становится одним из самых интересных российских скрипачей.

Юрий ДАНИЛИН

ПРЕМЬЕРА

Зверинец в семейной клетке

Устав ждать новых ролей в родном «Современнике», Марина Неёлова впервые сыграла на стороне

На фоне авангардных постановок с инсталляциями и кинокадрами спектакль Государственного Театра Наций «Стеклозверинец» воспринимается, как гиперреалистический, зеркально отражающий непростые семейные отношения, в данном случае матери и взрослых детей, пытающихся вырваться из-под её опеки и сохранить вкус к жизни.

На эту тему написано немало произведений, и рассуждать по этому поводу можно бесконечно, и вместе с тем пьеса Теннесси Уильямса, несмотря на её преклонный возраст (первая постановка в Чикаго в 1944 году), обладает особой магией. Она притягивает и одновременно вселяет ужас, дидактические нравоучения матери вызывают тошнотворную реакцию и заставляют жалеть героев, бездарно растрачивающих свою жизнь. Но вот что интересно: жалая их, мы невольно обращаемся к себе, своим фобиям и комплексам. Мы тоже многого ожидали от жизни, но она, плутовка, обманула, также думали, что всё впереди, а оглянуться не успели, как уныние настало нас, «безбожные, без вдохновенья»...

Именно в таком заходящем за горизонт времени находится Аманда Уинфилд, давно брошенная мужем без средств к существованию с нервным сыном и калекой-дочерью. Её девичьи мечтам о вечном празднике не суждено было сбыться, «не на ту лошадку, как говорится, поставила». Поэтому весь остаток сил и неисторичной энергии она направляет на детей, тиранит своими поучениями, следит за каждым шагом, только бы они вышли в люди. Марине Неёловой, впервые играющей не на сцене «Современника», хорошо знаком сорт женщин, которые считают себя «папьянками», и если бы им сказали, что они душат своей любовью детей, то страшно

Евгений СИДЯКИН

бы обиделись, устроили истерику и так далее.

Аманда Неёловой постоянно находится в возбуждённом состоянии, она слышит только себя и другая точка зрения её не интересует. Главное, чтобы дети ходили по струнке, вставали утром сулыбкой (это такой психологический аутотренинг) и не имели никаких секретов. Но дети тоже приспособились к выживанию под неусыпным её надзором и внутренне отгородились, защищая свою негласную территорию свободы. Время от времени худой мир даёт трещину, и тогда маленькая квартира заполняется грязной пеной. Внешний лоск добропорядочной дамы куда-то исчезает, кудряшки на голове Аманды встают дыбом,

сотни женских лифчиков, сшитых на продажу, разлетаются по комнате, гнев заполняет лёгкие и не даёт дышать, и вот уже сын, не владея собой, кричит: «Старая ведьма!»

После бури снова наступает затишье, но Аманда не делает никаких выводов, поскольку, как ни странно, она инфантильна и не видит дальше собственного носа. А тем временем сын, сытый по горло семейным «счастьем» и нудной работой в обувном магазине, готовит побег. В конце концов он исчезнет, как исчез его отец, даже тихая и беззащитная сестра не станет уговаривать брата остаться. Она тоже бы ушла, куда глаза глядят, да страх перед жизнью не даёт ей вырваться

из клетки. Комплекс неполноценности полностью подмял под себя её силу воли.

Итак, в спектакле два противоборствующих лагеря — что самое страшное — родных по крови людей. Мне показалось, — режиссёр Туфан Имамутдинов больше сочувствует молодому герою, и это понятно: ведь они лишены права выбора, а значит, и свободы. Том Уинфилд в энергичном исполнении Евгения Ткачука, словно локомотив, тащит на себе весь груз бытовых проблем, разрываясь между жалостью к сестре и сыновним долгом, понимая, что может погибнуть в чёрной дыре, так и не воплотив задуманного. Судя по всему, у него есть определённый

МОЙ ВАГНЕР

Совместный проект «ЛГ» и газеты «Музыкальное обозрение»

Пожалуй, в истории музыки нет фигуры более противоречивой, чем Вагнер. Его великие музыкальные драмы, достигающие высшей точки в синтезе искусств, — это некое подобие мистерий, центром которых становится ритуал освобождения человека от всего низменного-мирского и его спасение в духовном. Это своего рода обряды Очищения и Преображения. Ещё Ницше метко заметил, что оперы Вагнера — это всегда «оперы спасения».

Неистовая убежденность Вагнера в правоте своих эстетических идей потребовала радикального реформировать абсолютное всё — сам жанр оперы, то есть понимание того, чем должна быть опера, её музыкальный язык, музыкальные формы, сам тип пения. Она потребовала создания новых музыкальных инструментов — вагнеровских труб и даже создания принципиально новой театральной архитектуры. Одних только перечислений вагнеровских художественных открытий набралось бы, наверное, на целую главу. И все эти задачи он выполнил с феноменальным мастерством, фантастической мощью и вдохновением, преодолев все жизненные препятствия на своём пути!

При этом стало уже ходячим противопоставлять музыкальный гений Вагнера Вагнеру-человеку. Действительно, в истории искусства вряд ли можно найти более отталкивающий типаж. Везде, где появлялся Вагнер, он сеял злое интриги! В первой половине жизни Вагнер страстно верил в революцию, но поменял

свою веру, как только его персональным покровителем стал монарх Людвиг II Баварский. Однако даже в этой дружбе своими сумасбродными требованиями уволить статс-секретаря и одновременно премьер-министра он умудрился поставить наивного монарха в очень неловкое положение перед своим окружением, а своей постоянной ложью и гордыней восстановил против себя всю мюнхенскую общественность до такой степени, что вынужден был покинуть этот город.

На протяжении почти всей жизни он был скрывающимся беглым должником. Причём вовсе не из-за тяжёлого недостатка в средствах. В каждом следующем городе он снимал самые дорогие квартиры с самой роскошной мебелью, тем самым только увеличивая свои неустойчивые расходы. Будучи невысокого роста (152 см), он, по-видимому, был одержим тяжёлыми хроническими комплексами. Для собственного самоутверждения он предпочитал покорять исключительно замужних женщин, при этом чаще всего либо жён своих благородных покровителей (как в случае с Матильдой Везендонк), либо жён своих ближайших друзей (как в случае с Козимой, дочерью Ференца Листа, женой главного вагнеровского дирижёра Ханса фон Бюлова).

Но, конечно, самое низменное качество Вагнера — это его бредовый антисемитизм, который парадоксальным образом проявлялся особенно остро по отношению именно к тем, кто его поддерживал, кто хлопотал и ставил его оперы, кто публиковал его статьи, кто помогал ему материально. Наконец, к тем, чьи идеи он иногда заимствовал и так замечательно развивал. Джакомо Мейербер здесь — классический

пример. При этом даже в своём антисемитизме Вагнер вёл себя крайне лицемерно, подписав первое издание своей статьи «Еврейство в музыке» вымышленным именем.

Особенно показательно в этом плане сопоставить фрагменты из воспоминаний Вагнера и его же писем, написанных в один и тот же период: «В 1841 году, когда Мейербер был в Берлине, я послал ему мою новую оперу «Летучий голландец», и ему с поразительной быстротой удалось поставить её на сцене берлинского «Хофтеатра». Идеей моей оперы «Летучий голландец» я во многом обязан личным объяснениям и советам Геяне. Моё материальное положение в Париже и то, что я не умер с голоду, всецело является заслугой Шлезингера, давшего мне работу для издаваемой им «Музыкальной газеты». Все три названных Вагнером персонажа — этнические евреи. Я позволю себе не цитировать письма Вагнера того же времени, в которых он своими омерзительными высказываниями о тех же самых людях разоблачает сам себя так, что невольно вызывает в памяти образ Альбериха — завистливого карлика, гениально выведенного им самим в «Кольце нибелунга».

И это всё — на фоне поистине завораживающих сочинений, наполненных необыкновенной красотой, мощью и величием!

Гений и злодейство — две вещи, к сожалению, вполне совместимые. Художник всегда выше маленького человека. Это как раз о Вагнере! Об одном из моих самых любимых композиторов.

Владимир ТАРНОПОЛЬСКИЙ,
композитор

Первый выпуск рубрики в № 13

ЭПИТАФИЯ

От Быстрого Истока

Ушёл из жизни ещё один русский сын Мельпомены. Именно так: не умер, не скончался, не исчез, а просто тихо и смиренно ушёл от нас — по словам бесконечно любимого им Есенина, — «в ту страну, где тишь и благодать».

Валерий Сергеевич Золотухин одним из первых среди моих московских знакомых начал 80-х годов пришёл к вере. Не пришёл, а вернулся — из советского забвения, из абсурда истматов и диаматов, из той большой разрухи в умах и сердцах, которая в горячечной лихорадке переустройства старого мира рушила церкви и жгла святые иконы. Вернулся к вере отцов и дедов.

История известная (многажды самим артистом рассказанная) — о том, как отец, Сергей Илларионович Золотухин, будучи председателем колхоза, участвовал в разрушении храма в родовом алтайском селе Быстрый Исток, а знаменитый его сын на свои кровные этот храм спустя полвека восстанавливал. И не гордынею был ведом он по этому пути, скорее — смиренней. «Я че-

атр драмы и комедии на Таганке, в котором Золотухину выпало прослужить почти полвека. Если это и «донос ужасный» (как не без юмора определил жанр золотухинских сочинений Ю.П. Любимов), то первым пострадавшим от такого «доноса» стал сам летописец, ни в чём не приукрашивший ни себя, ни свою жизнь. И это, конечно, подвиг. Однако подвергнуто на Руси часто бывает подвергнуто сомнению, вызывает зависть современников, как собственно и сам дар Божий.

Даже в эти трагические дни один из коллег Золотухина не постеснялся назвать его «способным во многих отношениях человеком». Да нет, господа, способности Бог дал вам, может быть, и больше, а ему — великий, неподражаемый талант, дабы открыл он на актёрском поприще и показал людям глубинную, гениальную сущность того народа, из которого сам и вышел. И народный артист — это не звание, это была его суть.

Если же попытаться коротко определить человеческую сущность

Валерия Золотухина, то без раздумий скажу, что он был — настоящим. Настоящим профессионалом. Настоящим мужчиной. Настоящим другом. Настоящим русским интеллигентом. Делкатным, сговорчивым, благородным человеком. В добродетелях всегда держал мудрость и ненавязчивость.

Искромётный на сцене, в жизни он играть отказывался, поэтому все разделы «Таганки» прошли через его сердце. Все расколы и передергивания оставили свои рубцы и раны. Я свидетельствую об этом не только как конфидент, но и как простой зритель на этом большом и скверном театре жизни.

Мы дружили с Валерием Сергеевичем больше 30 лет, но по взаимному молчаливому согласию были на «вы». И лишь дважды сказали друг другу «ты» — в день ужасной гибели его сына Сергея

СВЕТСКАЯ

ХРОНИКА

Неожиданная
гастроль

Анджелина Джоли, Уильям Брэдди Питт (или просто Брэд) и шестеро их детей, из которых трое — приёмные, собираются в турне по России. Дружная семья сыграет ряд премьерных спектаклей по пьесе-сказке «Двенадцать месяцев». Сказку написал С. Маршак, а поставил А. Баршак. Анджелина и Брэд решили пригласить режиссёра после просмотра трейлера недавно снятого им одноимённого фильма. Гастроли пройдут в Урюпинске, Вышнем Волочке, Верхнеудинске, Нижней Туре и других городах. После долгих уговоров голливудские звёзды дали согласие на единственное представление в Лужниках. Поскольку для полной комплектации труппе пока не хватает четырёх месяцев, решено провести кастинг среди местных жителей. Приглашаются все желающие! Билеты поступают в кассы сразу после утверждения исполнителей на вакантные роли.

Продолжение на стр. 16

Надежда КОНДАКОВА

«ЛГ» выражает глубокие соболезнования родным и близким В.С. Золотухина.

ЭКСКЛЮЗИВ

Рассказывать истории, глядя на огонь

«Я убеждён: главным персонажем в жизни для ребёнка должен быть родитель, который рассказывает ему сказки. Остальное — вещи вспомогательные».

Итальянский писатель Умберто ЭКО отвечает на вопросы писательницы, искусствоведа Ники Андрос

— Сегодня образование стало общедоступным. Вопрос в его качестве. При этом надо ещё отметить, что обучить человека легче, чем воспитать. Ибо воспитание — процесс длительный, сложный и очень ответственный. Прививать ребёнку тягу к хорошему, помогать ему распознавать добро и зло, развивать в нём главное человеческое чувство — сопереживание, поощрять любознательность — очень трудные задачи, требующие огромного терпения и умения поддерживать у юной личности постоянный интерес к познанию. Как вы думаете, должно ли быть воспитание первым шагом в процессе образования?

— Истинное образование заключается в примерах, которые учитель даёт ученику в живом общении. И это касается как начальной школы, так и университета. Проблема нашего времени в том, что прямое общение ученика с учителем ослабевает, если не исчезает вовсе. В школах всё больше и больше детей играют с компьютером и считают, что имеют под рукой всё для получения информации, необходимой им. Они перестают прислушиваться к словам учителя.

По-видимому, это менее заметно в университетах, однако и там диалог с преподавателем завязывается только у тех, кто имеет истинное призвание к исследовательской работе. Остальные также поддаются соблазну получать нужную им информацию из Википедии и других подобных источников.

Педагогическую трагедию нашего времени можно условно определить как «Смерть Сократа». То есть учителя, воспитателя. Есть университеты, переполненные студентами, где у них нет никакого диалога с преподавателями. Но репутация — и заслуженная! — некоторых американских университетов основывается на небольшом количестве студентов на курсе, на возможности вести постоянный диалог с преподавателем.

Что же касается самых маленьких... Родители, которые усаживают детей перед телевизором на весь день, чтобы их как-то занять, перестают быть воспитателями.

— Понятно, что, подводя к ребёнку с самыми добрыми наставлениями, мы не можем просто сказать ему: «Делай добро — это хорошо, не твори зло — это плохо». Пользы от такого воспитания будет немного. Мировая культура и народная мудрость определили наилучший жанр обращения к детям — сказку.

Интересно, что часто сказки начинают жить в рассказах мам, пап, бабушек, дедушек своим детям и внукам, как в случае с Астрид Линдгрен, или детям друзей, как это было с Льюисом Кэрроллом. Вы посвятили детям три книги. Как и почему вы решили обратиться к самому юному поколению? И вообще — нужны ли сказки детям XXI века? И нуждаются ли они в традиционной книге с рисунками?

— Мы узнаём всё о мире вокруг нас через рассказы. Даже студент, изучающий зоологию, должен учиться не только с помощью научных определений (собака — это плацентарное млекопитающее), а через «истории» о тех же собаках. Через рассказы (или свидетельства) о том, как собаки живут, как они действуют в тех или иных ситуациях.

Так же дети. Причём они — особенно. Дети вступают в контакт с миром через «истории» о тех же собаках или других животных. Они понимают, что огонь нельзя трогать, потому что им рассказали историю об этом. Сказка для ребёнка — первый способ узнать что-то о мире. Это правда, что сегодня ребёнок узнаёт много историй через телевизор или iPad.

Некоторые из них — отлично сделаны. Но всё же эти истории тяжелы для детей, они не предназначены для специфического детского восприятия. Многие игры, подталкивающие ребёнка к сочинению своих историй, могут воспитывать в детях привычку к насилию, необузданной конкуренции, быстро принимаемым волевым решениям, без глубокого изучения ситуации.

Я убеждён: главным персонажем в жизни для ребёнка должен быть ро-

дитель, который рассказывает ему сказки. Остальное — вещи вспомогательные. Они могут что-то подсказать, уточнить, но не могут заменить личностное повествование.

— Сегодня образовалась глубокая пропасть между высокой наукой и обычными людьми, даже образованными. Шедевры искусства прошлого и настоящего также остаются за пределами внимания широкой публики. Наверное, подобные вещи не для обычного потребителя, но всё-таки телевидение, радио, кино, Интернет должны больше говорить о вещах высоких и достойных. То же телевидение перегружено псевдолитературой, псевдомузыкой, псевдоискусством. Мало

того, все СМИ переполнены негативом, жестокостью...

— Совершенно очевидно, что многое из того, что приходит в нашу жизнь через телевидение, не нужно для подлинного образования, просто вредно для воспитания. Но я помню, что происходило с моими детьми, когда им было десять и двенадцать лет. Мы тогда первый раз поехали в наш загородный дом, где был камин. Мои дети были буквально очарованы пламенем огня и больше вообще не смотрели телевизор. Мы должны восстановить в семьях такие отношения — родители и дети, все семья собирается вокруг костра, и они рассказывают друг другу

истории. Реальные или выдуманные — неважно. Важно, что они делятся друг с другом.

— И всё же, как частично защитить детей от негативной, а порой и опасной информации, которой переполнен тот же Интернет?

— Это проблема нашего времени. Культурный взрослый человек способен отличать хорошие сайты от вредных. Увы, для юных или менее образованных людей эта проблема сегодня неразрешима. Конечно, школа должна воспитывать критический, трезвый подход к Интернету. Но как это сделать, если даже учитель не в состоянии различить надёжные и ненадёжные сайты?

Я бы рекомендовал в школах давать темы, которые требуют консультации в Интернете, но при этом поощрять бы желание сравнить полученную информацию с другими источниками. Как это делают серьёзные учёные, сопоставляющие противоречащие документы. Может быть, таким путём школьник или студент узнает, что не нужно верить первой попавшейся информации по теме. Но... Такое критическое образование очень трудно организовать. Школьника следует шаг за шагом сопровождать в освоении Интернета, но тут снова нам нужен настоящий учитель... Вот где проблема.

— Вы как-то рассказали о возможности разрушения и исчезновения ценных книг XIX—XX веков, связанной с технологией производства бумаги из дерева. Откровенно говоря, я впервые услышала об этом. Я считала, что многие книги, вследствие погони за удешевлением изданий, просто печатают плохими красками на плохой бумаге, которая быстро истрепывается, подвергается воздействию влаги из воздуха.

— Всё дело в том, что большая часть книг, выпущенных в середине XIX века и позже, печаталась на бумаге, изготовленной из тряпья. Потом перешли на бумагу, произведённую из дерева, а срок её «жизни» — семьдесят лет. Печатные книги 50-х годов XX века, когда после войны использовалась плохая бумага, уже сегодня нельзя больше брать в руки, листать — они разрушаются прямо в руках. Тогда как в моей библиотеке есть книги, напечатанные в XV веке, и кажется, что они прямо из типографии! Поэтому сегодня библиотеки сканируют книги на плохой бумаге, чтобы спасти их. Но многие книгохранилища содержат миллионы томов, и операции по их спасению весьма дорогостоящи и требуют огромных затрат времени.

Сейчас многие издатели печатают книги на бескислотной бумаге, которая будет жить дольше. Но что касается публикации последних ста лет, то скоро мы потеряем огромный фонд.

Единственным утешением является то обстоятельство, что таким образом физически исчезнет много бесполезных книг. Но это, конечно, слабое утешение.

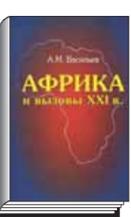
КНИЖНЫЙ РЯД

Основы «афрореализма»

Есть «афропессимисты» и «афрооптимисты». Автор книги, академик, востоковед, директор Института Африки РАН, относит себя к «афрореалистам». Как он сам пишет, «суть этой позиции заключается в убеждении, что африканцы и арабы, населяющие этот континент, пройдут через успехи и поражения, через муки и страдания, через верные решения и ошибки и всё-таки найдут свой путь прогресса. Они построят общество с достойными условиями жизни, с развитой экономикой, культурой, наукой, образованием... Конечно, на это уйдут не годы, а десятилетия, может быть, долгие десятилетия. Но «прекрасная пора» наступит. В этом заинтересовано и человечество в целом, и наша Россия».

Со времён экспедиции Наполеона в Египет африканцам и арабам навязывали западные институты и стандарты. В результате бездумной «вестернизации» произошло разрушение африканской общины, люди были выгнаны и выдраны из привычной среды.

Разрушились прежние социальные связи и не возникли новые. Африканец оказался в одиночестве перед новым, враждебным миром. К решению чуждых, западных по происхождению проблем он оказался совершенно не готов. Не готов к этому и африканские общества. Единственным выходом и отдельному человеку, и обществу в целом в такой ситуации представляется насилие. Оно вызывает инстинктивное сопротивление, ко-

Васильев А.М. **Африка и вызовы XXI века.** — М.: Восточная литература, 2012. — 374 с. — 500 экз.

торое влечёт ещё большее насилие. Здесь корень бесконечных войн, захлестнувших континент.

Мало что изменилось и с началом процесса глобализации. Автор неслучайно назвал главу о ней «Африка — падчерица глобализации». «Реальная практика, — пишет он, — показывает, что глобализация мировой экономики — это возможность для высокоразвитых стран извлечь выгоду из ускоренного экономического развития, из перехода на новые технологии. Но Африку и другие страны и регионы юга глобализация ослабляет ещё больше. Отставшие страны становятся как бы ненужными мировому рынку».

И ещё один очень важный момент: «Западный мир буквально бомбардирует развивающиеся страны своей информацией через мощные медиаимперии. Западные СМИ несут в Африку свои собственные проблемы, своё видение мира, свою систему ценностей, свои этические и религиозные понятия, которые африканцам зачастую абсолютно чужды». То есть массмедиа, соединённые с массовой культурой и рекламой, дикту-

ют вкусы и поведение современным африканцам, формируют их политические и социальные пристрастия, внушают свои оценки событий и фактов.

Отдельная глава в книге посвящена кризису мусульманской цивилизации и серии революций, потрясших арабские страны. На взгляд автора, арабские революции произошли не потому, что появились информационные технологии. Ими двигали те же силы, которые затевали революции в других концах света, — ненависть к коррумпированной олигархии и тайной полиции, безнадежное положение бедняков, неспособность власти на реальные реформы. Молодые образованные демонстранты «поколения Фейсбука» — это лишь одна часть сложной социальной структуры арабских стран. Чем завершится этот революционный взрыв, сказать сегодня трудно. Но, убеждён автор, «ни одну арабскую страну нельзя себе представить демократической республикой европейского образца».

Особый разговор о взаимоотношениях России с африканскими странами. Приступая к нему, автор делает очень важное замечание: «Россия живёт сегодня в условиях международной системы, основные элементы которой сложились без её участия, которая сформирована сильными по праву сильных, по праву победителей в холодной войне. Это реальность, которую нужно признать, к которой нужно приспособиться и по мере возможностей изменить в свою пользу».

По отношению к Африке в России бытует несколько мифов — «Африка нас объедала, мы кормили Африку», «СССР навязывал Африке свою модель политического устройства», «Африка нам не нужна, ибо она провалилась в чёрную дыру непреодолимой отсталости, кризисов, конфликтов». На самом деле на каждый из этих выводов есть масса контраргументов. Но главное — вывод. А он таков: «Африка нужна России, Россия нужна Африке». И чем быстрее у нас поймут это, тем лучше.

Илья ВИХАРЕВ

Из первых террористов

Читая эту книгу следует с большой осторожностью, ведь её автор — шпион-диверсант, работавший на фашистскую Германию, и, конечно, убеждённый фашист. Книга впервые увидела свет в 1975 году, когда человека, её сочинившего, знали настолько хорошо, что достаточно было назвать имя — Отто Скорцени. Сейчас Скорцени почти забыт, но его сочинение всё равно представляет определённый интерес. Оно даёт возможность увидеть, что творится в голове у экстремиста.

Не так уж важно, состоит этот экстремист на службе у Гитлера или другого лидера, призывающего к массовым убийствам, — искажение восприятия происходит по одним и тем же принципам. К примеру, Скорцени, как и любой экстремист, считает себя героем.

«Я мог водить не только немецкие и американские танки, но и русские Т-34, — хвастается он. — Я мог также пилотировать самолёты и скоростные катера, умел плавать, хорошо стрелял, был способен руководить артиллерийским огнём, командовал разведкой, писал внятные рапорты и так далее». Прямо-таки Джеймс Бонд Третьего рейха! Супершпион! По мнению Скорцени, именно эта разносторонняя подготовка позволила ему встать во главе особого подразделения, ведшего войну с врагами Германии в соответствии с «новой концепцией».

Что же это за концепция? «Новая концепция» придаёт огромное значение диверсиям в тылу врага. Скорцени не видит в них ничего криминального. Для него затопление грузовых судов, взрывы мостов и похищение людей — весёлые приключения. На протяжении всей книги автор настаивает, что в ходе операций стремился избежать кровопролития. Людей, которые оказались на тонущих кораблях и взрываемых мостах, он в расчёт не принимает.

Скорцени ни разу не упоминает о жестокостях фашистов. Вместо этого он пытается доказать, что фашисты — пламенные патриоты, которые спасали Европу от «советской диктатуры». Скорцени при всяком удобном случае стремится «разо-

О. Скорцени. **Неизвестная война** / Пер. с франц. О.П. Ковалёнок. — Минск: Попурри, 2012. — 576 с. — + вкл. 16 с. — 3500 экз.

блачить» советское руководство и принизить значение советских военных побед.

Осыпая читателя аргументами, Скорцени даже не замечает, что противоречит сам себе. Например, говорит, что русский народ считал фашистов освободителями, а через 35 страниц после этого рассказывает про «пекло Ельни», где «огромные массы русских шли на бойню через горы трупов». Он так и не объясняет, почему народ «жаждущий освобождения», так упорно противостоит своим освободителям.

Причина этих нестыковок одна — Скорцени пытается взорвать в мозгу читателя идеологическую бомбу. Шпион-диверсант хочет, чтобы фашистская Германия выиграла у СССР хотя бы с точки зрения общественных симпатий. Вот почему маршал Малиновский, открыто ненавидящий гитлеровцев, сравнивается в книге с «преуспевающим мясником», а генерал Власов, перешедший на сторону Германии, произвёл на Скорцени «очень хорошее впечатление».

Экстремизм не имеет национальности, и книга Скорцени — лишнее тому доказательство. В одной из глав Скорцени, гражданином Австрии, говорит о своём глубоком уважении к героическому прошлому Австро-Венгрии. Тем не менее, восхищаясь этим прошлым, он умудряется перепутать две королевские династии (Андегавенов и Люксембургов), а затем путает события в Будапеште 1526 года с событиями в Белграде 1456 года.

Эти ошибки показывают, как на самом деле «важна» для Скорцени история. По сути, для него не важно ничего, кроме одобрения от Гитлера. Вот почему автор книги скрупулёзно

подсчитывает, сколько раз Гитлер пожелал ему руку, пожелал удачи, спросил про здоровье или пригласил к столу.

Скорцени ревнует Гитлера ко всему гитлеровскому окружению. По мнению автора, оно состоит из идиотов-карьеристов. Особенно достаётся Гимmlеру. Скорцени пытается доказать, что Адольфу Гитлеру давали неверную информацию о положении дел на фронтах, поэтому фюрер несёт за поражение Германии минимальную ответственность. Он часто приводит беседы и отдельные высказывания германского руководства, которые действительно напоминают бред.

Впрочем, одна «глупая» беседа заставляет читателя содрогнуться. В этой беседе Гимmlер предлагает сбросить мощную бомбу на Нью-Йорк, чтобы «боевой дух американцев упал до нулевой отметки». Эта идея, высказанная фашистами в ноябре 1944 года, удивительно переключается с бомбардировкой Хиросимы.

Дальнейшие комментарии излишни.

Светлана ЛЫЖИНА

Издательство СПУТНИК

- Издание книг и их реализация
- Набор, верстка, корректура и редакция книг
- Публикация прозы и поэзии в журналах «Литературная столица», «Российская литература» и «Литературный альманах «Спутник»

Всё это предлагает вам издательство «СПУТНИК+»

109428, г. Москва, Рязанский проспект, д. 8А
www.sputnikplus.ru
E-mail: sputnikplus2000@mail.ru
Тел.: (495) 730-47-74, 778-45-60, 730-48-71

МАР-ТАСС

ТЕЛЕИНТЕРВЬЮ

Первый на Первом

Экзистенциальный тупик

Взять интервью у Константина Эрнста — сложная, практически невыполнимая задача. Его статус демиурга не предполагает доступности. Казалось, он забронзовел, как Леонид Брежнев, руководивший первой страной социализма столько же лет, сколько Константин Львович первой кнопкой... Но вот совершенно неожиданно, после внезапной кончины Бориса Березовского, который 18 лет назад доверил Эрнсту руководство Первым каналом, он согласился с нами побеседовать. Встреча произошла, к нашему удивлению, вовсе не в кафе «Пушкин», что лишило интервьюеров возможности иронизировать по поводу его гламурности и пафосности. Разговор получился предельно откровенным и острым.

— Константин Львович, с вами бывает такое: вы видите что-нибудь на собственном канале, и вас начинает переполнять такой гнев, что хочется запустить тапком в экран?

— Вы описываете гротескную ситуацию. Это в сатирических рассказах — которые, как я с детства помню, печатаются в «ЛГ», — так называемый простой человек плюётся в телевизор и кидает в экран тапки. А у меня есть привилегия — ничего не кидать, а нащупывать тренд развития, искать новые решения, искать современно мыслящих людей и избавляться наконец от того, что не отвечает запросам времени... Если бы обычный зритель смотрел телевизор с ощущением, что он может выгнать всякого, кто ему не понравится, он бы, уверяю вас, так не нервничал. Осознание ответственности, реальная возможность корректировать будущее — главное, что есть у тех, кто делает телевидение на Первом. С таким инструментарием в руках становишься другим: спокойным, уравновешенным и в какой-то степени даже мудрым...

— Вы называете свой канал Первым. В чём его первенство заключается? Обострим вопрос: в том, что вы первыми начали копировать западные телешоу, навязывая России не свойственные ей идеологемы?..

— Вы имеете в виду проект «Голос»? — Нет, как раз не «Голос», а многочисленные шоу вроде «Детского джи» и «Вечернего Урганта». Хотя и «Голос» тоже, в котором доминировала англоязычная песня, и это в России, где свои замечательные песенные традиции...

— Подождите, я не до конца ответил на ваш первый вопрос. Ведь несколько лет назад, например, была реальная опасность, что молодой зритель с федеральных каналов уйдёт на ТНТ. Но мы пустили на Первый свежую кровь, как бы покоректнее выразиться, взяли в аренду Сергея Светлакова и Гарика Мартirosяна — вы помните успех «Прожекторперсиксилтона» — и за короткое историческое время ператачили их аудиторию на Первый. Сейчас Иван Ургант продолжает это дело...

— Простите, но он тоже достоин тапка. Надоели уже его постоянные издевательства над коллегами и гостями. В «Прожекторе» ведущие подтрунивали друг над другом, а он тупо смеётся над всем и вся кроме себя...

— Вы опять не дали мне договорить. Знаете, всё-таки в телевидении есть нечто магическое, что не поддается никакому материалистическому объяснению... Даже если бы на экране не стоял наш логотип, я бы всё равно узнал свой канал. Понял бы — это он, Первый. Почему, по каким признакам? Сам задаю себе этот вопрос. Даже с нашими лучшими технарями консультировался — может, какая-то особая пос-

тановка света, другое количество пикселей на дюйм? Нет, вроде всё как у всех. Но на Первом всё другое, другой какой-то уровень. Что-то неуловимое, необъяснимо стильное. В Первый нельзя не влюбиться, и если даже хочешь бросить в кого-то тапком, то это что-то крайне интимное, что происходит только между очень близкими и любящими людьми.

— Федеральные каналы часто критикуют за то, что ТВ ориентируется на рейтинг, тем самым упрощая и опошля картину мира...

— Лучше всего «плюск» вульгарности слышен в программе «Пусть говорят». Трудно поверить, что вы, с вашим вкусом и чуткостью к фальши, не понимаете этого. Пошлие ноты, звучащей в её студии, пожалуй, ничего на телевидении нет! «Журналистская технология», с помощью которой «раскрывают» тему, как правило, представляет участников программы какими-то животными. Там не ищут человеческое, а любят звериним, патологичным... Как будто наша страна — зоопарк, паноптикум нравственных уродов. Вы готовы ради рейтинга перманентно окунать Россию в грязь?

— Не надо нам приписывать то, чего мы не делаем. Мы действуем в рамках закона и не пропагандируем зоофилию или проституцию. «Пусть говорят» по задумке — выдающийся проект. Вынести на общественное обсуждение чью-то частную историю и помочь конкретным людям выйти из сложной жизненной ситуации — это ли не миссия народ-

— Знаете, честно говоря, я отнюдь с подозрением к требованиям, чтобы телевидение кого-то воспитывало, мобилизовывало. Я думаю, что задача телевидения — информировать, развлекать и давать повод для размышлений. Что касается патриотизма, то да, необходимо его воспитывать, но как? Тут — Сидлла и Харибда. Недавно вспомнил фразу Гоголя: «На патриотизм стали напирать. Видимо, проворовались»...

— Эту фразу приписывают не Гоголю, а Салтыкову-Щедрину.

— Да, простите, я оговорился.

— А где это сказал Салтыков-Щедрин? Кому? В каком томе собрания сочинений? Не кажется ли вам, что ТВ нас кормит мифами? Где и кому Карамзин на вопрос: «Что происходит в России?» ответил: «Воруяг-с»? И Гоголь не говорил: «У России две беды: дураки и дороги». И Толстой — не автор слов: «Патриотизм — последнее прибежище негодяев». Зачем ТВ навязывает унижающие национальное достоинство антироссийские штампы? Не говоря уже о советском периоде, который неустанно очерняется. И делают это, как правило, те, кто тогда совсем не бедствовал?

— Вас, как и многих, мучают фантомные боли, вы тоскуете по времени, возврата к которому не может быть, так же как пересмотра итогов приватизации. Вопросы, которые вы затрагиваете, свойственны людям старшего поколения, а мы устремлены в будущее. Выросло новое поколение, которое не боится выйти на площадь...

— Оно тоскует по свободе и справедливости. Почему одноимённый шоу у вас ведёт Андрей Макаров? Смотрите его программы и не можешь избавиться от впечатления, что он решает какие-то свои политические задачи, что у него скрытые корпоративные цели? И тут не о тапке вспомнишь, а о чём-то потяжелее.

— Давайте не будем устраивать здесь партийное собрание с разбором чьих-то персональных дел. Телевидение действительно перенасыщено страстями, пороками, маниями, фобиями. Иногда и мне видится какой-то скрытый мотив... Но, с другой стороны, не доверять Андрею Михайловичу у меня оснований нет. Такая зрительская настроенность в отношении его высказываний связана, скорее всего, с его экстремизмом как политика. Это вообще свойство русского народа — неизбывная тяга к ретропекции. Не думаю, что стоит столько лет вспоминать Андрею Макарову его работу в фонде Сороса, трасты Руцкого и кое-что ещё. Он очень изменился с тех пор — и внешне, и внутренне.

— Но из вашего эфира исчезли Максим Шевченко, Пётр Толстой, один Макаров остался... — Вы хотите, чтобы и он исчез? — Мы хотим, чтобы на Первый канал наконец пришли люди, болеющие за Россию, отстаивающие её интересы.

— Мы все так или иначе болеем за Россию. Скоро Олимпиада, и вы в этом убедитесь, а Максим и Пётр — в обойме Первого.

— Главный патрон в вашей обойме — Владимир Познер. Кстати, как вы можете прокомментировать то, что он вас элементарно подставил этой своей «государственной душой». Рассказал, что вы были в курсе, сообщил, что программа шла в эфире. Получается, вы могли избежать скандала, перезаписать «прошлук», но намеренно не сделали этого...

— Владимира Познера можно сколько угодно ругать, я

знаю, что это любимая тема так называемых патриотических СМИ... Но нельзя не осознавать, что Познер — выдающийся профессионал. Он, как никто, может «раздеть» гостя. Как в «Джентльменах удачи» — монтажная склейка, и Папанов уже без штанов. И то, что у него двойное... или, я не знаю, тройное гражданство, — не аргумент. Поймите, телевидение тиражирует собственные штампы, интонационные, визуальные... Первому необходима новая искренность — и, несмотря ни на что, Владимир Владимирович для меня её носитель. Хотя он действительно перегнул палку. Трудно найти для программы «Познер» какого-то другого ведущего. В России не так много Познеров. Но мы их ищем.

— Почему на Первом кончина Бориса Березовского освещалась гораздо скромнее, чем на других каналах, ведь он так много лично для вас сделал...

— Именно поэтому... Буду краток и чёстен: то были головокружительные для СМИ годы, в конце 80-х и в 90-е мы получили полную свободу и в то время, когда страна, как говорят, катилась в пропасть, телевидение стремительно развивалось. После гибели Влада я в 34 года возглавил ОРТ. Появилась возможность делать то телевидение, о котором мечтал. Что касается Бориса Абрамовича, то о покойнике либо хорошо, либо ничего. Он много сделал для становления русского ТВ, и не только он, следует вспомнить ещё Александра Николаевича Яковлева и Владимира Александровича Гусинского... Они перевернули наши представления о добре и зле, об уме и чести, о совести и об эпохе.

— Самое время задать вопросы от Марселя Пруста. Какая ваша черта вам наиболее нравится?

— Эта черта связана с тем, о чём я уже говорил, вспоминая о Питере...

— А не нравится?

— Наши недостатки — продолжение наших достоинств. Я бываю слишком интеллигентен, слишком доверчив, слишком добр.

— Какой грех вы никогда не прощаете?

— Нет такого греха, который я не мог бы простить. Но Бог награждал меня не только великодушием, но и хорошей памятью. Я ничего не забываю.

— Если бы дьявол предложил вам вечную молодость без всяких условий, приняли бы?

— Без всяких условий? Нет, такого не бывает. Поверьте, он всегда ставит условия.

— Есть ли у вас недвижимость за рубежом?

— Нет, ни счетов, ни недвижимости.

— Как бы вы хотели умереть?

— Никак.

— Оказавшись перед Господом, что вы ему скажете?

— Я приглашу его на Первый.

— Похожий вариант ответа дал Алексей Венедиктов.

— Чёрт, тогда я скажу так: Боже, теперь я понял, что такое спорадический нефромат.

— А что это значит?

— Неважно, главное — я стану первым, кто это скажет Богу.

— Спасибо, что вы в этот первый, правда, очень пасмурный апрельский день согласились с нами побеседовать.

Отдел «ТЕЛЕВЕДЕНИЕ»

Продолжение на стр. 16

А ВЫ СМОТРЕЛИ?
telev@mail.ru

Антимиры

Бумбараши и вампиры

Известие о кончине Валерия Золотухина миллионы почитателей его таланта застало врасплох. Но не наше телевидение. На эту трагическую новость сразу набросились, и она в информационном поле отодвинула на время обсуждение самоубийства (или всё-таки убийства?) Бориса Березовского.

Что касается последнего, то его уход обсуждался в электронных СМИ очень жарко, одни почти злорадствовали, другие называли его «слезным гением», не без тайной симпатии упирая на существование «гений», то есть всё-таки гордились: наш-то буржуй в ключевое время вертел этой страной как котел.

Однако никто из журналистов-симпатизантов не проитировал опубликованное Березовским в фейсбуке покаянное письмо, в котором были удивительные слова:

«Я каюсь и прошу прощения за алчность. Я жаждал богатства, не задумываясь, что это в ущерб другим. Прикрывая свой грех «историческим моментом», «генеральными комбинациями» и «погрязшими возможностями», я забывал о созидателях. И то, что так делал не я один, не оправдывает меня. Простите меня.»

«Я каюсь и прошу прощения за поправную мной свободу слов. Оправдывая себя стремлением спасти Россию от красно-коричневой чумы, я, определяя политику главного информационного рупора страны, пренебрегал демократическими ценностями. Мои действия положили начало уничтожению независимой журналистики. Так поступал не я один, но это не оправдывает меня. Простите меня.»

Не забудем, не пропустим? Фантастическое письмо это было написано в Прощёное воскресенье больше года назад. Тогда был всплеск протестной активности, и, возможно, воодушевлённый ею БАБ хотел потрошить левой части электората, голоса которого вроде были украдены... Но за несколько прошедших месяцев случились два сокрушивших его события. «Болотная» волна вразгул рассосалась, как будто расчленили засоры в канализационных люках, а тяжба с Абрамовичем, на успех которой БАБ тоже много поставил, обернулась финансовым крахом. Вопле-не возможно, что от отчаяния в своих дальнейших письменных покаяниях БАБ дошёл бы до президента и действительно хотел на определённых условиях вернуться на родину. Кому это не понравилось? Его смерть оказалась гораздо загадочнее полной криминальных приключений жизни.

Однако текст, повторяю, он написал уникальный. Никто из бизнесменов — приватизаторов ельцинского помёта до подобных подвигов покаяния не поднимался. Первым это сделал не кто-нибудь, а Березовский. Кто следующий?

Неожиданный уход Валерия Золотухина, скорбные репортажи в новостях, торопливо подготавливаемые ведущим воспоминания многочисленных коллег в телешоу Малахова, бесстыдно равнодушный фильм на НТВ заставили в знак простого обратиться к жизни артиста, а не к смерти.

Народ Золотухина полюбил сразу, с первого взгляда. Как только в 1965 году он сыграл юного чулкабудённова в телефильме «Пакет». Потом в 1969 году появился чудесный миллионер из «Хозяйина тайги», он забываемая пил молоко, гениально пел «Ой, мороз, мороз» и переиhrывал самого Высоцкого. И наконец в 72-м — ещё один сказочный фильм, легендарный «Бумбараш».

Валерию Золотухину посчастливилось воплотить на экране национальный характер. Встать в ряд великих: Петра Алейникова, Бориса Андреева, Бориса Бабочкина, Михаила Жарова...

Таких ролей в кино- и телефильмах у него больше не было, были в Театре на Таганке, ещё он пел и писал. Если бы Валерий Сергеевич всерьёз занялся тогда эстрадой, то, пожалуй, перепел бы Кобзона и Магомаева — таков был его огромный, самобытный вокальный дар. Его дебют в «Юности» с повестью «На Быстрый Исток, речушку детства моего» давал надежду, что он может войти в литературу, подобно великому земляку Василию Шукшину. Но он служил театру, где его, кстати, одно время называли Бумбарашкой. Сцена лечит, сцена калечит.

В судьбе Таганки — с её взлётами и падением, скандальными разделами и изгнанием основателя — отражалась трагедия страны. Золотухин был с театром во времена его небывалой славы и когда от славы остались только воспоминания да книги дневников, которые Валерий Сергеевич продавал в фойе перед спектаклями.

Очень горько, что современная молодёжь знает его не по его киношедеврам, не по театральным ролям и тем более не по книгам, а по роли вампира в «Дозорах». Лучше бы её сыграл Березовский.

Александр КОНДРАШОВ

ТЕЛЕВОСПОМИНАНИЯ

Свидетель защиты

На канале «Россия» в цикле «Свидетели» показан прекрасный документальный фильм об Александре Пахмутовой

шало. Вроде и бабушки с бабушками наши по большей части стучаки, и родители какие-то недалёкие люди, и мы сами, чего греха таить, те ещё уроды, но слышите, звучит, нарастая, шемшая музыка — эстрадный оркестр под управлением В. Терлецкого исполняет мелодию из кинофильма «Три тополя на Плющихе»? Слышите? Так может и не такие мы ужасные?

Пахмутову, конечно, следовало запретить. Пресс-секретарь Кости-ков обязан был от имени президента объяснить смысл очередной загогулины, а министр Козырев сослаться на опыт Израиля в отношении Вагнера. Однако не запретили и даже показывали иногда «Три тополя», «Семнадцать мгновений»... Непугайте демократы, что с них взять, таким органичнее шамальнуть из танка по Белому дому, чем возиться с перекоридировкой народного сознания.

И музыка Александра Николаевича продолжала делать своё дело, в частности, навевать воспоминания. Вот и автор этой заметки вспомнил, как в пионерском лагере ходил на завтрак под ежесекундно звучащим в динамики слова: «*Видишь, товарищ, заря поднимается... / Новь за работу народ принимаются...*» И за целую смену песни не надоела, и даже, ско-

рее, с каждым днём нравилась всё больше. А в школьном хоре долго репетировали: «*Неба утреннего стяг / В жизни важен первый шаг / Слышишь, реют над страной / Вихри яростных атак...*» Готовили к конкурсу вещь, от которой действительно мурашки по коже (сейчас эстрадные звёзды очень любят по телевизору рассказывать про мурашки, но, похоже, не понимают природы этого явления)...

Так вот, именно благодаря творчеству Александры Пахмутовой (это можно утверждать с абсолютной уверенностью) не удалось окончательно уничтожить память о нашей Родине. Конечно, существует множество великих советских композиторов, но у Александры Николаевичи есть по сравнению с ними серьёзное преимущество. Она совершенно искренна в своём творчестве, казалось бы, часто пропитанном идеологией. Другие могли, так сказать в порядке компромисса, через силу продемонстрировать виртуозность и гордо удалиться в Ялту пропивать гонорар. Про Пахмутову и, конечно, про Николая Добронравова такого не скажешь. У них всё по-честному — и пионерские костры, и комсомольские стройки, и космические подвиги.

Дополнительный эффект связан с визуальным рядом. Многие песни Пахмутовой неотделимы от кинохроники советских времён. Хочешь не хочешь, а приходится вкупе с песней демонстрировать поражающие воображение масштабные советские стройки, космические старты, а главное — лица нормальных, красивых, улыбающихся людей. Ясно, конечно, что их для пропагандистской съёмки специально чекисты обрабатывали, брали даже в заложники детей, чтоб заставить беззаботно улыбаться... Но теперешних-то россиян и под такой угрозой не заставишь изобразить восторг от модернизации...

Показанный глубокой ночью документальный фильм об Александре Пахмутовой заставил вспомнить и ещё кое-что важное — эпический монолог Лилианы Лунгиной. Героиня культового фильма, вошедшая в нашу жизнь как автор перевода «Малыша и Карлсона», предлагает свою печальную картину советского мира. Так вот, этим 15 сериям «Подстрочника», по двадцать минут каждая, недостаточно противопоставить две сорокаминутные серии, озглавленные «Ответче за каждую ноту». Для чистоты эксперимента стоит уравнять хронометраж свидетельств. Чтобы будущие поколения могли судить о советской эпохе с иной степенью объективности. Александра Пахмутова — прекрасный рассказчик, остроумный, тонкий. Сколько в её воспоминаниях самоиронии, как интересно и заинтересованно она говорит о своих современниках! Почему бы не снять ещё хотя бы пять серий?

Олег ПУХНАВЦЕВ

ОДНАЖДЫ С АЛИСОЙ ДАНШОХ

И ещё раз про Любовь

Однажды мы с мужем отдыхали в Карловых Варах в бывшем санатории Четвёртого управления с гордым названием «Империал». После пражских бархатных событий и белорусской Беловежской Пуши контингент привилегированного медицинского учреждения сильно изменился. В него устремились хорошо зарабатывающие сибиряки, вывезшие из Чехии кроме поправленного здоровья хрусталь, посуду и меховые изделия. Бывшие наши соотечественники удовлетворяли амбиции прошлой советской жизни. Немцам соседям-пенсииерам государство тогда оплачивало лечение за ближайшим рубежом. Приезжали и отдельно взятые граждане вроде нас хлебнуть целебной водички.

Как-то вечером после тяжёлого процедурного дня, трёхразового подхода к минеральной водопое, обильного и тоже трёхразового питания, блаженного послеобеденного сна и кружки пенного «Великопольского козела» мы коротали вечер в кафе «Империала» за рюмкой местного ликёра «Бехерока» и карточной игрой в джокер. Неподальку от нас громко щebetала группа аккуратных гэдэровских пенсииеро, прождавших день скромной чашкой чая. Один из старичков сел за рояль и стал наигрывать до боли знакомые мелодии — «Катюша», «Подмосковные вечера»... А когда он запел дребезжащим тенором «Гори, гори, моя звезда», мой муж так растрогался, что послал от нашего стола немецкому бутылку шампанского. Старичок немедленно примчался к нам с благодарностью и требованием нашего участия в распитии подарка. За бокалом игристого он повелел историю своей жизни. Война, русский фронт, плен, восемь лет работ в Сибири, большая любовь и расставание с прекрасной девушкой Таней, возвращение на родину, мирное строительство ГДР, неудачная попытка разыскать Таню, жениться на соотечественнице, воспитание детей, выход на пенсию и воспоминания о восьми самых счастливых годах жизни в далёкой суровой Сибири.

Я долго не могла забыть эту встречу. Воспитанная в духе беспредельного патриотизма, особенно во всём, что касалось Второй мировой войны, я не увидела в старичке врага-фашиста, хотя — кто знает? — может быть, будущему солдату Третьего рейха, он стрелял в моего деда или отца. А потом во искушение вина своего государства восстанавливал моё, потратив восемь лет своего продуктивного периода жизни, а также молодости, здоровья, сил на исправление чужих ошибок. Восемь лет рабского труда, яростных морозов, тос-

ки по родине и близким через сорок лет вспоминаются им как лучшие годы жизни. Как такое возможно? Неужели причина — молодость, девушка Таня, любовь?

Удивительно трогательный, необычный и, наверное, лучший спектакль Театра Петра Фоменко «Одна абсолютно счастливая деревня» по повести Б. Вахтина про пленного молодого немецкого солдата, присланного на работы в осиловскую деревню, подтвердил мои догадки. Главное в жизни — любовь. Она помогает преодолеть любые стереотипы, трудности, несчастья, помогает выжить, не сломаться, сохранить душу и лучшие человеческие качества.

Две другие истории, переключаясь с вышеизложенной, подсказали мне тему новой, совместной с Русским музеем выставки. После «Русской бессонницы», основанной на стихах русских поэтов, после «Снов о счастье» (выставка «Сон как явь») с размышлениями о загадках русской души пришла мысль рассказать о «Тайниках русской души» и взгляде на них из Германии. Почему из Германии? Во-первых, потому что разглядеть и осветить спрятанные сокровища поручено замечательному дизайнеру Карстену Винкельсу, женатому на очаровательной русской женщине Ольге. Во-вторых, потому что 2013 год объявлен Годом России и Германии. В-третьих, со времён Петра Алексеевича нас столько всего и всех связывает с Германией, что и счёту не поддается. Ну и в-четвёртых — это немецкие герои двух историй, недавно мне рассказанных.

Хорсту Херрманну в сорок пятом исполнилось 16 лет. Как всякий благонадежный гражданин он состоял в рядах детского-юношеской организации «Гитлерюгенд» и был призван оборонять Берлин от наступающих русских. Вместе с другими мальчишками был задержан советскими войсками на устье города с фаустпатроном в руках, выстрелил он не успел. Военный трибунал приговорил его к отправке в лагерь военнопленных в Челябинскую область, где он наравне со взрослыми добывал в шахтах уголь. Для него эти восемь лет выживания не стали самыми счастливыми. Он не очень охотно рассказывает о них, говорит, что не погиб лишь благодаря человеку, взявшему над ним шефство, помогавшему маленькому хрупкому подростку сделать взрослую дневную норму.

Вернувшись в Берлин к мирной жизни, Хорст стал работать в школе водителями. На танцах познакомился с сестрой своей будущей жены. По странному совпадению, она с родителями

жила почти восемь лет прожила в Ленинграде, где её отец работал инженером, помогая молодой советской власти строить коммунизм. Благодарная власть не успела объявить его шпионом и расстрелять, он вернулся на родину до начала репрессий тридцать седьмого года.

Однажды Хорста вместе с детьми от школы послали в СССР на пионерский слёт. Он вернулся окрылённым, его пленила обновлённая страна. В её грандиозных успехах была и его за-

Константин Коровин. Северная идиллия. 1886 год

слуга: восемь лет тяжёлого труда не прошли даром. Идеи пионерского движения вдохновляли, а главное — у него появились новые друзья. С этими русскими друзьями он общается до сих пор, переписывается, переживает, а приезжая в Москву, непременно приглашает их на обед. Долгие годы они с женой активно работали в обществе дружбы ГДР — СССР и сделали очень много для того, чтобы дружба была по-настоящему крепкой. Херрманны тяжело переживали распад нашей страны. Как и многие другие их соотечественники, сначала считали, что мы их предали, а потом любовь и дружба взяли верх над обидой и разочарованием. Вместе с другими немецкими активистами Херрманны организовали новое общество друзей — Лигу друзей народов России. Вместе с этими друзьями они передавали продукты и посылки нуждающимся, собирали деньги для больных российских детей.

Скоро Хорсту исполнится 85 лет, они с женой по-прежнему

живут в Берлине. Скромные финансовые и физические возможности не позволяют больше приезжать в Москву и собирать в маленьком уютном ресторанчике дорогих русских друзей, но любовь к ним и их стране по-прежнему живёт в сердце Хорста Херрманна.

Для ровесницы Хорста Зигрид окончание войны ознаменовалось приходом советских войск в родную саксонскую деревню Эшефельд. Действительность не совпадала с про-

м, вместе они пели под гитару песни о любви и мирной жизни. Через несколько месяцев состоялась помолвка, близился день свадьбы... И вдруг Николай вызвали в комендантуру. Оттуда он не вернулся, он просто исчез. Позже его командир лейтенант Рогов сообщил Зигрид о внезапном отъезде Николая на родину. Бравому солдату Коле не хватило пороха написать новости даже нескольких слов, объяснить, что произошло.

А наша героиня не собиралась сдаваться. Несмотря на страшный удар судьбы — пропадшего без вести возлюбленного, она с немецкой трезвостью и последовательностью решила докопаться до истины и поехала учиться в Московский университет на филфак. Она сделала всё, чтобы найти Николая, только он отказался встретиться с ней. А почему, остаётся гадать: страх, стыд, нежелание признаться в малодушии? Однажды получила письмо от бывшей жены Николая. Она писала, что он был несчастлив. Получилось, что из победителя Николай превратился в проигравшего. Он проиграл любовь. Вся жизнь Зигрид бережно хранила письма и фотографии, связанные с её первой любовью, прекрасной и трагической. Она ни в чём не винила жениха. В её жизни было три счастливых года. Кто знает, возможно, внезапный отъезд Николая спас его нелегкую жизнь. Это стало бы с ней, вернись он в те годы на родину с немецкой женой? Благодаря сильному чувству у Зигрид навсегда остался интерес к русской культуре и языку. Она стала прекрасным литературным переводчиком и поэтом-наблюдателем немецких читателей советских писателей. Она до сих пор не теряет связи со старыми университетскими друзьями. В её доме в Лейпциге русские — всегда желанные гости. Верных и преданных судьба вознаграждает. Зигрид встретила удивительного человека, который очень её любил, и они жили счастливо.

У каждого из наших героев своя история, но есть одно, что их объединяет, — это любовь. Она на всю жизнь связала их с нашей страной, с нашей культурой, с нашей непростой действительностью, с нашими людьми. Немцы и русские, мы такие разные... Что же они увидели в нас, что нашли в тайниках наших душ?

Талантливым немецкий дизайнер Карстен Винкельс предложил свою версию тайников русской души в четырёх залах Мраморного дворца в Санкт-Петербурге. Сначала мы попадаем в коридор густонаселённой коммунальной квартиры советских времён. Тишина здесь редкий гость. Из какофонии звуков пищет-

ся симфония — громкие голоса, детский плач, чей-то смех, хлопание дверей, чья-то ссора, невнятное бормотание, шаги — то быстрые, то шаркающие. У кого-то работает радио, у кого-то — телевизор. Музыка — от «Ландышей» Оскара Фельцмана до тяжёлого баса признающегося в своей любви к Татьяне несчастного Евгения Онегина. И финал — пронзительная телефонная трель судьбы.

На вешалке болтаются старая одежда, стоят забытые бронзовые валенки Михаила Дронова. С полки недружелюбно поглядывает его же забронзованный заяц в шляпе. Он-то видит всё и знает всё про всех. А все — это герои работ замечательных русских художников из собрания Русского музея. Советское время всё перемешало и поселило в коммуналку людей разных сословий, разного достатка, с разной шкалой человеческих ценностей. Вот и материализовались в холсты, акварели, вышивки самые разнообразные мечты жильцов: «Думы» Нестерова, «Прогулка при закате» Борисова-Мусатова, «Северная идиллия» Коровина, «Заросший пруд» Поленова, «Зимой» Серова, «Рыбаки» Сороки, «У ларька» Шагина, «Один танцует» Шинкарева.

За каждой воображаемой дверью коридора свой тайник. Это напоминает детскую игру в «секретки», когда под стёклышко в землю укладывались «сокровища» или «красота» — бусинки, цветочки, пуговки, камушки... Все искали чужие секреты, а найдя, рассматривали и присваивали припрятанные «богатства». Взрослые секреты редко бывают красивыми. Они живут за невидимыми дверями судьбоносного пространства общего пользования, смешиваясь с мечтами о счастье, о любви, со сновидениями и бессонницами. У каждого тайника и секрета своя история, но действующие лица всех историй одни и те же, ничего не изменилось со времён Адама и Евы — это мужчина и женщина. Им посвящаются следующие два зала. Немного как на загородных прогулках или в бане — девочки направо, мальчики налево, а между ними — неразлучные пары: «Любовники» Т. Красношлыкова и «Дети» Ю. Куна. Все скульптурные работы были выбраны Карстеном Винкельсом в Петербурге и Москве, они из собрания Открытого фонда скульптуры Русского музея, из частных коллекций и коллекции фонда «Арт-Линия».

В женском зале лунные лучи-дорожки устремлены к тёмной, неправильной формы конструкции, внутри которой яркий свет выдает тайны души и тела представительниц прекрасного пола. Он подчёркивает достоинство и недостатки, от него наши героини не могут скрыть свои мысли. И

каждое из наших героев своя история, но есть одно, что их объединяет, — это любовь. Она на всю жизнь связала их с нашей страной, с нашей культурой, с нашей непростой действительностью, с нашими людьми. Немцы и русские, мы такие разные... Что же они увидели в нас, что нашли в тайниках наших душ?

Талантливым немецкий дизайнер Карстен Винкельс предложил свою версию тайников русской души в четырёх залах Мраморного дворца в Санкт-Петербурге. Сначала мы попадаем в коридор густонаселённой коммунальной квартиры советских времён. Тишина здесь редкий гость. Из какофонии звуков пищет-

всё же что-то ускользает и прячется в полумраке зала и бродит по стенам, смешиваясь с тенями посетителей и скульптур. А между теней с экранов Зигрид и Хорст рассказывают зрителям истории своих жизней, навсегда связанных с Россией.

Интересно, о чём говорят скульптуры мужчин ночью, оставшиеся одни в третьем зале выставки? Скорее всего, о женщинах, потому что изысканные фотоportреты московских мастеров станковой фотографии М. Железнякова и М. Каламкарова из серии «Неизвестная модель» заволают стены зала и испытывают потомков Адама на прочность под завистливый и осуждающий шёпот дочерей прауродительницы Евы.

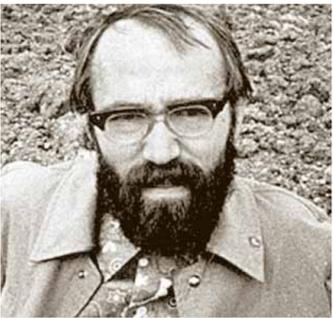
Оставив позади людские страсти и переживания, мы попадаем в зимний лес четвёртого зала, где «Мороз-воевода дозором обходит владения свои». В отличие от поэмы Некрасова, нас ждёт не яркий солнечный день, а звёздная лунная ночь. Но света достаточно, чтобы разглядеть в белом ночном пространстве лесных обитателей, нежданных гостей, сказочных существ и непознанные объекты человеческой деятельности.

В сознании многих миллионов жителей нашей планеты Россия ассоциируется с суровыми зимами, невыносимым холодом, льдами, сугробами, медведями и, конечно, водкой. Не могу не согласиться с подобным стереотипом, и выбор Карстена мне кажется очень правильным. Русская зима — испытание и в прямом, и в переносном смысле. Она проверяет на прочность и чувства, и здоровье, одновременно являясь мощным стратегическим оружием, ведь она помогла нашему Отечеству одолеть врага в 1812 году и во Вторую мировую.

Зимний лес Карстена Винкельса — скорее романтическое место, и в нём живёт сказка. Скрипит снег, уныло и «однозвучно гремит колокольчик» проезжающих по дальней дороге запоздалых путников. В ночной лес вышла за хворостом его хозяйка Бабушка-яга (С. Конёнков. «Бабушка»), напевая «Дорогой длинною да ночью лунною...». Мелодию популярной песни поддерживает жутковатое завывание «Зверя» Б. Чёрствого. Среди деревьев мелькнул отважный мальчик-лыжник С. Бычкова. Никому его не догнать, он будущий олимпийский чемпион. И вдруг всё замерло. На наших глазах закончена работа русского Пигмалиона над русской Галатеей (скульптор П. Степанов). Художник в валенках и шапке-ушанке изваял ледяную деву Снегурочку. Однажды она оживёт, чтобы познать смысл жизни — любовь, и пусть ей повезёт, пусть произойдёт чудо, и она навсегда останется со своим избранником.

Выставка «Тайники русской души. Взгляд из Германии» будет работать в залах Мраморного дворца Русского музея с 17 апреля по 16 мая.

ЭПОХА

Лилия КИРИЛОВА

Исполнилось двадцать лет со дня трагической кончины Станислава КОСЕНКОВА (1941–1993), заслуженного художника РСФСР, знаменитого графика, чьи работы хранятся во многих музеях страны и мира, начиная с Третьяковки.

В Белгороде, на родине художника, теперь работает музей-мастерская его имени, в центре города поставлен памятник художнику, с любовью и болью нёсшему в своём сердце эти меловые разломы Белогорья, которое теперь называют нередко Святым. Это во многом верно, если учесть, что Белгородчина осыпается небесным покровительством святителя Иоасафа Белгородского, чьи честные мощи в начале 1990-х возвращены в Белгород и покоятся в кафедральном Преображенском соборе. В музее-мастерской Косенкова открылась выставка его работ «Борозда памяти». Так называется одна из гравюр Косенкова (цикл «Прохоровское поле»).

Косенков ведь и родился в селе Рождественка, недалеко от Прохоровки и села Прелестное, где и состоялось 12 июля 1943 г. самое крупное танковое сражение в истории человечества. Косенков появился на свет за два года до этой битвы, в октябре 1941-го, но к моменту

«Кто в русском поле сам — и борозда, и лемех...»

рождения Станислава его мать, молодая сельская учительница Ефросинья Ивановна, получила извещение, что её супруг Степан Косенков пропал без вести.

Станислав Косенков — из поколения послевоенной безотцовщины, из детворы, которую Л. Аннинский, увидевший одну из больших гравюр Косенкова к книге поэта-воронежца А. Прасолова, назвал русскими послевоенными столпниками. Как одиноко, хотя и все вместе, стоят эти дети на пеньках, глядясь в бесконечную даль времён в ожидании отцов, которые не вернуться уже никогда!

Тяжкое послевоенное время явилось духовным отечеством для Косенкова. Но он был providentially призван к художническому ремеслу и стал одним из крупнейших русских мастеров, что, несомненно, означает и «русским мыслителем». Иначе в России не бывает. Историк Ключевский был прав, сказав, что в России центр находится на периферии. Случай Косенкова — убедительное доказательство того, что для духовности и доказательств мысли не существует провинции.

Выдающийся офортист, академик Станислав Никиреев заметил: «Работы Косенкова — это великое творчество большого русского художника, они заполнены до краёв чувствами беспокойными, рождёнными от грустной действительности. Работам его место в музее, галереях... Это произведение художника, который в жизни своей ни на один сантиметр не сошёл с дороги серьёзной работы в сторону».

Косенков — остаётся. В станковой графике — это больше по размеру и по количеству листов циклы «Детство», «Стога», «Прохоровское поле», «Память», «Житие не одной бабы», работы по мотивам пронзительной послевоенной чернозёмной повести Е. Дубровина «В ожидании козы».

Правда о нашей Великой войне, о драме детского послевоенного бытия оставалась бы во многом недоказанной, недопроявленной, но теперь благодаря Косенкову сегодня и завтра, всегда пребывает этот удивительно точный и потрясающе глубокий образ белообрисого мальчика с запрокинутой за голову рукой.

Русскость Косенкова заключалась ещё и в «серьёзе», в той самой глубине, с которой он вглядывался духовным взором в окружающий и внутренний, сакральный мир.

Белгород старается удерживать Косенкова как немалую ценность в своём духовном поле — для своей цельности, осмысленности, значимости и для предьявления миру. Косенкова помнит и сосед-Харьков, где он служил рядовым в Академии им. Говорова и одновременно учился. Косенкова помнят Москва, Питер и многие русские города, да три десятка музеев мира, где хранятся его работы.

Истоя у памятника Косенкову в Белгороде, созданного любящими руками его верного и талантливого ученика А. Шишкова, коллеги В. Клыкова, мы понимаем, в каком едином сонме, неразрывном духовном поле, именуемом Русский Мир, находится и святость России, и её культура. На соседних улицах стоят фигуры равноапостольного князя Владимира Крестителя, святителей Иоасафа Белгородского и Макария Булгакова, актёра М. Шепкина, молодого танкиста-освободителя А. Попова.

Это осознание и теперь позволяет надеяться, что всё не так уж и плохо. Что русская действительность хоть и потеснена сегодня и либеральной западной агрессией, и внутренним одианением, быть может, не окончательно трагична, как казалось, например, Косенкову в год его кончины. Сегодня нам, вглядышим пробирающимся — словно сквозь битан — ростки отчий веры и национальной

С. Косенков. Из цикла «Микеланджело». Линогравюра

памяти, может показаться, что тот чёрный провал, в который тогда рухнула Россия, не стал необратимым. Даже если по-прежнему актуальна мысль Достоевского (из «Дневника писателя», 1887 г.), что «в этом хаосе, в котором давно уже, но теперь особенно, пребывает общественная жизнь... нельзя отыскать ещё нормального закона и руководящей нити даже, может быть, и шекспировских размеров художнику...» Мысль эта, как сегодня видим, — всеобща. И пока чрезвычайно актуальна не только для России, но и для всего современного мира, в который, как верил Фёдор Михайлович, России суждено «внести примирение... и, может быть, изречь окончательное слово великой, общей гармонии, братского окончательного согласия всех племён по Христову евангельскому закону».

Между прочим, именно Достоевского и начался Косенков как художник, поскольку

первые работы (6 листов и 6 заставок) к роману «Преступление и наказание» он сделал в 1969 г. 28-летним выпускником Харьковского художественно-промышленного института (ныне Академия дизайна), тогда уже преподавателем худграфа Орловского пединститута. Линогравюры были вырезаны по заказу Центрально-Чернозёмного книжного издательства (Воронеж), получили международное признание. Своеобразными чёрными житийными досками стали грандиозные работы Косенкова к большому тому Н. Лескова, призами книжных выставок были отмечены его «Руслан и Людмила» (128 цветных разворотов, три года работы!), чёрно-белые карандашные листы к подарочному тому А. Прасолова, подарочное издание рассказа Е. Носова, многие другие книги.

У нас, близкого знавшего Косенкова, ещё сохранилась память ладоней от его рукопожатий. Для нас он, земной и грешный человек, стал другом, собеседником, духовным окомителем. К слову сказать, Косенков был организатором Пушкинского общества и Пушкинской библиотеки в Белгороде, на сломе эпох был сопредседателем Всероссийского Пушкинского общества вместе с Лихачёвым, Окуловым, Битовым, Аникушиным.

И в бронзовой ипостаси, и в музейных собраниях, в виде книг придёт к новым поколениям художник Станислав Косенков и поможет соединить в душах белгородцев малую родину — с Вечностью. Это и есть прорастание памятных духовных зёрен. Это и есть непресечение русской традиции наделения ближних Прекрасным, а Красота, как не следует забывать, есть одна из Господних ипостасей.

Станислав МИНАКОВ, БЕЛГОРОД

Полный текст статьи — на сайте «ЛЭ»

Прощение от государства

В 1953 году, 60 лет назад, в результате амнистии на свободу вышли 1 миллион 183 тысячи человек.

«ЛГ», № 45, 2012 г.

ВАЛЕРИЙ ЯКОВЛЕВИЧ,
вице-президент Адвокатской палаты Москвы

— Валерий Яковлевич, об амнистии вы знаете понаслышке или это как-то связано с событиями вашей жизни?

— Я учился в первом классе, когда учительница сообщила нам об этой амнистии. И сказала, что Советское государство ставит своей задачей не только карать преступников, но и помогать им исправляться, в том числе через досрочное освобождение, а также — снятие судимости.

Про судимость я тогда не понимал, а про освобождение хорошо помню, потому что к восьмью моим одноклассникам вернулись отцы.

Позднее, став студентом вуза, я узнал — была у амнистии экономическая и социальная подоплёка: на предприятиях не хватало работников, содержание огромного количества людей в местах заключения стоило государству больших средств. А это, спустя всего восемь лет после окончания Великой Отечественной войны, было для страны накладно. Насколько мне известно, тогда же сократили и часть внутренних войск — так нам говорили преподаватели. Эти люди также вернулись в народное хозяйство страны.

Асоциальном плане большинство амнистированных привнесло в жизнь страны призрачную романтику. Среди молодёжи было модно ходить в сапожках с отворотами и у многих были засапожные ножи. Опытный взгляд оперуполномоченного сразу мог это определить. Ножи в ход не пускали, но их наличие сдерживало многих желающих похулиганить. В нашу речь входили и уголовные словечки. В конце шестидесятых — начале семидесятых годов XX века всё это обернулось увеличением уличной преступности.

— А все, кого освободили, стали нормальными работниками?

— Увы, нет. Примерно девятьдесят процентов от числа освобождённых по амнистии в течение последующих трёх лет были вновь осуждены. Криминогенная обстановка в стране сильно ухудшилась. И даже в маленьких городках и деревнях появились свои бандиты. То есть, с одной стороны, амнистия принесла благо, а с другой — способствовала развитию бытовой преступности. Человека могли зарезать из-за пустячной обиды, грабили сберкассы, небольшие сельские магазины, почтовые отделения. Но подавляющее большинство всё-таки вращалось в гражданскую жизнь.

— Вы длительное время работали в Министерстве юстиции СССР. Каково ваше восприятие амнистий в целом?

— Всего, начиная с 1905 года и по сегодняшний день, произошло 34 амнистии. Две были при царском режиме, ещё одна была проведена Временным правительством. Тогда выпущенных из тюрем преступников называли «птенцами

Керенского», «горластыми птенцами беспредела», «сознательными врагами трудящейся массы». Впоследствии определённая часть освобождённых или эмигрировала, или стала врагами советской власти, или подалась в нэпманы.

— А как обстоит дело с амнистиями в наше время?

— С 1994 года по сегодняшний день, то есть за 22 года, состоялось 14 амнистий. Мы в адвокатском сообществе считаем, что любая амнистия — это всегда благо, потому что человек выходит на свободу. Амнистии бывают общие, когда задевают определённую группу людей, наказанных государством за совершение тех или иных преступлений, а также частные. Это, как правило, помилование. В нашей стране помилование осуществляется непосредственно Президентом Российской Федерации.

новку: усилились грабежи, разбои... К сожалению, ещё более двухсот тысяч осуждённых — так называемых политзаключённых, остались в лагерях.

— Да так ли уж нужны амнистии?

— Любая амнистия — это акт милосердия со стороны государства. И моё профессиональное и человеческое отношение к подобному событию только положительное. Но амнистия должна быть справедливой. Под неё не должны, на мой взгляд, попадать ответные негодяи, изуверы, совершившие бесчеловечные преступления. Особенно необходимо в наше время чаще амнистировать несовершеннолетних, женщин, имеющих детей, больных, престарелых, так как уровень и условия отбывания наказания в РФ до сих пор остаются очень низкими. О каком ис-

Чёрный цвет у меня физиологически связан на образ моей бабушки Анны Шаповаловой, вернувшейся в 1953 году из карагандинского лагеря. Было это в конце марта или в начале апреля. Помню, я стоял как раз в углу нашего одесского двора. И вдруг слышу: «Алик!» Оборачиваюсь и вижу старуху во всём чёрном, с коричневым чмодачником в руке. Худая, не по сезону одетая — чёрный шерстяной платок, чёрный бушлат, который до сих пор носят наши российские эски, и самое для меня тогда поразительное — чёрные кирзовые сапоги.

«Ты меня не узнаёшь?» — спросила меня старуха. И я действительно с трудом узнал в этой женщине свою бабушку. В последний раз я видел её четыре года назад на свидании в пересыльной тюрьме на Лузановке, перед тем как её отправляли в Караганду, в лагерь. Тогда она бы-

Я неслучайно начал свой рассказ с воспоминаний о том, как встретил бабушку, вернувшуюся из тюрьмы. К сожалению, сегодня многие политики и эксперты не видят разницы между постсталинским 1953-м и нынешним, посткоммунистическим 2013 годом. Тогда амнистия была прежде всего восстановлением справедливости. Ведь бабушку посадили по такой статье, которую трудно придумать: не за саму спекуляцию, а за «попытку спекуляции», основанием для чего послужили три «штуки» крепдешина, каких-то 40—60 метров, оставшихся у неё со времён оккупации, когда она, как и многие эсэсовцы, выживала за счёт торговли.

Но сегодня амнистия, о которой последнее время так много говорят, имела бы совсем другой моральный и политический смысл. Амнистия для невинного осуждённого — это акт гуманизма, признак либерализации системы. Но амнистия сегодня, амнистия для людей, совершивших уголовное преступление, имела бы, на мой взгляд, прямо противоположный смысл.

В 1953-м амнистия дала свободу прежде всего сотням тысячам колхозников и колхозниц, осуждённых на восемь лет за то, что они спасали своих детей от голода и несли в карманах с колхозного поля зерно. Но сегодня, я настаиваю, массовая амнистия, к которой призывает не только лидер ЛДПР Владимир Жириновский, но и некоторые либералы, означала бы чудовищную несправедливость, ибо дала бы свободу насильникам, педофилам, торговцам «белой смертью», грабителям.

Массовая амнистия в современной, криминогенной России означала бы, что у нас как не было неотвратимости наказания, так и никогда не будет. Нынешние сидельники — тоже жертвы, но жертвы особого рода. Если при Сталине в тюрьмах было достаточно много жертв режима, жертв того, что мы называем «насилием тоталитарной власти», то у нас сегодня в тюрьмах сидят прежде всего жертвы отсутствия власти, жертвы так и не преодоленной до сих пор атмосферы безнаказанности, жертвы дефицита страха, позволяющего до бесконечности погонять ряды преступного мира.

Если сталинская Россия страдала от избытка власти, то нынешняя Россия, на мой взгляд, продолжает страдать прежде всего из-за того, что она на самом деле слабее преступного мира. Никаких качественных перемен в сфере преступности по сравнению с 90-ми не произошло. Каждую неделю мы узнаём о расправе преступного мира над неугодным судьёй или прокурором, или неугодным мэром. Кровавые разборки внутри бизнеса продолжают до сих пор. Все мы, кто не имеет охраны и не ездит в бронированных автомобилях, кто по вечерам возвращается домой в спальные районы, спускается в неохраемые переходы, — смертники!

Что означает недавно озвученный президентом Путиным факт, что у нас до сих пор раскрываемость преступлений — меньше половины? Это означает только то, что у нас гуляют на свободе и продолжают совершать преступления ровно столь-

ко людей, сколько сидит в тюрьме. И при этом уровне раскрываемости преступлений массовая амнистия, к которой призывает всё тот же Владимир Жириновский, означает просто превращение России в преступное царство. Кстати, недавняя инициатива премьера Медведева по либерализации 60 уголовных статей, перевод особо тяжких преступлений просто в тяжкие и т.д. как раз и служила этому «благодарному» делу превращения России в рай для уголовников и в ад для нас, большинства законопослушных людей.

Мне трудно понять тех политологов и экспертов, которые страдают нас цифрами, говорящими о количестве заключённых, и предлагают как можно меньше сажать за решётку. Конечно, у нас в тюрьмах сейчас много людей, намного больше, чем на Западе и даже в СССР. Но почему-то, по непонятным причинам, все эти борцы с пенитенциарной системой скрывают от своих зрителей и читателей самое главное, а именно, тот факт, что у нас в посткоммунистической России преступность в разы больше, чем в СССР (к примеру, количество убийств больше в три раза и в 10 раз больше, чем в странах Западной Европы). Ведь на самом деле главная опасность для страны состоит не в большом количестве сидящих в тюрьмах, а в нашем нынешнем беспределе, который угрожает не только безопасности миллионов людей, но и вообще будущему России.

То, что в 1953 году было проявлением гуманизма, праздником для измученной страхом страны, праздником для таких детей, как я, к которым возвращались из тюрьмы близкие, сегодня будет восприниматься как свидетельство безразличия власти к жизни миллионов, как очередное свидетельство абсурдности всей нашей посткоммунистической жизни.

Страшная правда, которую в упор не хочет видеть и наша посткоммунистическая власть, и особенно наша либеральная элита, состоит в том, что мы сегодня нуждаемся не в массовой амнистии для заключённых, а, напротив, в немедленном ужесточении наказаний за уголовные преступления, и прежде всего за посягательство на жизнь людей.

Сам факт наличия в стране рецидивистов-убийц говорит о несостоятельности нашего уголовного законодательства. Без восстановления неотвратимости наказания за совершённые преступления, особенно — тяжкие преступления, без восстановления у людей страха перед тюрьмой мы не спасём Россию. Иначе, т.е. без чрезвычайных мер по борьбе с преступностью, мы не оставим преступности.

Вот такие мысли возникли у меня, когда я вспомнил об апреле 1953 года, о том празднике, который дала для многих настоящая амнистия.

АЛЕКСАНДР ЦИПКО,
доктор философских наук

НИКОЛАЙ КЛЁН,
председатель Межреспубликанской коллегии адвокатов, заслуженный юрист РФ

— Каково ваше восприятие амнистии 1953 года?

— Это была одна из самых громких и значимых амнистий в истории СССР. Амнистия всегда воспринимается обществом как акт гуманизма власти и в целом носит позитивный характер. Так, в 1953 году освобождались все осуждённые на срок до 5 лет, имеющие детей до 10 лет, женщины, беременные, несовершеннолетние, пожилые, тяжелобольные — почти 50% из двух с половиной миллионов заключённых на тот период в СССР.

Конечно же это положительное явление. Но, как позже показали произошедшие события, были и отрицательные последствия. Так, не совсем обоснованно было отпущено на волю немало отбывших уголовников, рецидивистов, они создали криминогенную обста-

правлении там, в той обстановке, может идти речь? На мой взгляд, нужно больше гуманизма по отношению к преступившим закон. К сожалению, в последние два года акты помилования в отношении конкретных лиц не применяются. Когда Комиссию по помилованию возглавлял ныне уже, к сожалению, ушедший из жизни писатель Анатолий Приставкин, она работала гораздо активнее. Своё удивление в связи с отсутствием документов на помилование выразил и президент Путин.

— Помилование — это частный случай. А амнистия задевает большие группы заключённых...

— На протяжении моей более чем 30-летней адвокатской практики все акты амнистий, которые применялись к моим бывшим клиентам, приносили только пользу. Как для них, так и для общества. Среди моих амнистированных подопечных не было ни одного случая рецидива.

Беседовал Игорь НЕХАМС

ла полной, в белой блузке, в которой её и арестовали, её большие чёрные глаза искрились от радости свидания со мной — её любимым внуком. А теперь передо мной была во всём чёрном старуха, хотя ей было всего 59 лет, которая прямо с вокзала, из тюрьмы, на нашем 17-м трамвае вернулась домой. Правда, не в свой дом, а в дом отца моей матери Еремея Ципко.

Бабушку, как она сотни раз рассказывала, посадили в 1948 году, чтобы её собственную двухкомнатную квартиру заселить нуждающимся в жилищной помощи полковником НКВД Кротовым. В свою же квартиру на Водопроводной она так до конца жизни и не въехала, несмотря на полную реабилитацию (ей даже вернули её домашнюю утварь, конфискованную после ареста, которой пользовался новый жилец её квартиры полковник Кротов). Кстати, с её тёмно-коричневым старым чмодачником, с которым она вернулась из тюрьмы, я ухаживал через семь лет в армию, на том же 17-м трамвае ехал к военкомату...

СОВРЕМЕННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Учебник как элемент справедливости

«Единый учебник истории — это и есть социальная справедливость для школьников», — с такого несколько парадоксального заявления начал своё выступление на прошедшей в Ростове-на-Дону конференции Общероссийского народного фронта учитель из Южно-Сахалинска. Президент, проигнорировав социальную справедливость, с идеей внедрения общих для всей страны стандартов согласился. Да и как могло быть иначе? Ведь именно Владимир Путин ещё в феврале предложил на заседании Совета по международным отношениям «подумать о единых учебниках истории России для средней школы, рассчитанных на разные возрасты, но построенных в рамках единой концепции».

В ходе идущей по сей день дискуссии учебники во множественном числе превратились в учебник, дав повод противникам предложения взять по поводу огромного тома и введения единомыслия. Прокомментировать ситуацию и ответить на вопрос, достаточно ли для воспитания гражданина, уважающего наше общее прошлое (а именно об этом говорил президент), единого учебника, мы попросили учителя истории и обществознания московской гимназии № 1539 Ивана ФЁДОРОВА.

На мой взгляд, сама формулировка обсуждаемого вопроса не совсем верна. Единый учебник — это очень плохая конструкция, а когда происходит такая подмена понятий, начинаются всякого рода спекуляции. Да, проблема школьных учебников существует, но она — частная, включённая в проблемы преподавания истории в целом, и решать их надо комплексно. Иначе это всё равно, что носить волью решетом.

В современной школе совершенно негодная структура преподавания этого предмета. Эта беда возникла в 90-е годы, когда была введена концентрическая система. История преподаётся с пятого по девятый класс, с древнейших времён до конца XX века, а затем в 10—11-м классах — второй концентр, второй уровень. Но девятиклассники не готовы воспринимать серьёзные проблемы XX века, к тому же все силы в это время направлены на подготовку к ГИА (Государственной итоговой аттестации), на математику и русский язык. В 11-м классе, когда изучается XX век уже на следующем уровне, опять та же самая картина. Выпускники готовятся к ЕГЭ, а поскольку система приёма в высшие учебные заведения выстроена так, что этот предмет востребован в очень узкой группе вузов, из трёх параллельных классов историю сдают не более трёх-четырёх человек.

В советские времена XIX век изучался в 9-м классе, XX век — в 10-м и 11-м. То есть была учтена способность детей разного возраста воспринимать информацию. К тому же материал XX века, распределённый на два года, давал учителю такую рос-

кошь, как возможность подробно изучить, например, Гражданскую войну или Первую мировую, Великую Отечественную. Сегодня курс сжали, учителя заставляли работать более интенсивно, и возможности детально, качественно проработать материал нет.

Посадить малыша за гаджет и думать, что он сам найдёт решение какой-то проблемы, — это утопия. Любознательный ребёнок, пустившийся в плавание самостоятельно, в море информации захлебнётся. Нужен учебник-навигатор, который совершенно чётко расставит акценты, обратит внимание ученика на какие-то очень важные моменты. В конце глав обязательно должны быть ссылки на Интернет. К 70-летию битвы за Москву, Сталинградской битвы, например, появились первоклассные сайты, которые действительно не стыдно использовать. У издательства тоже должен быть портал, на котором идёт расширение содержания. Пришли какие-то новые сведения, в книгу их уже не ввести, а на портал — легко. Решит ребёнок себя протестировать, он заходит на портал и тестирует, захотел проконсультироваться — беседует со специалистом.

Теперь о ценностной ориентации учебника. Академическая история и школьный предмет хоть и связаны родственными нитями, но цели у них разные. У академической истории — дать объективную точку зрения на исторический процесс во всём его разнообразии, у школьного курса — воспитать человека, патриота и гражданина. Здесь, конечно, обязательно должен быть соблюден принцип «не навреди». Моё твёрдое убеждение — любой эпизод нашей истории, в том числе и XX века, нужно давать с точки зрения позитива, показывая, что несмотря на все потери и трудности, страна не терпела, а приобретала.

Ну, вот смотрите: 90-е годы у нас — «проклятые», брежневское время — «застой», Хрущёв был неадекватен и так далее, и так далее. Что же нам делать, если одно за другим отрицаются целые пласты отечественной истории? Я с этим не могу согласиться ни как педагог, ни как человек, который в эту эпоху жил и видел много позитивного.

Это один момент. Второй — необходимо чётко сказать, а я сторонник преподавания истории уже в начальной школе, нужен один учебник, для среднего звена — другой, с другим уровнем подходов, а для старших классов, по крайней мере, два — базовый для тех, кто не собирается сдавать историю, и очень серьёз-

но новый подход в преподавании. Единогласно учебника не может быть в принципе. Для начальной школы, а я сторонник преподавания истории уже в начальной школе, нужен один учебник, для среднего звена — другой, с другим уровнем подходов, а для старших классов, по крайней мере, два — базовый для тех, кто не собирается сдавать историю, и очень серьёз-

БОГАТЫЕ ТОЖЕ ПЛАЧУТ

Банки закатыны!

В банках Кипра продолжает действовать ряд запретительных мер. Ограничения на различные банковские сделки могут оставаться в силе в течение месяца. Это, как сообщили нам в министерстве финансов острова, не коснётся только подписчиков «Литературной газеты» сроком не менее чем на 10 лет. По предъявлению специально выпущенного подписного купона им разрешаются любые транзакции. Ограничения на снятие наличных из банкоматов также снимаются, а все банкоматы оборудуются специальными устройствами, реагирующими на голосовой пароль чисто на русском языке: «Короче, подписался, мамой кланусь!»

Продолжение на стр. 16

ФИЛОСОФСКИЕ БЕСЕДЫ

Семь дней в подвале

В кинотеатрах появился новый фильм итальянского режиссёра Бертолуччи «Ты и я». О чём он?

СЮЖЕТ Этот фильм о прыщавом юноше Лоренцо. Ему 14 лет, и он учится в школе. Лоренцо хотят отправить на неделю вместе с классом покататься на лыжах в горы, а он, обманывая родителей, спускается в подвал своего дома и всю неделю живёт в нём. Лоренцо обыкновенный современный мальчик с наушниками. Ему хорошо наедине с собой. Музыка и книги о войне между вампирами становятся для него тем забавом, который его отделяет от внешнего мира. Но Я, говорит Бертолуччи, это всё-таки наше «я», а Другой — это всегда «он» или «она». А поскольку мир — это множество поименованных Других, постольку Лоренцо прычется от мира, отделившись от него непониманием, затыкая уши и закрывая глаза. Родители этим, конечно, обеспокоены и отправляют его к психологу.

ПСИХОЛОГ Врач беседует с Лоренцо и пытается ему внушить мысль о существовании границы между нормой и девиацией. Нормально бытие с другими. Ненормально быть анахоретом. Но Лоренцо удивлён: то, что доктор считает ненормальным, давно уже стало нормой. Мы можем спросить: означает ли это, что мир болел? Бертолуччи полагает, что этот наш вопрос интересен, но он вне компетенции психологии и даже психоанализа.

НЕНОРМАЛЬНОЕ Затем следует сцена в кафе. Мать беседует с сыном. Они говорят об отце. Режиссёр нам показывает, что мать молодая, отца нет, а сын взрослый. Бертолуччи знает, что сын должен стремиться занять место отца. Так устроено после Фрейда европейское сознание. И Бертолуччи идёт навстречу ожиданиям этого сознания. Диалог завершается вопросом Лоренцо: мама, если бы ты родила от меня мальчика, как бы ты его назвала? Мать испугана. Зрители замирают в ожидании инцеста. Но вместо инцеста Бертолуччи отправляет своего героя в подвал.

ПОДВАЛ Подвал Бертолуччи — это не подполье Достоевского, но это и не бессознательное Фрейда. Он слишком комфортен для крыс и мышей, для угрызенной совести шизофренического сознания. В подвале семья Лоренцо хранит вещи умершей графини, бывшей хозяйки дома. Лоренцо не мера вещей. Он прост и даже примитивен. Это идеально чистая поверхность, на которой учителя пытаются писать свои письмены. В нём нет никаких изгибов и складок. У него, видимо, ещё не сформировалось даже его бессознательное. Но клин вышибается клином, и Бертолуччи направляет в подвал наркоманку.

ОЛИВИЯ Наркоманку зовут Оливия. Она уже испытала жизнь своей экзистенцией и получила первые символические шрамы. Оливия погрела и ожесточилась, но встречая с собой у неё всё же ещё не состоялась. Оливия ещё только собирается покинуть город и уехать жить на ферму в деревню, где пасутся лошади, которых она, в свою очередь, ещё никогда не видела. История Оливии, рассказанная Бертолуччи, банальна. Ей 20 лет. Она художница, то есть фотограф, получивший признание. Богемная жизнь причудлива её к наркотикам. Оливия проста, хотя Бертолуччи и попытался сделать из неё некое подобие ленты Мёбиуса. Во-первых, она по воле режиссёра оказалась по отцу сестрой Лоренцо. Во-вторых, она же была замечена в попытке убить мать Лоренцо за то, что последняя разрушила её семью. Правда, об этом Лоренцо ничего не знал. В подвале вновь забрехала возможность для инцеста как способа взросления недоросля. И вновь Бертолуччи обманул ожидания зрителей. Вместо инцеста в подвале Бертолуччи устроил показ моды и примеривание старинных шляпок.

СКЛАДКА В конце концов Оливия, по мысли режиссёра, стала для Лоренцо тем изгибом, той складкой, в которой у людей образуется внутреннее, видимое изнутри и невидимое извне. За семь дней, проведённых в подвале, подросток стал взрослым. Он впервые узнал, что в жизни есть «ломка», боль и страдание. Что в ней есть состояние, в которых исчезает различие между жизнью и смертью. Монологи Оливии напоминают монологи Кириллова из «Бесов» Достоевского. «Теперь человек ещё не тот человек», — говорил Кириллов. — Будет новый человек, и ему будет всё равно: жить ему или не жить». И этот человек будет богом. Бертолуччи назвал этого нового человека Оливией и сделал её наркоманкой.

ТАНЕЦ В ПОДВАЛЕ Одна из самых красивых сцен фильма — танец в подвале. Конечно, это не «Танго в Париже». В ней нет изысканной самооданности, но даже чёрствая душа зрителя способна развратиться в момент танца, чтобы потом опять, очистившись, свернуться. Лоренцо и Оливия, брат и сестра, нежно обнимают друг друга и танцуют. В этом танце исчезает отчуждённость, выражаемая в словах «он» и «она», и возникает притягательное «я» и «ты». Лоренцо и Оливия за неделю прошли бесконечное расстояние, отделявшее их друг от друга. И мир стал на мгновение другим, лучше. Танцуйте, говорил Платон, и «лучше» будет длиться вечно.

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЕ ШТАМПЫ Бертолуччи — экзистенциалист. Он ещё не знает, что философия экзистенциализма устарела, что человек теперь — это не бытие в мире, а бытие вне мира. И тебе нужно искать путь к себе, а не к Другому. Что ад — это не Другое, но ты сам можешь быть алом. Герои Бертолуччи всё ещё пытаются заключить союз с миром. Они не обращаются к себе с вопросом: кто я? Они обращаются к миру и говорят: возьми нас, дай нам место, и мы откажемся от наркотиков, мы перестанем устраивать тебе фронт. Из героев Бертолуччи получатся хорошие менеджеры власти.

ЭСТЕТИКА ФИЛЬМА Бертолуччи эстет. Его фильмы можно смотреть много раз. Его «Ты и я» исполнено в духе эстетики минимализма. Этот фильм, конечно, надо посмотреть, но второй раз я его смотреть не буду.

ФЁДОР ГИРЕНКО, профессор философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

После тяжёлой продолжительной болезни на 76-м году ушла из жизни Софья Михайловна РЫБАЛОВА, двадцать девять лет возглавлявшая стенографическое бюро «Литературной газеты». Коллектив редакции скорбит об этой утрате и выражает соболезнование семье и близким Софии Михайловны.

ОЧЕРК ПРАВОВ

И никаких комплексов!

Блеск и нищета новых нигилистов

На этот раз он был в узких, обтягивающих весь его тощий низ джинсах и светло-кофейном вельветовом пиджаке, из-под которого вулканом вспучивался шёлковый шарф, окутывавший его шею огненно-жёлтой лавой. На её гребне плавала склонённая к микрофону голова, обрамлённая артистически-всколоченной седоватой шевелюрой, вспыхивала, тут же угасая, мгновенная улыбка, звучал ровный, слегка надтреснутый, лекционный голос.

— Если отвлечься от обсуждаемой нами книги молодого автора, — сообщал этот голос, — и рассмотреть проблему творчества как воплощение фобий творца, то я бы вспомнил всемирно прославленного писателя Владимира Набокова. Он, как известно, страдал несколькими фобиями. Например, шепенел, увидев в руках супруги зонтик, так как однажды жена жестоко избивала его именно зонтиком. А переехав в Америку, он обзавёлся другой фобией: панически боялся умереть от голода, ловил и ел бабочек...

Вдох изумления пронёсся по залу, заполненному завсегдатями литературных салонов, которых в нынешней Москве неисчислимое множество. Переживая волнение публики, выступавший перехватил стойку микрофона и уже наклонился к нему, собираясь продолжить, но его опередили.

— Откуда вам всё это известно? — возмущённо воскликнула сидевшая в первом ряду рослая блондинка в нежно-алом жакете и всё ещё модных джинсах, эффектно разодранных на мраморно свещающихся коленях.

— Ну, разумеется, из неофициальных источников, — сверкнул иронической улыбкой выступавший. — Лет семь назад я был в командировке, в Париже, друзья свели меня с сыном Набокова, ныне покойным, и мы с Дмитрием, вдруг обнаружив родство душ, засиделись за полночь в ресторанчике «Гиппопотамус». Там-то наш с Дмитрием разговор и свернул в сторону причуд отцовского творчества...

— А разговор этот был до или после смерти Дмитрия Владимировича? — язвительно поинтересовалась блондинка.

— Напрасно смеётесь, уважаемая, — на этот раз острая улыбка выступавшего задержалась на его лице. — Любое творчество, да будет вам известно, есть проекция душевных состояний, в том числе и фобий творца...

— Какая же длинная фобия заставила Льва Толстого написать «Войну и мир»? — не унималась блондинка.

— Эта фобия называется — страх смерти, вытесненный в подсознание, ещё в пору военных действий в Крыму, где Лев Николаевич копил материал для своих Севастопольских очерков. Да и повесть «Хаджи-Мурат» — всего лишь проекция его ожидания набега кавказцев на Москву... Кстати говоря, и романы Достоевского — это всего лишь беспомощные попытки победить страх смерти... Вообще, надо сказать, вся наша так называемая классика позапрошлого века — жалкая продукция авторов, которые вместо исследования проблем общества бархатились в болоте своего подсознания... Их мы должны благодарить за лживые мифы, которыми жили весь XX век!..

Пока длилась эта тирада, в третьем ряду поднималась пожилая пара — массивный мужчина с седой гривой волос и сухонькая женщина с испуганным выражением лица. Они стали пробираться к выходу, бормоча: «Какой бред, и с какой претензией!» У дверей женщина, обернувшись, громко сказала:

— Как вам не стыдно нести эту оскорбительную чепуху?

— А вы, конечно, хотите, чтобы я улаждал ваш слух только вашим мидально-сахарным мнением?! — радостно откликнулся выступавший.

Женщина хотела ещё что-то сказать, но гривастый спутник, утаскивая её за руку в дверь, пророкотал басом:

— Он же провокатор, неужели не видите?

— Да, я провокатор! — догнала уходящих его ответная реплика. — Провокатор Позитивного Реализма! Я провоцирую трезвый взгляд на нашу нелегую жизнь...

На эти слова зал вдруг откликнулся аплодисментами, исходившими из второго ряда, где кучковалась молодежь.

— Но вы слишком уклонились от обсуждения книги, — заботливо сидевший за столиком пожилой ведущий, оборвав аплодисменты звонкой дробью по бутылке с пепси. И пошутил: — Наш юный автор извёлся в ожидании комплиментов... Вы закончили, Вадим Петрович?..

— Нет, ещё несколько слов...

И тут я вспомнил, где первый раз увидел этого Вадима Петровича — в зале пресс-конференций книжной ярмарки на ВВЦ. В очереди к микрофону. Он тогда был не в сегодняшнем импозантном пиджаке, а в потёртой джинсовой куртке, с сумкой через плечо, эдакий стройный, слегка постаревший плейбой.

Там с ним случился небольшой инцидент: уже подошла его очередь, когда откуда-то из толпы, запрудившей проход меж рядами стульев, вывернулась слегка зачумлённая тётка с какими-то бумагами. Она вцепилась в микрофон, крича: «У меня открытое письмо президенту... Я прочту...», но Вадим Петрович тут же перехватил её запястье. «Вначале научитесь культуре поведения», — отчеканил он, выворачивая ей

руку, как это делают с преступниками, чтобы защёлкнуть наручники. И, наконец, после недолгой возни отняв микрофон, сообщил публике, ошарашено наблюдавшей за этой сценой: «Я вам прочту стихи из моей пока не вышедшей книги...» Стихи не запомнились, помню лишь откинутую назад голову чтеца, разлетевшиеся седоватые космы и крикливо-агрессивную интонацию.

А потом он мелькнул, в той же куртке, по первому, нет, кажется, по второму каналу, в скандальном обсуждении кражи ребёнка разведёнными супругами, живущими в разных странах. С категорическим утверждением: таких родителей нужно уколами лишать детородной функции.

Здесь, в литературном салоне, Вадим Петрович выглядел вяльжнее, был совершенно раскованным, особенно — после аплодисментов.

— Про нашего юного автора я должен сказать: он представляет собой поколение, лишённое бесполозных душевных разрывов. И это замечательно!

Тут снова второй ряд разразился аплодисментами, от чего блондинка в алой куртке демонстративно передёрнула плечами. Я не выдержал, спросил:

— А как вы отличаете бесполозные душевные разрывы от полезных?

— О, это отдельный разговор, — охотно отозвался Вадим Петрович. — Если угодно, я потом объясню...

А сейчас послушайте вот эти замечательные строчки нашего автора: Я проснулся от скрежета трамвайных колёс, / сквозящая мой сон за трамваем унёс, / Я яичницу с салом сейчас наверну, / а потом на дыбы подниму всю страну... Ну не чудо ли?.. И никаких комплексов! Мы истосковались по решительной бескомпромиссности! И вот оно, неиспорченное интеллигентным самокопанием, поколение пришло! Как там у Брюсова: ...И тех, кто меня уничтожит, / встречает приветственным гимном!..

Под рукописанные второго ряда Вадим Петрович, распахнув объятия, шагнул к столику, за которым рядом с ведущим сидел красный от волнения, упитанный молодой человек, тут же вскопчивший. Мэтр обнял его, коротконогую, уткнувшего шекасту физиономию в вельветовый пиджак. Похлопав его по круглой

спине, Вадим Петрович одарил публику снисходительной улыбкой и прошёл во второй ряд, где ему кинулись пожимать руку сверстники поэта. А к микрофону прошла блондинка в розовом жакете.

— В прошлый раз здесь я слышала ваши, уважаемый Вадим Петрович, слова о Достоевском, открывшем всему миру великую русскую душу. А сейчас вы называете произведения классика «бесполезной попыткой»? Вы кто, оборотень?

— Да, я переменял своё мнение... А что в этом предосудительного?.. Внутренне свободный человек... Это волею рук и ног повязаны догмами... Не помню, кто именно сказал, но сказал точно: нет страшнее человека, который не меняет своих взглядов!..

И снова второй ряд откликнулся смехами и аплодисментами. Ведущий опять оборвал их бутылочной дробью, ворчливо взмолившись:

— Уйдите вы своих воспитанников, Вадим Петрович! Здесь ведь не заседания вашего клуба.

— Кстати об этом вашем клубе так называемых Позитивных Реалистов, — блондинка у микрофона напряглась. — Вы, как я поняла, растите там не реалистов, а нищих духом нигилистов... Способных, в подражание вам, только на эпатаж...

Второй ряд возмущённо загудел, затопал, кто-то попытался было свистнуть, но его одёрнули.

А зал тем временем стал пустеть — у дверей столпились уходящие. Осталось те, кому, как и мне, стало интересно: чем всё это закончится? Ушла и блондинка, а её место у микрофона занял автор книги. Он опустил микрофон к своему взволнованному лицу и стал произносить скрипяще-визжащие рифмованные строчки о дряхлой цивилизации, о зреющих силах всеобщего обновления.

Всё это было довольно скучно, и я не выдержал — ушёл. Спустился в буфет, взял кофе. Но не успел его допить — в распахнутые двери ввалилась толпа тех самых, из второго ряда. С ними был и их мэтр. Они сдвинули соседние столики, быстро заставили тарелками с бутербродами.

— Присоединяйтесь! — позвал, увидев меня, Вадим Петрович.

Я отказался. Тогда он, с налитой рюмкой, подсел ко мне. Ему, оказывается, запомнился мой вопрос, и он счёл своим долгом ответить. Говорил быстро, напористо — о вредных душевных разрывах, расслабляющих человека, и о полезных, порождающих «одну, но пламенную страсть». О психическом нездоровье народа, который, по его мнению, закисает без «руководящей идеи».

— Ведь в сущности народ — это косяк среда, ему нужна встряска! Какая? Отрицание всего! Да-да, всего! Да, это, по выражению белокурой дамы, нигилизм! Но именно он сейчас необходим нашему обществу! Нигилизм, как разрушительные цунами, смоев в океанские глубины всё отжившее. Это будет очистительный час икс! Он приближается!

— Час, когда «всё позволено»?

Вадим Петрович осушил рюмку. — Именно так! Только час икс оздоровит душу народа... Что делают весной в деревнях, знаете?... Жгут прошлогоднюю траву, чтобы на пепелище вырастить новый урожай. Ребята из моего литературного кружка — это поколение огнепоклонников! Они не боятся обжечься. Ведь они готовы на всё! Кстати, и те героические девчонки, что танцевали на амвоне, а потом отправились за колючку, из того же поколения.

— И та семейная пара, что публично занималась сексом в музее, отвергая естественный стыд?

— Да, и та пара. Да фактически нигилистами стали мы все, только не признаёмся в этом. Те же популярные «звёзды» шоу-бизнеса, выворачивающие в телепередачах свою личную жизнь наизнанку, повествуя о супружеских дрязгах, они кто? Нигилисты! Потому что давно уже избавились от ложного чувства стыда. И правильно, хватит жить враньём и самообманом! Пора объявить, что семья на самом деле — фикция...

— У вас разве нет семьи?

— Этой иллюзией я давно переболел.

— Но друзья-сослуживцы у вас есть? — Я независимый литератор, терпеть не могу ежедневно ходить на одну и ту же работу. А литружок — это моё хобби. Общение с молодёжкой освежает... Ну что, может быть, съедете за наш стол? — предложил он, косясь на заскучавших без него юных стихотворцев.

Мой отказ его, судя по всему, не расстроил. Он выговорился и был собой доволен. Он пошёл к своему столу с улыбкой человека, сумевшего в очередной раз блистательно самоутвердиться. Ему нравилось его молодое окружение, нравились вельветовый пиджак, который он время от времени картинно распахивал, поправляя намотанный на шею скользкий шарф.

Там, среди «своих», подняв рюмку, он негромко произнёс что-то, что вызвало дружный смех, и я подумал: да не игра ли у них всё это? Инфантильная, провокационная, шекоучающая нервы.

...Игра, выжигающая в их душах всё то, без чего человеческая жизнь невозможна.

Игорь ГАМАЮНОВ

За бортом

Вопрос «А вы боитесь безработицы?», который мы поставили в комментарии к статье («ЛГ», № 2-3), задел за живое, потому что он для меня очень актуален. Да, отвечаю, боюсь.

После окончания института я довольно быстро устроился на работу, но не по специальности, а на склад кладовщиком. И коллектив меня устраивал, и график был щадящим. Времени свободного было до-

статочно, мог пойти на какие-нибудь курсы, чему-то ещё научиться.

Впрочем, скоро стало не до творчества. Ещё 10 лет назад, в институте, у меня начались эпилептические приступы, а потом такие же приступы стали происходить и на работе. Отношение ко мне изменилось, а потом ситуация накалилась до того, что мне страшно стало приходить на свой склад. Отработав там больше трёх с

«ЛГ», № 2-3, 2013

Месяцами бегал по собеседованиям и чуть ли не уговаривал работодателей взять меня на любую должность, но чаще всего результатом беготни становился скорбный отказ — «по состоянию здоровья». В конце концов всё же удалось устроиться, но ситуация повторилась. Опять — «по собственному желанию». А потом — ещё и ещё. Благо сильных приступов на работе не было, но приходилось часто брать отгул — по состоянию здоровья или болезненный, что тоже часто являлось причиной косых взглядов. При этом лечащие врачи утверждали, что для получения

инвалидности оснований нет. И вот уже два года, как ни стараюсь, никуда не берут.

Теперь уже уверенность, что не останусь за бортом, нет. С одной стороны, я работодатель понимаю, а с другой, что же мне делать? Сколько уже было собеседований и индивидуальных встреч, которые заканчивались рекомендациями поискать счастья в другом месте, либо открыть бизнес на дому, либо оформить инвалидность, заплатив за это «нужным людям».

Как жить? Иван ВЕДЕНЕВ, САМАРА

Сергей СОБЯНИН: «Без вашего опыта нам не обойтись»

На встрече с активистами ветеранского движения Москвы мэр обсудил вопросы медицинского и социального обслуживания ветеранов, а также патриотическое воспитание молодёжи, подготовку к празднованию 68-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне и многое другое.

За последнее время в Москве создано более 50 многофункциональных центров предоставления госуслуг. Сергей Собянин рассказал ветеранам об удобстве такой формы оказания услуг и об их доступности в Интернете. В ближайшие полгода многофункциональные центры откроются в каждом столичном районе, а количество предоставляемых госуслуг увеличится. В связи с этим градоначальник обратился к активу с просьбой научить ветеранов пользоваться электронными услугами, то есть не выходя из дома.

Участники встречи из Троицкого и Новомосковского округов пожаловались мэру на новый порядок медицинского обслуживания в поликлиниках, при котором, прежде чем попасть к врачу-специалисту, нужно пройти обследование у терапевта. Глава Департамента здравоохранения Георгий Голухов отметил, что в целом от такой практики отказываться нецелесообразно, но для ветеранов можно сделать исключение: им будут выдавать направления одновременно и к узкому специалисту, и к терапевту. Сергей Собянин, в свою очередь, рассказал собравшимся о позитивных изменениях в сфере столичного здравоохранения: повышена заработная плата врачей, закуплено новое оборудование, принято решение о создании крупных амбулаторно-поликлинических центров с квалифицированными врачами и высокотехнологичным оборудованием. «Для того чтобы улучшить качество медицинского обслуживания, мы выстраиваем вертикаль оказания врачебной помощи — от поликлиники по месту жительства до клинической больницы. Это очень важно», — пояснил мэр.

Мегаполис активно готовится к майским праздникам. Сергей Собянин сообщил ветеранам, что к Дню Победы в столице будет открыт памятник дважды Герою Советского Союза, заслуженному военному лётчику СССР, национальному Герою России, Почётному гражданину города Москвы, генерал-лейтенанту авиации Виталию Ивановичу Попкову — легендарному прототипу героя фильма Леонида Быкова «В бой идут одни «старики». Ветераны со своей стороны внесли предложение установить памятник защитникам родного города и выразили надежду, что 70-летие Великой Победы отпразднуют не менее пышно, чем

созданием в общеобразовательных школах общественных советов по патриотическому воспитанию подростков. Кроме того, в школах планируют ввести факультативные предметы по данной тематике. «В своём декабрьском послании Федеральному Собранию Президент России выдвинул на первый план задачу духовно-патриотического, нравственного воспитания населения, особенно молодёжи, — напомнил ветеран. — Это дело каждой семьи, школы, общественной организации и, конечно, всех руководителей». Мэр полностью согласился с такой необходимостью и подчеркнул, что без участия и помощи ветеранов процесс патриотического воспитания молодёжи превратился бы в формальное мероприятие.

Фото: vitov

недавний юбилей Отечественной войны 1812 года. «Мы обязательно рассмотрим все ваши предложения», — заверил Сергей Семёнович.

Что касается праздничной единовременной выплаты к Дню Победы — в этом году более 300 тысяч московских ветеранов получат от трёх до пяти тысяч рублей (напомним, годом ранее размер выплаты в зависимости от категории составлял от двух до четырёх тысяч рублей). По пять тысяч рублей будет перечислено инвалидам и ветеранам Великой Отечественной войны — участникам обороны Москвы и Ленинграда, по четыре тысячи рублей получат узники фашистских концлагерей и жители блокадного Ленинграда, по три тысячи рублей — труженики тыла. Кроме этого, на встрече шла речь о дополнительных мерах адресной поддержки ветеранов, которую с недавних пор получают не только участники войны, но и труженики тыла, а также инвалиды I группы и инвалиды-колясочники. Сергей Собянин поблагодарил актив ветеранских организаций за содействие в выявлении пожилых москвичей, нуждающихся в заботе и милосердии: теперь адресную по-

мощь получают на 140 тысяч человек больше.

Председатель Московского городского совета ветеранов войны, труда, Вооружённых сил и правоохранительных органов Владимир Долгих в своём выступлении отметил, что в настоящее время ветеранские организации совместно со столичным Департаментом образования активно работают над

созданием в общеобразовательных школах общественных советов по патриотическому воспитанию подростков. Кроме того, в школах планируют ввести факультативные предметы по данной тематике. «В своём декабрьском послании Федеральному Собранию Президент России выдвинул на первый план задачу духовно-патриотического, нравственного воспитания населения, особенно молодёжи, — напомнил ветеран. — Это дело каждой семьи, школы, общественной организации и, конечно, всех руководителей». Мэр полностью согласился с такой необходимостью и подчеркнул, что без участия и помощи ветеранов процесс патриотического воспитания молодёжи превратился бы в формальное мероприятие.

Сергей Собянин призвал ветеранов активнее участвовать в общественной жизни города, контролировать порядок во дворах и на улицах, вносить предложения по благоустройству парков, чтобы общими силами превратить Москву в уютный, удобный и комфортный город.

Ирина ЛАЗАРЕВА

Пульс большого города

Масштабная реконструкция Московской государственной консерватории имени П.И. Чайковского полностью завершится к 2016 году, к 150-летию юбилею этого объекта культурного наследия.

По сообщению руководителя Департамента градостроительной политики столицы Сергея Левкина, с 2010 года, когда начался поэтапный ремонт комплекса зданий консерватории, учебный процесс не прерывался ни на один день. В настоящее время полностью обновлены Большой зал на Б. Никитской улице и учебный корпус в Среднем Кисловском переулке, ранее находившиеся в аварийном состоянии. В июне распахнут двери второй учебный корпус вуза — легендарный Белый зал, где появятся современные студии звукозаписи и технологического телевидения. Средства на ремонт — около 15 миллиардов рублей — выделены из федерального бюджета.

Традиционные ярмарки выходного дня,

которые в апреле вновь откроются в Москве, теперь будут выглядеть по-новому. Неустойчивые палатки заменят тентами из прочных текстильных материалов и раскрасят «под Хохлому», на прилавках появятся декоративные скатерти, а на продавцах — стилизованные фарфурки. Около 600 первых таких палаток появятся на юго-востоке столицы и в Зеленограде. В этом году организация ярмарочной торговли поручена столичному ГБУ «Автомобильные дороги». Кроме того, Департамент торговли и услуг Москвы подготовил проект нового регламента предоставления мест на ярмарках: теперь подавать заявки на участие в торговле смогут только те граждане и предприниматели, которые ведут фермерское, личное подсобное хозяйство или занимаются садоводством, огородничеством, животноводством.

Масштабная акция «Ночь в парке» пройдёт этим летом во всех зелёных зонах Москвы.

Руководитель столичного Департамента культуры Сергей Капков рассказал, что культурная программа охватит все парки, за исключением тех, которые расположены вблизи жилых массивов: «Иначе мы разбудим людей, которые рядом живут». Глава департамента добавил, что опыт подобных мероприятий уже имеется — например, ночные катания на коньках. Определены некоторые

из запланированных мероприятий. Так, посетителей парка «Сокольники» ждёт вечеринка у бассейна и кинопоказ, а в Измайловском парке готовятся провести файер-шоу и ночной маскарад. Предполагается, что вход на территорию парков будет бесплатным для всех желающих.

Традиционный месячник весеннего благоустройства

проходит в столице с 1 по 30 апреля 2013 года. Как сообщил заместитель мэра по вопросам жилищно-коммунального хозяйства и благоустройства Пётр Бирюков, в течение месяца планируется привести в порядок газоны, обустроить цветники, металлические ограждения, объекты жилого и нежилого фонда, провести уборку и ремонт территорий дворов и объектов потребительского рынка и социальной сферы, проложить все асфальтовые покрытия с использованием средства «Чистодор». На 20 и 27 апреля запланировано проведение общегородских субботников, к участию в которых будет привлечено более 2 млн. москвичей.

Пособия приёмным родителям-москвичам увеличат

с 1 мая 2013 года. Об этом решении сообщил Сергей Собянин на первом заседании Межведомственной рабочей группы по реализации законодательства в сфере социальной поддержки детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Градоначальник пояснил, что размер выплат будет зависеть от возраста и состояния здоровья ребёнка. Так, ежемесячное пособие приёмным родителям, попечителям и усыновителям, взявшим на воспитание ребёнка в возрасте до 12 лет, составит 15 тысяч рублей (на 3 тысячи больше, чем сейчас). Выплата на ребёнка от 12 до 18 лет повысится до 20 тысяч рублей. В случае если семья берёт на воспитание трёх и более несовершеннолетних детей, то до 12-летнего возраста каждый из них будет получать пособие в размере 18 тысяч рублей в месяц, а с 12 до 18 лет — по 23 тысячи рублей. Выплаты родителям, принявшим в семью ребёнка-инвалида, удвоятся и с 1 мая составят 25 тысяч рублей в месяц.

Конкурс на оформление столицы к Дню Победы

объявили московские власти. Накануне празднования 68-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне в городе решено установить оригинальные декоративные конструкции: три 15-метровые композиции «Звёзды», которые по форме будут напоми-

нать новогодние конструкции «Три снежинки»; два 12-метровых макета ордена Победы и три 15-метровых «Медиа-шара», которые будут светиться в темноте. Кроме того, одну из центральных площадей мегаполиса украсит светодинамический комплекс «Звезда Победы» на постаменте. В Департаменте СМИ и рекламы рассказали, что, в соответствии с материалами тендеров, на оформление столицы орнаментами световыми композициями планируется выделить почти 19 миллионов рублей.

Месячник активности пользователей «Исбавим дороги от ям!»

стартовал на геоинформационном портале «Дороги Москвы» 1 апреля 2013 года. Цель месячника — вовлечь население в столичную с властями работу по улучшению качества дорог, стимулировать общественный контроль над деятельностью подрядных организаций. Московский центр «Открытое Правительство» обращается к горожанам с просьбой: при обнаружении выбоин и неровностей на столичных дорогах сразу сообщать об этом на портал, указав точный адрес. После этого на портале будут размещены фотографии ямы, сделанные до и после ремонта. Каждый, кто обратится на портал «Дороги Москвы», сможет оценить оперативность и качество работ, проделанных подрядными организациями, и узнать, сколько всего ям ликвидировано в столице. По итогам месячника будут составлены рейтинги решённых дорожных проблем, а также рейтинги неравнодушных москвичей — активных пользователей портала.

Дети трудовых мигрантов теперь учат русский язык

в столичных детских садах. По информации Департамента образования Москвы, таким способом власти города намерены решить проблему массового поступления в школы детей мигрантов, не владеющих русским языком. Ранее московское правительство направило 3 млн. рублей из городского бюджета на поиск оптимальных методик обучения детей мигрантов русскому языку. Программу для занятий с дошкольниками, плохо говорящими по-русски, разработали на кафедре ЮНЕСКО Московского института открытого образования (МИОО). На специально созданной стажировочной площадке «Ребёнок в многонациональном мегаполисе» уже прошли обучение 600 воспитателей столичных детских садов, ещё 300 наставников овладеют новейшей методикой в ближайшее время.

ЮБИЛЕЯЦИЯ

Благословляю день и час

Образное видение мира, целостное ощущение жизни — вот что отличает стихи Ольги Моториной от многих поэтических подборок, зачастую написанных без знания дела, но лишённых главного: искренности, выстраданности, доверительности, безоглядой открытости миру. Это лирическая исповедь поэтессы, её сердечный дневник, «дагерротип души», как это определила бы Цветаева. Ольга Моторина живёт в непростом мире, в «ненастом веке», но вместе с тем хорошо знакомом и обжитом автором.

Сергей МНАЦАКАНЯН

Ольга МОТОРИНА

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Ты — смысл последнего стиха
У не последнего поэта —
Любовь моя, не утайай
От несбывания дуга.

Живи до будущей игры,
До непростительного звона,
С моих струящегося крыла,
И песню собственного дома

Я постараюсь подобрать,
Я солем венчана, окрепла,
Чтоб заново в любви сгорать
До пепла...

Никто уже не бросит в темноту
Спасительное слово и прощенье.
Я выбрала дорогу, да не ту —
По ней не подойдёт ко мне священник.

Опять моя стезя свернула от,
И вопреки свершившемуся смыслу
Меня покой проводит до ворот,
Чтоб я не уронила коромысла,

Чтоб я не расслескала полноты,
Мятежной сутью дом не запалила
И чтоб, не дожидаясь темноты,
Раскалясь и путь благословила.

И я благословляю день и час,
Позволивший подняться над судьбою:
За тот порыв, что свёл в дороге нас,
За ту любовь, что развела с тобою.

НОЧЬ ИОАННА

Ты не можешь сказать: «Подожди!»,
Ты не можешь исчезнуть отсюда —
Ты прикован цепями любви,
И уже приготовлено блюдо,
На котором в ночи понесут
Сердце, душу и перлы признаний
Той, что здорово пляшет внизу,
Не поняв высоты мироздания.

«ЛГ» поздравляет Ольгу Юреву! Мы вместе, и у нас всё получится!

КОНКУРС

Нефтяникам посвящается

«Очерк и публицистика» (руководитель В. Повеляев), посвящённое жизни нефтяников.

Ведущие мастера отечественной прозы, поэзии и журналистики проведут интерактивные занятия с авторами и отберут заслуживающие внимания материалы для участия в конкурсе.

Срок подачи произведений — до 15 сентября 2013 г., объём — до одного авторского листа.

Работы, отмеченные жюри, будут напечатаны на страницах «ЛГ» и награждены специальными дипломами.

Тексты присылать по адресу: litgazeta@lgz.ru (с пометкой «Конкурс-семинар»).

«Литературная газета» совместно с ОАО НК «Роснефть» объявляют конкурс-семинар на лучшее произведение в номинациях:

- «Проза» (руководитель В. Ерёмченко),
- «Поэзия» (руководитель С. Мнацаканян),

Вклад «Пенсионный Дачный»

Для активных пенсионеров! Анталбанк
основан в 1994 году

Минимальный взнос — 10 000 руб.!

Срок — 6 или 12 месяцев!

Возможны пополнение вклада и частичное снятие!

ПОДАРОК ВСЕМ ВКЛАДЧИКАМ

от 100 000 руб. — Утюг или ТОНОМЕТР, РАДИОТЕЛЕФОН!

от 300 000 руб. — САДОВЫЙ ПЫЛЕСОС или МУЛЬТИВАРКА, ЭЛЕКТРОННАЯ КНИГА!

от 500 000 руб. — ТЕЛЕВИЗОР или СМАРТФОН, ГАЗОНОКОСИЛКА, БЕНЗОПИЛА!

от 1 000 000 руб. — ПЛАНШЕТ или НЕТБУК!

12%* 8(495) 710-70-72

Вклады застрахованы Система Страхования Вкладов

www.antalbank.ru

*Возможно пополнение вклада не позднее, чем за 30 календарных дней до истечения срока договора вклада; вклад можно открыть на 6 или 12 месяцев; сумма вклада не ограничена; на срок 6 месяцев ставка по вкладу — 10,5% годовых, при размещении на 12 месяцев — 11,2% годовых, а за 12-й полный месяц Банк начисляет проценты из расчета 12% годовых; возможно частичное разовое снятие средств со вклада без потери начисленных процентов, в размере, не превышающем 30% от суммы вклада; клиент может открыть вклад либо с ежемесячной капитализацией и получением всех начисленных средств со вклада без потери начисленных процентов в конце срока, либо с возможностью получения процентов ежемесячно, путем их перечисления на текущий счет/счет вклада «До востребования». Акция действует с 01.04.13 г. по 30.04.13 г. Подробная информация об организаторе акции, правилах проведения, количестве подарков, сроках, месте и порядке их получения — на сайте КБ «Анталбанк» 000: www.antalbank.ru. Лицензия № 3115 ЦБ РФ. Реклам.

А Е изнь удалась. С этим ощущением Андрей Солоницын последнее время не расставался. Каждую минуту он радовался своей успешности. Вот и сейчас, предвкушая удовольствие, Солоницын мчался в своём новеньком служебном лимузине навстречу занятому приключению. Шофёр лихо обходил попутные машины, жёстко подрезал замешкавшихся «чайников». За городом водитель втопил педаль газа, и прямой участок до поворота на дачу пролетели за несколько минут.

— Завтра приезжай попозже, к одиннадцати, — приказал Солоницын.
Солоницыну нравилась чёткая размеренность своего существования.

В доме было тепло. Он принёс дров для камина и хотел было его разжечь, как зашел мобильник. Андрей взглянул на экран и только после этого включил телефон.

— Старичок, — весело заурчал Олежек, — мы только через часок-полтора будем. Зинуля задерживается, её благоверный никак не отъедет.

— Я уже на месте. Жду, — недовольно буркнул Андрей и вырубил связь.

Это была их обычная манера общаться, не здороваясь и не прощаясь, будто не расставались.

Андрей не любил, когда менялись планы, но такая жизнь, надо ей соответствовать и вовремя вносить коррективы, тем более что друзья сами наложили ограничения, договорившись женщин для развлечения приглашать семейных, чтобы не подхватить заразы.

Для сорока лет Солоницын был в неплохой форме. Он следил за своим здоровьем, занимался спортом, старался не передать и спиртным не злоупотреблять. Выпавшее свободное время он решил использовать по пользой и пробегаться на лыжах. Это была как бы компенсация за предстоящее нарушение режима.

Дача была крайняя к лесу, и лыжня начиналась сразу за калиткой. Андрей по-хозяйски размашисто двигался по просеке, наслаждаясь слаженной работой лыжи, и с удивлением думал о том, что сегодня тело ему более послушно, чем в молодые годы.

Тогда, в период становления дикого капитализма, его жизнь была беспорядочна. Новые проекты, новые знакомства, шальные деньги, случайные компаньоны, банкротство, снова деньги. На этой страшной и скользкой дороге отваливались друзья, исчезали в сетях партнёры, и даже не мечталось о том, что придёт время, и можно будет подетально распланировать своё существование по вновь введённым в стране правилам.

Последний год Солоницын осваивал премудрости чиновного мироустройства. Роль государственно-служашего ему нравилась. Меньше нервотрёпки, меньше унижений перед тем же чиновным братом. Солоницын гордился тем, что рисковал и выиграл. Год назад он заложил почти весь свой бизнес и вырченную громадную сумму подав на высокую должность. Тогда он чуть не разругался со своим партнёром Олежкой. Еле уговорил того взять на себя формальное управленческие активы. Теперь деньги возвращались рекой.

Несколько дней назад выпал тяжёлый мокрый снег, а затем вдарил мороз. Налипшие на деревьях сугробы пригнули их к земле и пообломали ветви. Поэтому Андрею приходилось часто нагибаться и обходить поваленные стволы. Это сбивало привычный ритм хода. Под некоторыми наклонёнными деревьями было пролезать страшно, так опасно они нависали над тропой.

«Надо будет надавить на лесников, чтобы организовали расчистку лыжни», — подумал Андрей.

Теперь, с высоты своего положения, он многие вопросы решал без денег. Взаимные услуги между чиновниками — та же разменная монета. Административный ресурс не подводил. Авторитет должности помогал преодолевать любые барьеры.

Олежка, больше боясь за себя, частично предупредил:

— Ты там, Андрюха, аккуратнее.
Но Андрей уже крепко врос в систему и смотрел на сложившийся порядок вещей без страха. Он был винтом этой системы, нет, крупной шестерёнкой идеально отлаженного механизма. Деньги, блага шли через него, оседая в положенной мере в кармане, и поднимались дальше до самого верха. Конечно, случались крупные разоблачения и на его уровне, но это только когда беззастенчиво нарушалась мера или когда удравшегося до власти и денег человека ехала крыша.

Он бежал, радостно ощущая каждую клеточку своего тренированного тела, уверенно, как боксёр на тренировке, уклонялся от нагнувшихся над тропой ветвей, нырял под опасно накренившиеся деревья. Начинало темнеть, до дачи оставалось хода минут пять. Здесь тропа шла вдоль глубокого оврага. По правую руку был крутой склон, по левую — провал. Впереди чернела стена завала. Здесь деревья особенно опасно накренились над тропой в сторону

оврага. Приблизившись, Андрей увидел в завале довольно просторную щель и решил с ходу скользнуть в неё. Он пригнулся, сгруппировался, чтобы не задевать нависшие стволы, и покосился по инерции. Что произошло дальше, он не мог объяснить, но чуть впереди на склоне раздался пугающий треск. Андрей инстинктивно сжался, пытаясь проскочить рухнувший завал, и в это мгновение тяжёлый удар впечатал его в землю. Ещё несколько секунд что-то грохотало справа в провале оврага, затем навалилась ватная тишина.

«Жив!» — изумлённо вспыхнуло в голове Солоницына.

Он попытался выбраться, но рухнувшее дерево крепко вжимало его в землю. Руки с зажатыми в них палками были вытянуты по швам, и двинуть ими не было возможности. Андрей пошерудил пальцами ног — получилось. Он попытался подтянуть ноги, но лыжи крепко застряли в сучьях и были словно в капкане. Боли нигде не чувствовалось, только горела спина, в груди гулоло и было тяжело дышать от навалившегося бревна и забившего рот снега. Он повернул голову и даже смог слегка отстранить лицо от холодящего снега, огляделся и понял, что лежит в колее, которую сам и вырыл поздней осенью, буксуя тут на своём тяжёлом квадроцикле. Не будь этой ямы, упавшее дерево раздавило бы его в лепёшку.

«Эй, кто-нибудь! Помогите!» — это были сил закричал Солоницын, и сам же поразила слабости звука, вымученного из груди.

Радость от того, что остался жив, сменилась страхом. Кто его услышит в этом лесу? Лыжники по темноте не ходят, гуляющих в это время тоже нет. Солоницын от досады на произошедшее взвыл. Крик был долгий, истончивший, в нём были злость и отчаяние. Он принялся извиваться всем телом, но это только усилило панику. Бревно держало намертво. Обессиленные от крика и тщетных попыток освободиться, Андрей затых. Постепенно он почувствовал холод, пробирающийся сквозь тонкую одежду.

«Люди!!!» — Андрей решил подавать сигналы через равные промежутки времени. Перед каждым зовом он собирался с духом, как можно сильнее поворачивал шею и задирав голову, чтобы звук поднимался вверх. Затем отдыхал и голосил вновь. Андрей понимал, что этой ритмичной и на удивление тяжёлой работой он прорезает свою жизнь. Физическое напряжение хоть немного, но помогало бороться с холодом. Но мороз брал своё — тело стала пронизывать мелкая дрожь. Постепенно с холодом в душу закрадывалось равнодушие. Мысли обращались к прожитому, и его существование не казалось уже таким успешным. Он вспомнил об Алине и детях, которые сейчас были далеко, в Лондоне. Когда-то казалось, что это вынужденное расставание будет коротким, но сегодня оно уже стало естественным и привычным.

Три года назад на них с Олежкой наехали мощная рейдерская компания. Лихие ребята не мелочились, они хотели поднять под себя весь бизнес. Не гнушались никакими методами. Жизнь детей в этой беспощадной игре была очень веским козырем. Чудо, что они с Олежкой в тот страшный год не только выжили, но и сохранили бизнес. Им повезло, что рейдеры, обнаглев, замахнулись ещё и на мощную государственную структуру, и в этой битве предприятие Солоницына было лишь маленьким подразделением на стороне всемогущей чиновной армии.

Не было бы счастья, да несчастье помогло. Тогда-то Андрей и познакомился с крупными государственным воротилами и с их подачи выкупил себе высокую должность. Только вот в конце всё деньгами не решишь, а близкие ему жена с сыном и дочерью всё дальше отплывали от него. Они могли безвозвратно вернуться домой уже год назад, но тоненькие корешки, пущенные в Англию, давали то один, то другой повод, чтоб задержаться. Андрей часто летал к семье, но постепенно расставания становились всё более длительными. Как-то раз он поймал себя на мысли, что лететь нет желания, и встречая с детьми и даже с Алиной, без которой он ещё недавно не мыслит своего существования, уже не такая желанная. Тогда-то он и поддался на уговоры Олежки время от времени устраивать так называемые разгрузочные дни с девочками.

Сколько он протянет в этом капкане? Когда его обнаружат? Завтра лыжники? А может быть, найдут его, обследовав, только весной. Или не найдут вовсе? Доедет за зиму бродачье собаки.

Неожиданно Солоницын почувствовал, как у бедра с жужжанием завибрировал телефон, и тут же мелодия симфоническими каскадами взорвала гнетущую тишину сумеречного леса. «Олежка прибыл с девочками на дачу и беспокоится!» — понял Солоницын. Смерть — глупее не придумаешь! Ещё минуту назад он был вселицильным и прощавающимся. Даже сейчас, если бы он мог вытащить из кармана спортивной куртки телефон, то по его звонку завертелась бы шестерня и винтики

подвластного ему механизма, и тысячи людей забегали бы, засуетились, выполняя указания. Страшная несправедливость, мгновение — и преуспевающий, полный сил человек превращается в презренного червя.

Как ни странно, но эти чёрные мысли несколько успокоили Андрея. Он не привык сдаваться, и это много раз, в самых отчаянных ситуациях, спасало его. Но что он мог сделать сейчас? Только кричать...

Постепенно осознание безнадёжности своего положения всё больше овладевало Андреем и ломало волю к сопротивлению. Но мысль о жене вскользнула душу. В отчаянии он заскрежетал зубами, перед глазами замелькали счастливые мгновения его жизни, и все они были связаны с Алиной. Это его не удивило. Как будто несчастье смыло с его души толстый слой пыли и пробилась яркая свет.

«Господи, помоги!» — произвольно вырвалось из груди пленника. Впервые в жизни ему захотелось молиться, но он не знал слов и повторял непрерывно: «Господи, миленький, помоги! Не оставь!»

Неожиданно в сознании всплыли слова из детства, услышанные от бабушки: «Отче наш, иже еси на небеси...» — дальше он не помнил и стал отчаянно повторять начало молитвы, как вдруг сбился и забуднил: «Боян бо вещей, аше кому хотяше песнь творити...» — и только когда дошёл до места, где струны князя «славу рокотаху», понял, что сбился на «Слово о полку Игореве».

ВЛАДИМИР ЕРЁМКО

Солоницын ещё несколько раз возвращался к «Отче наш», но каждый раз забывался и переходил на «Боян бо вещей...». Силы его покидали. Он понимал, что сознание затуманивается, и с досадой подумал о том, что даже молиться не научился за свою пропавшую жизнь. Судьба уже не казалась удачной, а блестящая карьера выглядела и вовсе бесполезной пустышкой. Господи! Куда он торопился, куда летел на всех парах, ломая и круша запреты на своём пути? Ради чего? Почему не ценил простых отношений? Всё отдал бы за то, чтобы вернуть минуты душевного единения с Алиной, тихой радости общения с детьми...

«Господи! Господи, помоги, миленький! Не буду грешить! Всё исправлю! Спаси, роденький! Жить буду чисто!!!» — с тихим стоном угасала душа.

Солоницын уже перестал звать на помощь, и только губы в полужабыты шевелились, повторяя: «Боян бо вещей...»

Неожиданно, сквозь собственное бормотание, Андрей услышал частое дыхание и почувствовал тёплый ветерок на лице. Он поднял голову. Прямо перед ним стояла маленькая худатая дворняжка. Андрей вздрогнул и громко вскрикнул. Дворняжка с лаем отпрыгнула. Но тут же вернулась. Села в полуметре от головы и принялась заливаясь брехать. «Товарищей созывает», — понял Солоницын, — сожрут живём!» От бессилия всё внутри померзло.

«Помогите! Господи, помоги!» — из последних сил заблажил Андрей. Собака отпрыгнула, но брехать не перестала. Солоницын в бессилии уронил голову на снег. Душу заполнила ледяная пустота, воля была парализована. Впервые в жизни Солоницын смирился с обстоятельствами. «Червь, презренный я червь, а не человек!» — саднила в голове отчаянная мысль.

— Кто тут? Чего в бурелом забрался? А ну, вылезай! — услышал Солоницын строгий голос. Поднял голову и рядом с затихшей собачкой увидел ладногого, одетого в лёгкий туплущик старичка. Андрей ещё гадал, не галлюцинация ли это, а душа уже исподволь наполнялась радостью.
— Чего молчишь? Вылезай! Иль нечевать собрался?
— с опаской переспросил старик.
— Завалило меня, дед. Пошевелиться не могу.

— Эх беда, а у меня здоровышка не хватает. Тут трактор нужен, чтоб завал разобрать, — затеребил седенькую аккумуляторную бордуку старик. — Надо людей на помощь звать.

В кармане у Андрея опять зажужжало, и весёлая мелодия разрешила тишину.

— А чего ж ты сам не звонишь людям? — удивлённо спросил дед.

— Телефон не могу достать. Он у меня в куртке.

Дед опустился на четвереньки и почти вплотную приблизился к лицу Андрея.

— Надо сюда зайти, с этой стороны не дотянетесь, — посоветовал Андрей.

— Сейчас оббегу, потерпи чуток, — попытался дед назад.

Пока он перелезал через бревно, Андрею пришла в голову спасительная идея.

— Дедуля, ты попробуй лыжи отстегнуть. А то они мне все ноги вывернули.

— Больно мудрёная здесь конструкция, замка не найду, — через минуту напряжённого сопения отозвался дед.

— Перед носками ботинок чёрные клавиши, надави на них.

Андрей почувствовал, как после щелчка освободилась одна нога, а затем вторая. Он поелозил, ноги шевелились достаточно легко, но продвинуться вперёд не хватало сил. Бревно крепко вжал его в колею.

— Дед, помоги мне руки высвободить, — попросил Андрей.

Ему показалось, что старик целую вечность выбирался из завала. Наконец появился перед Солоницыном. Перед собой он нёс лыжи. Старик аккуратно положил их на снег и присел на корточки, так что голова Андрея оказалась между валенками, и цепко ухватился за ворот куртки Солоницына.

— Ну, помогай, — скомандовал старик и рычаками начал дёргать пленника на себя.

Андрей изо всех сил извивался и сучил ногами. Вся верхняя одежда задралась на голову, и по спине потекли холодные капли растаявшего снега. После очередного судорожного рывка он изогнулся и выдернул из-под бревна правую руку, затем левую и выдрался из-под пленившей его осины. Он лежал голый на снегу и плакал от счастья. Штаны сползли до колен, куртка закрыла голову. Рядом, прерывисто дыша и утирая взопревшее лицо, сидел старик.

— Одевайся, хозяйство застудишь, — тяжело дыша, посоветовал дед.

Всё тело болело, мышцы отходили, как после судороги. Он сделал несколько шагов, согнулся, покрутил головой. На удивление мог двигаться, и даже серьёзных повреждений не ощущалось, только саднила спина, ободранная о заскорюзный ствол.
— До дома-то сам дойдёшь? — участливо спросил старик.
— Доползу, — весело ответил Андрей, доставая из колеи лыжные палки.

— Ну, смотри, больше не суй голову в петлю, — пробормотал старик и, свистнув собачку, засеменял по просеке.

Андрей пристегнул лыжи и, догнав деда, принялся благодарить. Но старик лишь устало отмахнулся и, недоверчиво поглядывая на Андрея, посоветовал:

— Не юноша уже, силы надо рассчитывать.
— Сил ещё хоть отбавляй! — радостно возразил Андрей.
Старик осуждающе покчал головой.
— Не каждого так угораздит.
Андрей хотел было ответить, но вновь зажужжал телефон.
— Где тебя носит? — вместо приветствия заблажил Олежка.

— Стол накрывай, — ответил Андрей и прибавил ходу. Жизнь входила в привычную колею.

Андрей уже подходил к даче, когда в ритм шагов в голове опять зазвучало:

«Боян бо вещей... боян бо вещей...»

Андрей ухмыльнулся. Это ж надо, припекло, вспомнил «молитву!» Ещё и не то вспомнишь! Прав делок. Аккуратнее надо. Где-то я этого старика видел? Уж больно взгляд знакомый.

Странно, но большой радости от спасения Андрей не ощущал. Мешало навязчивое предчувствие, что пережитое было страшным рубежом, и то, что будет за ним, пугало не меньше. Хотелось быстрее забыть произошедшее, но в голове, как молоток, стучало:
«Боян бо вещей... боян бо вещей...»

У Андрея была великолепная зрительная память. Это ему здорово помогало в карьере. Он всегда первый узнавал людей, даже тех, с которыми встречался случайно и потом не виделся годами. Но где и когда видел деда, вспомнить не мог.

Благообразный старичок. Смаживает на Николая-угодника, что на бабкиной иконе. Андрей помнил, как бабушка тайком от домашних молилась перед ней, а потом заперла в сундучок. После её смерти Андрей забрал икону себе.

Солоницын уже поднимался на крыльцо, когда силы оставили его, ноги стали ватными, в груди, будто в ледяной пустоте, затрепетало сердце. Андрей ухватился за перила и долго стоял, переводя дух.

В доме гремела музыка. Из кухни доносился весёлый дискант Олежки и женский смех. Солоницын хотел было незаметно подняться на второй этаж, но его заметил вышедший в гостиную с подносом, уставленным бутылками и фужерами, Олежка.

— О, явление Христа народу! Где тебя носило?

— Сейчас, сплоснусь и выйду, — Андрею не хотелось рассказывать о приключившемся, и он двинулся к лестнице, но за Олежкой, держа в руках блюда с закусками, уже выплывали прилащенные девицы.

— Ой, наконец-то, а мы уже заволновались, — защелбетала Зинуля и, быстро оббежав вокруг стола, чмокнула Андрея в щёку. Даже сквозь куртку он почувствовал тяжесть её пышной груди.

— Случилось что? — девица тревожно всматривалась в лицо Андрея.

— Нет, устал просто, — отмахнулся Солоницын, а про себя отметил, что женщина очень внимательна.
— Попроси Зинулю спинку потереть, — хитровато прищурился Олежек.

— Ни к чему. Вы тут накрывайте, а я быстро. Андрей решительно отстранился и пошёл наверх.

Он долго стоял под горячим душем. Постепенно внутренняя дрожь проходила. Видеть никого не хотелось. Была одна мечта — забраться в постель, накрыться с головой одеялом и забыть. Он медленно оделся, затем принялся сушить голову феном, чего почти никогда не делал, потом побрился, смазал лицо кремом, постриг ногти и принялся их полировать щёткой. За этим занятием его и застал Олежек.

— Дамы легли и просят, — сердито пошутил он. — Какой-то ты малахольный сегодня. Будто тебя пыльным мешком прибили.

— Я готтов, — делано бодрым тоном ответил Андрей.

Он спускался за Олежкой и, рассматривая его плешистый затылок, соглашался со старичком-лесовиком — да, не юноша уже. В гостиную между аудиоклоками висела бабкина икона, и Андрей невольно задержал на ней взгляд. Да, старичок удивительно похож на Николая-угодника, и взгляд точь-в-точь такой же — слегка подозрительный. Под этим взглядом Андрей вспомнил, как горячо каялся в лесу, и ему стало неловко. Он почувствовал, как в груди вновь начала позванивать стьялая дрожь, и в нерешительности замер. Хотелось развернуться и уйти.
— Андрюша, ты нас истомил, — запричитал Олежек, — с тебя тост.

Солоницын в нерешительности потоптался и присел к столу. Олежек принялся открывать шампанское. Во время амурных свиданий они, по предложению Олежки, пили только лёгкие вина, чтобы застолье не отвлекло от главного. Но сейчас Андрюе было даже смотреть зябко на играющие пузырьками бокалы.

— Налей мне виски, — попросил он, — промёрз что-то.

Андрей поднял стакан, до краёв наполненный янтарной жидкостью, долго рассматривал сквозь него компанию и, наконец, размерено заговорил:
— Боян бо вещей, аше кому хотяше песнь творити, то растекаться мыслию по древу, серым вълком по земли...

Андрей замолчал. Над столом нависла напряжённая тишина.

— Всё? — спросил Олежка.
— Всё, — кивнул головой Андрей и, не торопясь, выпил виски до капли.

— Содержательный тост, — похвалил Олежек приятеля за оригинальность и принялся чокаться с девицами.

В голове от большой дозы спиртного загудело, мышцы обмякли, в груди разгорался костёр. В голове бескойным роём завертелись мысли о детях, об Алине, ему захотелось обнять их, захотелось прижаться к жене и покаяться, поплакаться, как когда-то в детстве маме.

Желание было так сильно, что Андрей непроизвольно вытащил из кармана телефон и хотел было позвонить в Англию, но сообразил, что не к месту, и, сделав вид, что отвечает на звонок, отправился в соседнюю комнату.

— Алло, алло... — напряжённо проговорил он в молчаливую трубку и, прикрыв за собой дверь, набрал лондонский номер жены. Ответом были долгие гудки. Андрей сунул телефон в задний карман брюк и вернулся в гостиную.

Он не торопясь цедил виски и заедал ломтями осетрины.

В кармане брюк квакнул телефон. Андрей вытащил его и прочитал на экране сообщение: «Занята, перезвоню позже».

Внутри закипела обида. Солоницын притянул Зинулю к себе и с силой впилил ей в губы. Зинуля податливо навалилась на него, обвила своими руками. Сквозь тонкую сорочку Андрей различал плывущую тяжесть её груди, терпкий запах духов и горячее женского тела дурманило голову. Почти задохнувшись, он оторвался от девицы и осоловелым взглядом оглядел комнату. Олежки с подружкой уже не было.

Андрей встал и понёс прильнувшую к нему девицу на диван. Нёс на удивление легко, но когда опускал в пухлое ложе дивана, уловил в груди лёгкий треск, будто рвётся материя, и почувствовал остроую боль. От неожиданности он завалился на подружку и с минуты лежал не шевелясь.

— Ну что ты, миленький? — услышал он томный недоумённый шёпот.

Боль прошла, но с болью ушло и желание. Он приподнялся на руках. Девица принялась расстёгивать его сорочку. Андрей помогал ей раздеваться, но желание не приходило. Это начинало его бесить. Собственное тело отказывалось подчиняться. В другое время он бы успокоился и отступил. Но сегодня, после произошедшего, ему надо было доказать себе и всем в этом мире, что ничего не изменилось, что он хозяин своей судьбы. Андрей вспомнил, как Олежка чуть ли не каждый раз перед загулами предлагал ему модные пиллоли для поднятия тонуса.

— Старик, не отказывайся. Всё равно ты к этому придёшь. А ощущения незабываемые. Молодому не снились, — рекламировал снадобье Олежка.

— Я сейчас, милашка, — шепнул Андрей растелешённой девице и пошёл в комнату, где уединились Олежка с подружкой.

— Что случилось? — выглянул на стук испуганный приятель.

— Давай свои чудо-пиллоли.
— Ага, я говорил, всё мачо из себя строишь. Олежка сунул ему в руки пачку с лекарством.
— Как принимаешь? — поинтересовался Андрей.
— Водой запей, и через пять минут погнал. Всё, больше меня не беспокоит.

Солоницын подошёл к накрытому столу. Принял снадобье. Зачем-то налил полстакана виски и, как ему показалось, против воли выпил. Поднял голову. Со стены на него с осуждением поглядывал Николай-угодник.

— Вот так-то! — уверенным тоном, глядя на икону, произнёс Солоницын.

— Андрей, что у тебя со спиной? — услышал он испуганный голос подружки.

Он повернулся к девице. Она зазывно ждала на роскошном диване, но взгляд её был растерянным.

— Чепуха.
— Надо мазь или компрессы какие-то, — зрелище ободранного и громадного, во всю спину, синяка явно напугало девицу.

Андрей почувствовал, что именно это состояние страха и неуверенности в женщине возбуждает его. Вернулась обычная для него решительность. Он долго терзал свою партнёршу, та уже выбилась из сил, а ему всё было мало. Действовало лекарство, туманил голову алкоголь. В сумасшедшем азарте он метался из последних сил, стараясь доказать, что ничего от своей жизни не изменилось. Он словно в бреду летел сквозь бездну. Вдруг в груди что-то надорвалось, горячая волна боли пронзила тело, перехватило дыхание, и словно молния вспыхнула в голове.

«Боян бо вещей... Жить буду чисто... Отче наш... Спаси...»
Он ещё слышал истеричный крик девицы, суматошный топот босых истрикных ног, ощущал на щеках шлепки его пухлых ладоней, сквозь туман видел мечущиеся фигуры и подозрительный взгляд старичка-лесовика, но это уже происходило не с ним, уверенным в себе, Андреем Солоницыным, а со слабым, израненным человеком, бездыханно раскинувшимся на белом диване.

ПЕРЕДОВИЦА

Смех на службе внутренних органов

Начальника городского отделения полиции полковника Тормозадова отправили в командировку по обмену опытом в тайский городок Бангкок. Через месяц-другой он вернулся: живой и невредимый, загорелый, отдохнувший, слегка раскосыми глазами. Он собрал всю верхушку командования городского отдела полиции на срочное совещание.

— Господа! — сказал он с лёгким акцентом, выдающим в нём уроженца Пном-Пеня. — Наступать времени нам есть немножко менять своих метод работай! (Хмм-м-м-м... Простите за акцент. Отвык, понимаете...) За время командировки я приобрёл неоценимый опыт работы. Вся мировая правоохранительная система уже давно работает по-новому. И главное в этой работе — это вы не поверите — смех!

Полицейские по-доброму, от души рассмеялись, поападав со своих стульев.

— Да, да! Господа! Вы не слышались! Смех и ещё раз — смех! Взгляните на себя: как сразу преобразились ваши лица от улыбок!

режим переподготовки офицерского и рядового состава нашей части. Мы привлечём всех юмористов страны и совершим переворот в работе правоохранительной и пенитенциарной систем. Вот здесь у меня подробный план работы. Я попрошу всех ознакомиться и приступить! Немедленно!

Офицеры дружно встали и бегом направились к выходу, устроив в дверях небольшую пробку, которая вскоре рассосалась в результате слаженных, оперативных действий регулировщика Федорчука.

Уже вечером все подразделения были подняты по тревоге и привлечены к занятиям по развитию чувства юмора. Были назначены ответственные лица, закуплены юмористические пособия, сборники анекдотов, лицензионные видеодиски с записью выпусков «Комеди Клуб», «Кривое зеркало», Сергея Дроботенко, Клары Новиковой и заседаний Госдумы.

Ведущие юмористы страны обучали полицейских правильно острить. Не менее ведущие пси-

смотреть. Достаточно было просто прийти в ближайшее отделение и посидеть немного в камере. Или просто постоять на перекрёстке, наблюдая за уморительными ужимками постоного гаишника.

Вскоре в городе стало невыносимо жить из-за постоянного страха умереть от смеха. Вереницы беженцев потянулись в деревни. Целыми семьями уходили в леса.

Через месяц на стол полковника Тормозадова легли отчёты о проделанной работе.

— Ну что ж, господа! Неплохо, неплохо, — довольно хохотал он, вытирая добрые полицейские слёзы с пухлых розовых щёчек. — Но есть, есть ещё в нашей работе отдельные недостатки! Не все пока до конца понимают форму переживания такой сложной эстетической категории, как юмор. И порой путают с другими формами комического! Иногда просто открыто иронизируют над гражданами, травя похабные анекдоты, тем самым принижая значение креативной функции юмора, её парадигмы, оскорбляя

Игорь ЗАРЕМБО (РИА «Новости»)

Вы стали прекрасными, как Джорджи! Смех сделал вас добрее и человечнее! А без того работа в органах правопорядка — нонсенс! Все подразделения полиции Таиланда проходят усиленную подготовку личного состава в плане смеха. Привлекаются юмористы и психологи. Полицейских учат смеяться! И эффект от этого необычайный! Количество правонарушений в одном только Бангкоке сократилось на 28,7 процента. Оргпреступность сократилась на 87,6 процента. — Он заглянул в конспект. — Уровень проституции, вы не поверите, сократился на 98,6 процента! Остались две проститутки на весь Бангкок! — Тут он отчего-то густо покраснел.

— Да ну! — недоверчиво, как один, воскликнул личный состав, привстав со своих мест от удивления.

— Гадом буду! — ударил себя в грудь полковник Тормозадов, отвыкший в Таиланде от подобного недоверия. — С завтрашнего дня переходим на новый, усиленный

хологи города обучали курсантов на специальных занятиях правильно улыбаться, ухмыляться, смеяться, хохотать, ржать, ухахотываться. Полицейские овладели основами пародии. Они стали смешливыми, как девочки из ПТУ. Проверяя документы, они балагурили, смешивая граждан до слёз. Производя обыски и аресты, они травили анекдоты, рассказывали байки из Интернета, а иногда разыгрывали целые сценки. Арестованные смеялись, и аресты стали походить на капустники. Встретив на улице полицейского, люди бесстрашно подходили к нему и просили рассмешить. В тюрьмах царил небывалое веселье. То тут, то там раздавался смех заключённых. Это значило, что новый следдак приступил к работе: допрашивал очередного зека.

В городе и окрестностях по ночам раздавались взрывы гомерического смеха. Это ночные полицейские в клоунских колпаках потешали горожан. Юмористические передачи перестали

и унижая слушателей. Поймите, юмор — это не осмеяние чьих-то недостатков. Он как бы раскрывает за видимой серьёзностью ничтожное в нас самих! Он предполагает высокие идеалы, иначе он девальвируется, теряет свой очищающий эффект, превращаясь в скабрёзность. Поэтому для раскрытия преступной личности посредством юмора необходимо исключить из программы подготовки личного состава современных пошлых классиков юмора, а наоборот, обратиться к чистому истоку: Шекспиру, Диккенсу, Франсуа Рабле, Чехову.

При этих словах весь первый ряд полицейских буквально повалился от смеха с кресел на пол. Тормозадов довольно ухмыльнулся: дело явно шло на лад. Юмор наконец-то неумолимо, словно цунами, начал переполнять сознание кадров и играть отведённую ему основную роль в работе правоохранительных органов.

АЛЕКСАНДР МЕШКОВ

ЧИТАЛКА

Все происходило так

Что бы вы сказали, дорогой читатель, увидя в содержании новой книги Сергея Сатина названия таких глав: «Становление государственности у восточных славян», «Кризис крепостничества и проникновение в Россию марксистских идей», «Политический экстремизм большевиков и Октябрьский переворот»... Да, вы совершенно правы, возьмите с полки пирожок — действительно это исследование об отечественной истории. Правда, есть тут один нюанс: эта история изложена в стихотворной форме. Книга так и называется: «История государства Российского в частушках» (М.: Аванта, Астрель, 2012).

У сборника имеется подзаголовок — «Учебник для всех классов, включая правящий». Теперь депутатам не нужно обсуждать до хрипоты, каким должен быть учебник истории. Он есть, причём в очень компактной, легко запоминающейся форме. Например, обычно в учебниках длинно и нудно рассказывалось о том, что калужский учитель разработал принципиальные основы межпланетного ракетоплавания. У Сатина же всё написано коротко и ясно:

**Ходят слухи по Калуге,
Как карасики по дну:
Цицковский от супруги
хочет смыться на Луну.**

Прочитал такое, и всё становится на свои места. Главное же достоинство учебника заключается в том, что автор выступает против фальсификации истории. Описывает всё, как было на самом деле. Вот несколько примеров, относящихся к разным эпохам:

**Князь на князя ножик точит,
князь князь в сортире мочит,
сын — папашу, тестя — зятя...
Феодалы, что с них взять!**

**Ты пиши, пиши, Крылов,
про марьяшек, про козлов.
Но медведя ты не трожь.
Почему — потом поймешь.**

В последней строчке мы отступили от оригинала — у Сатина буквы «ё» не существует. Похвально, что издательство сэкономило на этом деле флакончик типографской краски, однако эти бесконечные «шел», «кует», «миленок», «теленко», «Басе» утомляют. Особенно мило выглядит на стр. 165 сочетание «Е мое».

Мелкие орехи в книге с лихвой искупаются иллюстрациями одного из лучших отечественных книжных графиков Виктора Ковалева. Вот пример того, как художник может стать полноправным соавтором поэта.

ИРОНИЧЕСКАЯ ПОЭЗИЯ

СЛИВКИ ОБЩЕСТВА

В духовной сфере
Сливки скисли.
Конечно, в переносном смысле.

НУВОРИШ

В оригинале слово «нувориш» «разбогатевший» означает лишь. А в русском разговоре, слух лаская, Ясна его природа воровская.

ЭКОЛОГИЯ

На просторах Аризоны
Раньше бегали бизоны.
Их там были миллионы,
Грандиозные стада.
Но явились браконьеры,
Хуже тифа и холеры.
Их ужасные манеры
Понаделали вреда.

На просторах Аризоны
Пербиты все бизоны,
Извели их на бульоны,
На шашлык и на лангет.

Беззащитные янки
Разбросали всюду склянки
И заржавленные банки
И бумажки от конфет.

На просторах Аризоны —
Там, где бегали бизоны,
Нынче только пи-мезоны
Завершают звёздный путь,
Протыкая неба полог.
И расстроенный эколог
Достаёт бутылки с полком,
Чтоб бизонов помянуть.

ВЛАДИМИР ВОРОНКОВ

СОЮЗ РУССКИХ ХУДОЖНИКОВ
НОВОЕ ВРЕМЯ

Выставка реалистической живописи XX-XXI вв.

Государственный музей-заповедник «Царицыно»
Большой дворец
5 апреля — 26 мая 2013
Тел. для справок: 8 (495) 325-48-44

Министерство культуры Российской Федерации
Департамент культуры города Москвы
Государственный музей А.С. Пушкина

«Пушкин и семья Романовых»
к 400-летию Дома Романовых

Участники выставки:
Государственный архив Российской Федерации
Государственный исторический музей
Государственный музей-заповедник «Петергоф»
Государственный художественно-архитектурный дворцово-парковый музей-заповедник «Царское Село»
Государственный музей городской скульптуры
Российская государственная библиотека
Российский государственный архив древних актов
Российский государственный архив кинофотодокументов
Российский Фонд Культуры
Частные коллекционеры

С 26 февраля 2013 года

А.С. Пушкин.
«Моя родословная», 1830

«Четверо Пушкиных подписались под драматическим и избранным на зрителя Романовых»...

А.С. Пушкин
Начало автобиографии

в Государственном музее А.С. Пушкина
адрес: Пресненская, 12/2

Представляем наши книги

Однажды с Алисой Даншох
Алиса ДАНШОХ. **Розовые истории и другие «однажды».** — М.: Литературная газета, 2012. — 192 с.: ил.

«Однажды с Алисой Даншох» — так называется авторская рубрика обозревателя «ЛГ», которую она ведёт более пяти лет. В новую книгу Алисы Даншох вошли розовые и сказочные истории, а также другие «однажды».

Владимир КОНКИН. **У жизни есть начало.** — М.: Литературная газета, 2012. — 396 с.: ил.

Впервые легендарный актёр театра и кино Владимир Конкин дебютирует как автор книги художественной прозы, воспоминаний, публицистики, раскрывающих внутренний мир автора, хотя пишет и публикуется более 30 лет. В книге немало уникальных фотографий и документов.

«12-16-45»/ Сборник юмора. — Кишинёв.: Литературная газета, 2012. — 280 с.

Клуб «ДС» известен 45 лет. Он один из самых любимых у читателей. Нелучайно многие начинают читать «ЛГ» с 16-й страницы. Книга «12-16-45» предназначена пессимистам и оптимистам, ищущим и находящим истину в лучах юмора.

Издания можно приобрести в РЕДАКЦИИ
Справки по тел.: 8 (499) 788-01-03